

ПОВЕСТЬ

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ

И

ДИМИТРИИ САМОЗВАНЦЪ.

Убога книга... Части... сего...
43
ПОВѢСТЬ

*о томъ, какъ...
въ...
Борисъ Годуновъ*
БОРИСЪ ГОДУНОВЪ

И

ДИМИТРИИ САМОЗВАНЦЪ.

ЧТЕНІЕ ДЛЯ МОЛОДЫХЪ ЛУДЕЙ.

НАПИСАЛЪ П. КУЛИШЪ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Москва. Ноября 14 дня, 1856 года.

Цензоръ Н. Гмляровъ - Платоному.

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША,
въ Никольской улицѣ, въ домѣ г-жи Яценковой.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Недостатокъ книгъ по предмету исторіи, которыя могли бы читать съ пользою молодые люди, безъ особенной, спеціальной цѣли, чувствуется у насъ до сихъ поръ. Причиною тому не столько отсутствіе способностей въ сочинителяхъ, сколько несчастная манера все скрашивать передъ дѣтьми и выставлять одні добродѣтели тамъ, гдѣ естественно могутъ быть и пороки. Обыкновенно думаютъ, что молодые люди, увидѣвъ низость души въ занимающихъ передовыя мѣста въ гражданскомъ обществѣ, или нравственный развратъ въ цѣ-

домъ поколѣній извѣстной эпохи, теряютъ уваженіе къ старшимъ и любовь къ родной національности, — какъ-будто дѣтскій умъ только и живетъ книгами. Передъ нимъ ежедневно раскрывается дѣйствительность, во всей поражающей наготѣ своей, и, не смотря на то, изъ дѣтей вырастаютъ люди благородные, любящіе свое отечество и готовые для блага его на всѣ пожертвованія. Низкія страсти и дурные поступки окружающихъ ихъ людей вовсе не подавляютъ въ ихъ молодыхъ душахъ стремленія къ добру. Напротивъ, раннее уразумѣніе лицемерія, хищности, предательства и другихъ нравственныхъ пороковъ рождаетъ въ нихъ непреодолимое отвращеніе ко всему недостойному. Кто изъ людей честныхъ не знаетъ этого по себѣ?... Полный вѣры въ святость юношеской природы, которая изъ всего извлечетъ себѣ побужденіе къ стремленіямъ чистымъ и возвышеннымъ, издаю свою повѣсть о томъ времени, когда упадокъ нравственныхъ достоинствъ въ Русскомъ гражданскомъ обще-

ствѣ открылъ просторъ для низкихъ происковъ людей своекорыстныхъ и коварныхъ, и поколебалъ-было основы государственной жизни Русскаго народа до степени, близкой къ разрушенію. Дурное пускай у меня будетъ дурнымъ, хотя бы оно наводило на моихъ читателей грусть, что на Руси въ-старину мало было хорошаго. Эта грусть благотворна: она заставитъ каждого желать сильнѣе и всѣми мѣрами содѣйствовать, чтобы теперь и на будущее время было хорошаго побольше...

II. Кулинь.

ПОВѢСТЬ

О

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ

И

ДИМИТРИИ САМОЗВАНЦЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ХАРАКТЕРЪ ТЕОДОРА, ПРЕЕМНИКА ІОАННА ГРОЗНАГО. — РАЗДЕЛЕНІЕ БОИРЪ НА ПАРТИИ. — ДИМИТРИИ УДАЛЯЕТСЯ ВЪ УГЛУЧЬ. — ЗАМЫСЛАЪ БѢЛЬСКАГО И ВОЗСТАНИЕ ПРОТИВЪ НЕГО НАРОДА. — ШУЙСКІИ. — ВОЗВЫШЕНІЕ ГОДУНОВА. — ШУЙСКІИ ДѢЙСТВУЮТЪ ПРОТИВЪ НЕГО ПОСРЕДСТВОМЪ МСТИСЛАВСКИХЪ — МСТИСЛАВСКІИ ПАДАЮТЪ; ШУЙСКІИ ДѢЙСТВУЮТЪ РЕШИТЕЛЬНО. — МИТРОПОЛИТЪ ДІОНИСІИ МИРИТЪ ИХЪ СЪ ГОДУНОВИМЪ. — ТОРГОВЫЕ ЛЮДИ. — ШУЙСКІИ СЛОМАНЫ; ДІОНИСІИ ЛЕЖИТЪ САНА И ЗАТОЧЕНЪ. — МИТРОПОЛИТЪ ІОВЪ.

Въ 1584 году умеръ Московскій царь Іоаннъ Четвертый, славный увеличеніемъ своего государства, извѣстный законодательною мудростью и прозанный, за строгое правленіе свое, Грознымъ. Ему наследовалъ сынъ его Теодоръ, ювона слабаго здоровья, съ малолѣтства привыкшій къ уединенію и склон-

ный болѣе къ иноческой жизни, нежели къ дѣланью государственнымъ. Онъ проводилъ время преимущественно въ занятіяхъ отшельника: то читалъ церковныя книги, въ комнатѣ, убранной иконами и освѣщенной иногда неугасающими лампадами; то посѣщалъ церкви и монастыри; часто самъ надѣвалъ монашескую одежду. Заботы правленія возложилъ онъ на членовъ верховной думы; предоставилъ себѣ только право миловать и благотворить. Со вступленіемъ на престолъ, частная жизнь его ни въ чемъ не перемѣнилась: такъ же какъ и прежде, являлся къ нему ежедневно въ четыре часа утра духовникъ, съ крестомъ, благословеніемъ, святой водою и съ образомъ угодника Божія, означеннаго на тотъ день въ святцахъ; такъ же какъ и прежде, послѣ земныхъ поклоновъ и молитвъ передъ образомъ, отправлялся онъ къ своей супругѣ, царицѣ Иринѣ, въ ея отдѣльныя комнаты, и вмѣстѣ съ нею къ заутренѣ; такъ же строго соблюдалъ налагаемые на себя посты и другіе благочестивыя обѣты. Царица Ирина имѣла свой особенный столъ и только заговѣнья проводила вмѣстѣ съ царемъ-отшельникомъ.

Естественно, что члены верховной думы, имѣя въ своихъ рукахъ болѣе власти, нежели въ предшествовавшее царствованіе, старались взять верхъ одни

надъ другими. Еще въ ночь кончины царя Іоанна Васильевича Грознаго, начальныя люди раздѣлились на партіи: одни были болѣе привержены къ Θεодору, другіе къ младшему его брату, Димитрію. «Димитрію младенецъ», говорили эти послѣдніе, «до въ немъ виденъ отцовскій умъ, а Θεодоръ хоть и взрослый, да разумомъ ребенокъ.» Прежде всѣхъ осмѣлился высказать такую мысль бояринъ Богданъ Бѣльскій, которому царь Іоаннъ Васильевичъ передъ смертью поручилъ надзоръ за воспитаніемъ Димитрія. Какое побужденіе управляло этимъ савонникомъ, не трудно догадаться: возведеніе на престолъ воспитанника доставило бы воспитателю первенство въ государствѣ. Родственники Димитрія, Нагіе, постарались распространить въ народѣ убѣжденіе въ пользу младшаго царевича, и далеко бы это пошло, если бы сторожа царевича Θεодора не приняла мѣръ рѣшительныхъ. Къ Нагію приставлена была стража; нѣкоторые опасные люди удалены были изъ столицы, и въ ту же ночь всѣ дватые Москвитане присягнули старшему брату.

Нагіе тогда поняли, что Димитрію, съ его правами на престолъ, признаваемыми народомъ, опасно оставаться долѣе въ Москвѣ, и воспѣшнѣе увезти его въ городъ Угличъ, назначенный ему отцомъ въ удѣлъ.

Бѣльскій самъ хлопоталъ объ этомъ, но хлопоталъ для того только, чтобъ удаленіемъ Феодорова совѣтника усыпить осторожность противной партіи. Онъ полагался на усердіе къ нему стрѣльцовъ, которые столько же любили въ немъ своего стараго предводителя (во время опричнины), сколько народъ его ненавидѣлъ. Съ его возвышеніемъ, стрѣльцы сами надѣялись имѣть больше значенія, нежели подъ правленіемъ кроткаго и уединеннаго Феодора. Для грубыхъ ратниковъ этого было довольно, чтобъ усердствовать честолюбивому боярину, и они начали дружно готовиться съ нимъ на отважное дѣло. Но сторона Феодора была управляема братомъ его жены, Борисомъ Годуновымъ, человекомъ умнымъ, хитрымъ и рѣшительнымъ. Онъ повернулъ умы согражданъ противъ опаснаго соперника. Среди ночи неожиданно вспыхнулъ мятежъ. Кушцы, ремесленники, жильцы Московскіе и боярскіе дѣти, сверкая при свѣтѣ фонарей ножами, рогатинами и боевыми сѣкирами, приступили къ Кремлю, обратили Царь-пушку къ Фроловскимъ воротамъ и угрожали разбить ихъ. У стрѣльцовъ опустились руки при видѣ двадцати-тысячной толпы раздраженнаго народа. На вопросы выславныхъ отъ царя савошниковъ, вестройные крики множества голосовъ высказали подозрѣніе народа, буд-

то бы Бѣльскій задумалъ воззрѣть на время опроч-
 нины, низложить царя и всѣхъ знатнѣйшихъ бояръ
 и отдать власть надъ царствомъ своему соавтнику,
Борису Годунову. Въ то же время тысяча другихъ
 голосовъ кричала только: «Бѣльскаго! выдайте намъ
 злодѣя Бѣльскаго!» Застигнутый такимъ образомъ
 посреди своихъ недовершенныхъ замысловъ, Бѣль-
 скій потерялъ отвагу: забился въ царскую спальню,
 трепеталъ и молилъ о пощадѣ. Но приговоръ его
 напередъ уже былъ приготовленъ въ умахъ при-
 верженцевъ Феодора: Бѣльскаго немедленно сослали
 въ Нижній Новгородъ на воеводство. Народъ, удо-
 влетворенный успѣхомъ своего требованія, разошел-
 ся по домамъ съ восклицаніями: «Да здравствуетъ
 царь! да здравствуютъ вѣрные бояре!» Все успоко-
 илось. Но приступъ къ Кремлю, по случаю мятежа
 противъ Бѣльскаго, предвѣщала времена ужасныя.
 Это былъ отдаленный проблескъ молніи въ насту-
 павшей уже тогда на Россію грозѣ внутреннихъ
 смутъ. Что касается до настоящаго момента, то это
 событіе поразило человѣка, который самъ же его и
 подготовилъ. Оно показано Борису Годунову, что въ
 числѣ его орудій есть люди, равно враждебные для
 него, какъ и для его противника, Бѣльскаго, — люди,
 которымъ досадно его возвышеніе и которые поку-

шались, искусно звернутою въ общій ихъ замыселъ выдумкою, поработить разомъ обоихъ соперниковъ и занять первое мѣсто въ государствѣ. Довольно было Годунову одного взгляда на его совѣтниковъ при дворѣ, чтобъ угадать, кто повернулъ противъ него умы черни, которую онъ самъ избралъ орудіемъ для исполненія своихъ замысловъ.

На первомъ мѣстѣ стоялъ князь Иванъ Мстиславскій, славный по знатности рода между придворными. Но его ограниченныя способности и робкій характеръ ясно доказывали, что это не его было дѣло. За нимъ слѣдовали потомки удѣльныхъ князей Шуйскихъ. Они потеряли удѣлъ въ борьбѣ съ великими князьями, сражались противъ Москвы подъ Новгородскими знаменами и, когда Новгородъ палъ, перешли въ ряды бояръ Московскихъ. Здѣсь Шуйскіе не забыли своей старинной знатности и въ малолѣтство Іоанна Четвертаго успѣли достигнуть первенства между Московскими сановниками. Іоаннъ смирилъ ихъ потомъ, какъ и все именитое въ старой Руси; но, по его смерти, ихъ наследственный непокорный духъ ожилъ съ новою силою, и въ эпоху смутъ, наступившихъ съ воцареніемъ Бориса Годунова, Шуйскіе являются на театрѣ исторіи то тайными, то явными, но всегда самыми предприимчивыми, самыми стойкими дѣй-

ствователями. На нихъ-то пала подозрительность Годунова. Онъ не имѣлъ еще средствъ дать имъ почувствовать свою силу, но, зная навѣрное, что будутъ новыя на него покушенія, готовился къ противодействию.

Между тѣмъ власть его въ государствѣ возрасла. Въ прежнее царствованіе онъ былъ любимымъ человекомъ грознаго государя, но сила его между вельможами заключалась только въ умственномъ превосходствѣ да въ тайномъ страхѣ, какой внушалъ онъ каждому своимъ хитрымъ и мстительнымъ характеромъ. Теперь онъ вдругъ возшелъ и титломъ и богатствомъ на возможно высокую ступень въ государствѣ. Послѣ вѣнчанія, Феодоръ далъ ему древній, высокій санъ конюшаго и титулъ *ближнему великаго боярина* и намѣстника царствъ Казанскаго и Астраханскаго, а предоставленные ему доходы съ областей составляли, вмѣстѣ съ особымъ денежнымъ жалованьемъ, такое богатство, какого, по замѣчанію Карамзина, отъ начала Россіи до нашихъ временъ не имѣлъ ни одинъ вельможа. Испуганный мятежомъ, Феодоръ вручилъ ему безотвѣтственную власть въ управленіи царствомъ, и Бориса Годунова называли *правителемъ* не только въ отечествѣ, но и въ иностранныхъ государствахъ. Годуновъ теперь безъ труда привлекъ на свою

сторону, по крайней мѣрѣ наружно, искуснѣйшихъ людей государственныхъ, дьяковъ Щелкаловыхъ, а для связи съ старыми родами, подружился съ именнѣйшимъ по происхожденію бояриномъ, княземъ Иваномъ Мстиславскимъ.

Шуйскіе, съ своей стороны, опирались на приверженность многихъ фамилій княжескихъ и дворянскихъ, на любовь простолюдиновъ и на дружбу митрополита Діонисія, естественно имѣвшаго великое вліяніе на Θεодора; однакожъ боялись дѣйствовать прямо и зашии съ той стороны, съ которой Годуновъ меньше всего ожидалъ опасности: рѣшились дѣйствовать отъ имени самознатого и почетнаго на Москвѣ князя, Ивана Мстиславскаго. Мстиславскій былъ самымъ несчастнымъ простакомъ, клонившимся на всѣ стороны. Ласкаетъ его Годуновъ — онъ радуется своему почету у самовластнаго правителя; Шуйскіе говорятъ ему о родовомъ старшинствѣ — онъ вѣритъ, что ему легко достигнуть въ государствѣ старшинства дѣйствительнаго. Отъ природы Мстиславскій не былъ злымъ и коварнымъ подобно Шуйскимъ, но событія Іоаннова царствованія притупили въ немъ, какъ и во многихъ другихъ боярахъ, отвращеніе къ убійствамъ. Долго колебался между робостью и тщеславіемъ (ибо голосъ человѣческаго достоинства говорилъ тогда рѣдко

силы (е этихъ чувствъ), старикъ наконецъ положился на могущество партіи Шуйскихъ и обѣщаль, чего отъ него требовали: въ назначенный день позвать Годунова на пиръ и предать убійцамъ. Годуновъ открылъ заговоръ и надѣялся разомъ отдѣлаться отъ своихъ противниковъ, но долженъ былъ ограничиться насильственнымъ постриженіемъ въ монахи бѣдлага старика Ивана Мстиславскаго, ссылкой въ дальній мѣста Воротынскихъ, Головинныхъ и заточеніемъ въ темницы другихъ заговорщиковъ; Шуйскихъ же, при всей своей силѣ, на сей разъ, безъ явныхъ доказательствъ, коснуться не осмѣлился.

Это возвысило ихъ въ глазахъ приверженцевъ, гостей и черныхъ людей Московскихъ, которымъ было извѣстно, какъ усердно Шуйскіе хлопотали о гибели Годунова, готова бунтъ противъ Бѣльскаго, и какое участіе принимали они въ разрушенномъ заговорѣ Мстиславскаго. Торговые люди стали смѣлѣе поговаривать, «что не долго, де, Татарской выродокъ⁽¹⁾ повеличается передъ неконными князьями Шуйскими.» Ихъ смѣлость сообщилась другимъ слоямъ общества. Удачный опытъ недавняго бунта ободрилъ чернь,

(1) Годуновъ происходилъ отъ мурзы Чета, вывхавшаго въ Россію въ XIV вѣкѣ.

силькую многочисленностью. Видя верховную власть въ рукахъ согражданина, а не царя, она не признавала ея законности. Угрозы въ домахъ, въ кабакахъ, на улицахъ и площадяхъ сдѣлались до того открытыми и дерзкими, что самъ митрополитъ Діонисій ужаснулся и воспѣшилъ предупредить новую бурю митротворствомъ. Онъ умѣлъ найти для Шуйскихъ достаточныя выгоды въ согласіи, хотя на время, съ могущественнымъ царскимъ шуриномъ; а Годуновъ ралъ былъ этому средству разрознить единодушіе простонародья и кущовъ съ старой аристократіей. Торговые Московскіе люди явились въ этомъ случаѣ сословіемъ дѣлательнымъ и неустрашимымъ. У митрополита идетъ ирроваля, а они собрались нетерѣбливою толпою около Грановитой Палаты и ждутъ, чѣмъ кончится дѣло. Они вовсе не желаютъ мира; они боятся, чтобъ онъ не состоялся. Въ борьбѣ съ Годуновымъ надежда обѣщаетъ имъ успѣхъ, а примиреніе съ нимъ Шуйскихъ угрожаетъ имъ, съ его стороны, местию. Поэтому-то, когда князь Иванъ Шуйскій вышелъ объявить имъ радостную вѣсть, жертвое молчаніе толпы было ему отвѣтомъ, а два гостиннодворца не утериѣли, вышли впередъ и сказали смѣло: »Помирились вы нашими головами! и вамъ, князь

Иванъ Петровичъ, отъ Бориса пропастъ, и намъ погибнуть!»

Опасенія торговыхъ людей оправдались. Годуновъ не замедлилъ воспользоваться разъединеніемъ своихъ враговъ. Привлекши на свою сторону аристократію, онъ въ ту же ночь схватилъ двухъ смѣльчановъ-гостиннодворцевъ и запроторилъ ихъ безъ вѣсти. Зналъ онъ, какъ это огорчить Шуйскихъ, но рассчитывалъ, что не вдругъ же они снова разгорячатъ охладѣвшую къ нимъ толпу. Шуйскіе поняли тогда, что Годунова перехитрить трудно и что легче сломить его дѣломъ отважнымъ и рѣшительнымъ. Злоба внушила имъ самое надежное къ тому средство. Въмѣстѣ съ митрополитомъ Діонисіемъ, у котораго были свои неудовольствія на Годунова, они составили отъ лица всего народа челобитную, въ которой всѣ соеловія, устраниенныя будто бы мыслью, что безплодіе царицы Ирины угрожаетъ отечеству прекращеніемъ Рюрикова дома, торжественно просятъ Феодора развестись съ нею, отнустить въ монастырь и взять другую супругу, чтобъ имѣть наследника престола, для общаго спокойствія. Начали собирать подписи, а между тѣмъ волжовали червь, чтобъ устрасить Феодора и заставить его на все согласиться. Но медленность и вѣкоторая гласность, неиз-

бѣжныя при такомъ дѣлѣ, дали Годунову время принять свои мѣры. Судь о разводѣ зависѣтъ отъ митрополита. Годуновъ спѣшитъ въ палаты къ Діонисію и употребляетъ въ дѣло все, что могъ внушить ему, какъ духовному хранителю народнаго спокойствія, и все, чѣмъ искушаются люди со стороны честолюбія. Видѣтъ въ своей кельѣ самовластнаго правителя государства съ мольбою о спасеніи, обязать такого человѣка въ столь трудное для него время и обладать средствомъ привести снова его въ такое положеніе — въ умѣ Діонисія это значило, что отнынѣ онъ раздѣлитъ съ Годуновымъ поровну верховное господство надъ государствомъ. Годуновъ видѣлъ его насквозь со всѣми его поползновеніями, и, наружно передъ нимъ унижаясь, внутренно торжествовалъ надъ нимъ и изрекалъ роковой приговоръ ему и его сообщникамъ.

Лишь только слухи о разводѣ стихли, нашелся доносчикъ на князей Шуйскихъ, что они въ заговорѣ съ Московскими купцами и думаютъ измѣнить царю, — доносчикъ ничтожный, слуга самихъ же обвиняемыхъ, но его извѣсту повѣрили и немедленно взяли подъ стражу главныхъ представителей фамиліи Шуйскихъ, вмѣстѣ съ друзьями ихъ, князьями Татевыми, Колычевыми, Урусовыми, Быкасовыми, вмѣстѣ со мно-

гими дворянами и богатыми купцами. Нельзя было, однакожь, употребить законной строгости съ Шуйскими, и потому придуманы средства незаконныя. Сдѣлали видъ, будто бы изъ уваженія къ заслугамъ щадятъ князя Ивана Петровича, знаменитаго защитника Пскова противъ Баторія, и отправили его на Бѣлоозеро, а князя Андрея Ивановича, по тому жъ милосердію, — въ Каргополь; но оба были тайно удушены. Старшій изъ нихъ, Василій Феодоровичъ Скопинъ-Шуйскій, видно, самъ по себѣ казался неопаснымъ; ему позволили жить въ Москвѣ, но отобрали Каргопольское намѣстничество. Прочихъ взятыхъ подъ стражу также разослали по дальнимъ городамъ, а купцамъ, для острастки Московскои черни, всенародно отрубилъ головы. Митрополитъ Діонисій самъ ускорилъ свое паденіе. Въ порывѣ огорченія за друзей своихъ, онъ не размыслилъ, что Годунову ничего нельзя сдѣлать посредствомъ наря, котораго слабое существованіе было подобно постоянной дремотѣ; волненіе души преувеличило въ пошатнѣ Діонисія силу вліанія рѣчей его на Феодора, который довѣрчиво принималъ всякое убѣжденіе своего любимца. Діонисій забылъ, что Годуновъ, какъ всемогущій духъ, давно уже владѣетъ волею и всѣми помышленіями уединеннаго властителя; вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, Крутицкимъ

архієпископомъ Варлаамомъ, явился онъ въ царскіе палаты и смѣло изъяснилъ царю поступки Годунова, незаконныя и опасныя для государства. Царь слушалъ его, покачивая въ удивленіи головою, и можетъ быть, уже въ ту самую минуту въ его воображеніи сокрушеніи (вмѣсто ожидаемаго негодованія) Діонисій и Варлаамъ прочли свою участь. Едва они удалились, Годуновъ разсѣлалъ скорбь его и внушилъ ему, что эти извѣтчики — не пастыри церкви, а волки хищные въ одеждѣ овчей. Діонисій и Варлаама схватили въ тотъ же день, лишили сана и заточили въ дальніе монастыри. На первосвятительскій престолъ возведенъ былъ Іоанъ, смиренный Богомолецъ, устремлявшій все свое вниманіе на исправленіе духовенства и на церковное благоустройство. Онъ представлялъ противоположность Діонисію, гордому своими познаніями, высокоумному умомъ, пылкому сердцемъ, и Годуновъ, облекши его въ высшій духовный санъ, надѣялся сдѣлать изъ него послушное себѣ орудіе, что и подтвердилось отчасти дальнѣйшими событіями.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Дѣятельность Годунова. — Учрежденіе въ Россіи патриаршества. — Шуйские и другіе бояре дѣйствуютъ съ Годуновымъ заодно. — Опасенія ихъ касательно вѣцарствія Дмитрія Угличскаго. — Убіеніе Дмитрія. — Стремленіе Годунова къ престолу. — Пожаръ въ Москвѣ. — Нашествіе хана и битва подъ Москвою. — Происхожденіе крестьянъ и укрѣпленіе ихъ за помѣщичьими. — Смерть Феодора и пострѣженіе Ирины. — Интриги Годунова во время избранія его въ царя.

Чѣмъ больше возвышался Борисъ Годуновъ въ государствѣ, тѣмъ больше обнаруживалъ правительственной дѣятельности: составлялись описи земель; населались пустыни; пограничныя мѣста укрѣплялись новыми городами (1); судъ и расправа замѣтно улуч-

(1) Въ царствованіе Феодора, Борисъ Годуновъ основалъ Архангельскъ, крѣпости по Волгѣ: Цивильскъ, Уржумъ, Царевъ-городъ на Козьмѣ, Савчурецъ, Самару; также

пились. Имя Бориса Федоровича Годунова было въ устахъ народа чаще всякаго имени. Здѣсь его славили за рѣшеніе судебнаго дѣла безъ дроволочки, за оправданіе бѣдняка въ тяжбѣ съ богачомъ, за осужденіе родственника и ближняго человѣка по жалобѣ простолюдина; въ другомъ мѣстѣ построенныя на счетъ казны, безъ отягощенія жителей, гостиныя дворы, городскія стѣны и общественныя зданія производили въ народѣ самыя выгодныя о немъ толки. Даже въ переговорахъ съ иноземными государями и министрами Московскіе послы величали его вѣщальнымъ человекомъ въ Россіи, говорили, что вся земля отъ государя ему приказана и что никогда еще такого мудраго правленія въ ней не бывало.

Въ 1589 году, Феодоръ, по внушенію своего любимца, учредилъ въ Россіи патриаршество. Церковь Русская, съ самаго своего основанія, была подъ управленіемъ одного митрополита; теперь митрополитовъ поставлено въ Россіи четыре и къ нимъ шесть архіе-

---

Уфу, Пельмъ, Березовъ, Сургутъ, Тару, Нарымъ, Кетскій острогъ, Ливны, Кромы, Воронежъ, Бѣлгородъ, Осколь, Валуйку; кромѣ того возобновилъ запустѣвшій послѣ Татарскихъ набѣговъ Курскъ и построилъ въ Смоленскѣ сильную крѣпость.

нисконовъ, подъ высшею властью Іова, патріарха Московскаго и всея Россіи. Умноживъ и возвыся такимъ образомъ духовныхъ сановниковъ, Годуновъ пріобрѣлъ въ нихъ, на всякій случай, крѣпкую себѣ опору.

Сановники свѣтскіе и потомки знаменитыхъ древнихъ родовъ, изъ личныхъ выгодъ, тѣснились вокругъ него усердною толпою. Безъ сомнѣнія, нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, Шуйскіе, таили въ душѣ желаніе и надежду отместить ему за братьевъ и друзей; но благоразуміе заставляло ихъ до времени скрывать свои чувства: «на всѣхъ людей, говоритъ лѣтописецъ, напалъ страхъ и всѣ стали ему покориться и во всемъ творить его волю.» Была, притомъ же, еще одна причина согласію аристократовъ съ Годуновымъ. Уже шесть лѣтъ Феодоръ царствовалъ; слабость здоровья не обѣщала ему долголѣтія, а дѣтей у него не было. Умири Феодоръ сегодня, — завтра провозгласятъ царемъ Угличскаго Дмитрія; а извѣстно, что, по смерти Іоанна IV, Шуйскіе съ товарищами были, равно какъ и Годуновы, противниками Дмитріевой партіи и что Дмитрій былъ удаленъ въ Угличъ *свѣтлыми* *начальнейшими Россійскими вельможами*. Молодой царевичъ воспитывался въ мрачномъ Угличскомъ дворцѣ, похожемъ на монашескую обитель, вдали отъ

брата, вдали отъ столицы. Ему было уже около десяти лѣтъ. Мать и дяди его, Нагѣ, внушали ему свою ненависть къ Московскому правительству, толковали объ ожидающемъ его престолѣ, призывали даже ворожей къ царевичу, чтобъ узнать, долго ли жить Феодору ⁽²⁾. Ходили слухи, что рѣзвый мальчикъ часто хвалился передъ дворцовыми слугами, какъ онъ отмститъ своимъ гонителямъ, и что однажды, слѣдивъ вмѣстѣ съ другими дѣтьми изъ снѣгу нѣсколько человѣческихъ фигуръ, назвалъ ихъ именами придворныхъ и началъ рубить саблею: одному отсѣкъ голову, другому руку, третьяго пронзилъ насквозь, говоря будто бы: «Такъ будетъ имъ въ мое царство!»

Подобные слухи, при всей своей ничтожности, тревожили въ Москвѣ начавшимъ жить людей. Рѣшено было освободиться отъ опаснаго царевича насильственной мѣрою. Не извѣстно, всѣхъ ли приверженцевъ Бориса Годунова должно упрекать въ этомъ ужасномъ замыслѣ наравнѣ съ нимъ, только убійство очевидно

(2) См. *Собр. Гесуд. Грамотъ и Док.* II, № 60: Патриархъ Іовъ на Соборѣ говорилъ: «Михайло Нагой держалъ у себя ведуня Ондришу Мочалова и иныхъ многихъ ведунцовъ»

было задумано въ Москвѣ. Выполнить его поручено было дьяку Михайлу Битяговскому, по словамъ дѣтшинскаго, челоука дѣтскому и зѣлообразному. Михайло Битяговскій, опредѣленный къ должности дворецкаго при Угличскомъ царевичѣ, нашелъ средства согласить на кровавое свое дѣло брата своего Данила, племянника Качалова, мамку царевича боярыню Волохову и ея брата Осипа. Они условились сложить бѣду на падучую болѣзнь царевича, о которой распространились въ Угличѣ слухи, да и въ самой столицѣ, и выжидали только удобной минуты для свершенія ужаснаго своего предпріятія. Однажды, въ майское утро, мамка вывела царевича на крыльцо. Тутъ одинъ изъ убійць, взявъ его за руку, спросилъ: «У тебя, государь, новое ожерелье?» — «Нѣтъ, старое», отвѣчалъ царевичъ, приподнявъ голову. Въ эту минуту сверкнулъ въ рукѣ убійцы ножъ; но ударъ по горлу былъ невѣренъ. Крикъ показавшейся въ дверяхъ кормилицы испугалъ злодѣя; онъ бросилъ ножъ и убѣжалъ. Но двое другихъ убійць вырвали несчастнаго царевича изъ рукъ кормилицы, зарѣзали и быстро сврылись. Мать прибѣжала на шумъ, но уже поздно: бездыханное тѣло сына, какъ-будто оживленное ея воплемъ, затрещало послѣднимъ трепетомъ. Вслѣдъ затѣмъ явились дяди царевича, На-

гю, и велѣли бить въ набатъ. Гонцы поскакали по всѣмъ улицамъ, отъ воротъ къ воротамъ: «Чего стоите? цари у васъ иѣтъ!» говорили они жителямъ, высказавшимъ на громкій стукъ ихъ. Страшная вѣсть облетѣла Угличъ въ одну минуту; каждый сибѣжитъ на царевичевъ дворъ. Тамъ отчаянная мать съ братомъ своимъ, Михайломъ Нагимъ, терзаютъ предательницу мамку, приговаривая: «Твой братъ зарѣзалъ его съ Битяговскимъ!» По обвиненію царицы, народъ отыскиваетъ убійцъ, влечетъ на мѣсто преступленія и вмѣстѣ съ виновными убиваетъ многихъ невинныхъ. Раздраженная толпа излила свою ярость даже на слугъ, изъявлявшихъ жалость къ господамъ своимъ. Холодъ Волохова палъ на него и хотѣлъ защитить своимъ тѣломъ, — оба лишены жизни вмѣстѣ. Другой, видя свою госпожу, мамку царевича, съ распущенными сѣдыми волосами (великій срамъ по тогдашнимъ понятіямъ), прикрылъ ее своею шапкою, — въ ту же минуту его убили. Но страсти наконецъ успокоились, и Нагіе вмѣстѣ съ Угличанами ужаснулись послѣдствія столькихъ убійствъ безъ суда законнаго. Написали донесеніе къ царю, отправили въ Москву гонца, а между тѣмъ постарались дать убитымъ Битяговскимъ съ товарищами видъ вооруженныхъ разбойниковъ. Однимъ вложили въ руку

обогранные куриною кровью ножи, на другихъ бросили желѣзные палицы, сабли, самопалы и оставили въ ожиданіи суда изъ Москвы; а тѣло царевича Дмитрія положили во гробъ и поставили въ соборной церкви.

Въ Москвѣ давно ожидали этого извѣстія. Гонца къ царю не допустили, переписали грамоту по-своему, объяснили смерть Дмитрія падучею болѣзнію, и Борисъ Годуновъ взялъ на себя уведомить Феодора о горестномъ событіи. Благочестивый царь долго плакалъ, не говоря ни слова, и изъявилъ согласіе на предложеніе Бориса — для погребенія царевича и изслѣдованія дѣла отправить въ Угличъ митрополита Геласія, князя Василія Ивановича Шуйскаго и околичнаго Клешиина. Не удивительно, что Годуновъ выбралъ въ эту опасную для него комиссію митрополита Геласія: Геласія былъ обязанъ ему своимъ возвышеніемъ. Не удивительно и выборъ Клешиина: онъ былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ злоумышленниковъ противъ Дмитрія. По выбору Шуйскаго многіе дивились: съ этимъ именемъ каждый привыкъ соединять ненависть къ Годунову. Никто не подозревалъ, что этого-то и хотѣлось дальновидному крамолюнику. Онъ предвидѣлъ, что смерть царевича приищется ему, и, въ доказательство совершенной

своей виновности, забралъ въ слѣдственные суды своего стариннаго врага. Народу не извѣстны были узлы, связывавшіе аристократическую партію въ союзъ противъ Дмитрія; не легко также было воить ему и стѣсненное положеніе Шуйскаго между двумя товарищами, усердными клеветами Годунова: когда Шуйскій, *самъ Шуйскій*, вмѣстѣ съ другими привезъ изъ Углича подтвержденіе исторіи о падучей болѣзни царевича, это зажало рты многимъ обвинителямъ Годунова. Но что могъ Шуйскій сдѣлать, если бъ и желать, когда въ Угличѣ толпа людей — одни изъ страха, другіе изъ уголивости сильнымъ — засвидѣтельствовала, что царевичъ самъ накололся ножомъ? И могъ ли онъ повредить Борису Годунову, когда противъ его внушеній Феодору не устоялъ и самъ Діонисій, глава духовенства?

Патріархъ Іовъ, которому Феодоръ передалъ на верховный судъ донесеніе членовъ комиссіи Угличской, могъ бы, казалось, обличить несправедливость слѣдственнаго дѣла. Но, вмѣсто улики, онъ основался на этомъ донесеніи и объявилъ на соборѣ предъ царемъ, что «смерть царевича Дмитрія учинилась судомъ Божиимъ и что Михайло Нагой государевыхъ приказныхъ людей Битяговскихъ и другихъ велѣлъ побить напрасно, изъ личной злобы, за усердіе ихъ къ

государю. За столь великую нежѣну, продолжалъ Іовъ, Михайло Нагой съ братьями и Угличкіе мужики заслуживаютъ всякаго наказанія; но это дѣло земское, зависящее отъ гнѣва и милости государя, а наша обязанность молиться о тишинѣ междоусобной брани. Какъ слабый человекъ, Іовъ не смѣлъ противостать могуществу лукавыхъ царедворцевъ; но какъ ревностный Христіанинъ, онъ, по собственнымъ словамъ, много болѣловалъ объ обстоятельствахъ, которымъ долженъ былъ покоряться. Доказательствомъ его сознанія неправды въ Угличскомъ дѣлѣ служить одно уже то, что, описывая подробно царствованіе Θεодора, онъ не сказалъ ни слова о смерти царевича Дмитрія. Угрызенія совѣсти слабодушнаго пастыря церкви были конечно тѣмъ жесточе, что Θεодоръ, основавшись на его мѣніи, поручилъ судъ надъ «виновными» боярамъ; а тѣ, чтобъ скрыть концы, разослали всѣхъ Нагихъ по темнищамъ въ отдаленные города, несчастную изрицу, мать Дмитрія, заставили постричь въ монахини и отправили въ дикую пустыню св. Николая на Выскѣ (близъ Череповца), около двухъ сотъ Угличанъ, обвиненныхъ въ убіеніи невинныхъ, казнили смертью, многимъ отрѣзали языки, многихъ заточили, большую часть вывели въ Сибирь и поселили ими го-

роль Пелымъ. Такъ погибъ царевичъ Димитрій съ удѣльнымъ своимъ городомъ; но имя его послужило въ послѣдствіи орудіемъ самаго необыкновеннаго мщенія человѣческаго и небеснаго надъ виновниками его смерти.

Не извѣстно, теперь ли родилась въ умѣ Бориса Годунова мысль объ обладаніи Московскимъ престоломъ, или уже и прежде она управляла его дѣйствіями; но съ этого времени царственное величіе очевидно сдѣлалось его цѣлью. Феодоръ болѣлъ, дряхлѣлъ и видимо приближался къ смерти; право на престолъ переходило послѣ него къ родственникамъ его, Рюриковичамъ, Гедиминовичамъ, Романовымъ; а кто бы изъ нихъ ни воцарился, паденіе временщика было неизбежно. Значить, уже не одно безграничное властолюбіе, но и самая заботливость о личной безопасности указывала ему, въ чемъ искать неодолимой для завистниковъ опоры. Нужно было только устранить сонскателей престола и возвысить свое право надъ ними. Предусмотрительный умъ ясно представилъ Борису положеніе властей въ безгосударное время. Начальнымъ человекомъ дѣлался тогда патриархъ, и какъ, по недостатку прямого наследника, предстояло избраніе на царство, то первый и сильнѣйшій голосъ въ этомъ избраніи

принадлежалъ ему. Борису нужно было только представить Θεодора завѣщать престолъ царицѣ Иринѣ, или покрайней жѣрѣ увѣрить въ томъ верховную думу (2). При содѣйствіи царскаго душеприкащика, Іова, легко было и этого достигнуть.

Но посреди такихъ соображеній и мечтаній о цѣлѣ Мономаховомъ, ропотъ народа на злодѣйства въ Угличѣ и на неправды верховнаго правительства напомнилъ Годунову о самой сильной партіи въ безгосударное время (3). Скоро представился ему случай

(2) Въ *Никон. Лѣт.* VIII, 34, сказано, что царь Θεодоръ, на смертномъ одрѣ, завѣщалъ царицѣ Иринѣ не царствовать, а постричься; на вопросъ же патриарха Іова: кому приказываетъ царство? отвѣчалъ: «Въ немъ воленъ Богъ, какъ Ему угодно, а съ царицею у насъ улажено, какъ ей жить по смерти.» Это весьма вѣроятно; однакожь, по усердію къ Годунову Іова, въ грамотахъ объ избраніи говорится о завѣщаніи Иринѣ престола. На этомъ, видно, основаніи и въ грамотѣ объ избраніи на престолъ Михаила Θεодоровича Романова (*Собр. Госуд. Гр.* I, 602), сказано, что Θεодоръ оставилъ престолъ супругѣ своей Иринѣ, а въ спискѣ сановниковъ, въ *Др. Росс. Вѣдѣн.* XX, 66, сказано именно, что онъ вручилъ скипетръ Иринѣ.

(3) *Лесвицкѣ Марьянъ Миницкѣ*, въ *Сказ. Собр. о Дим. Сам.* IV, 62: «Должно замѣтить, что въ Московіи

расположить къ себѣ и эту партію. Въ отсутствіе Теодора, отпраившагося въ Троицкій пологъ (*), загорѣлась Москва. Пожаръ взялся съ Кольмажнаго двора и въ нѣсколько часовъ истребилъ улицы: — Арбатскую, Никитскую, Тверскую, Петровскую до Трубы, весь Бѣлый-городъ, а потомъ Посольскій дворъ, Стрѣленкія слободы и все Занеглинье, такъ что уиѣ

народъ всегда имѣетъ болѣе силы, чѣмъ сивтъ, особенно при избраніи царя и во время бунтовъ.»

(*) Такъ назывались путешествія царей на Богомолье къ Троицкій Сергіевъ монастырь. Были также походы Савинскіе, Звѣнигородскіе, Башинскіе, Переяславскіе, Можайскіе, Колинскіе, Угрішскіе, Кириловскіе, Боровскіе и Углицкіе. Древніе Русскіе цари имѣли себѣ въ благочестивую обязанность совершать часто эти походы, или объѣзды, въ отдаленные монастыри. Чаше всего предпринимали они походы Троицкіе, иногда даже пѣшкомъ. Во всякомъ случаѣ, они сопровождаемы были многочисленнымъ конвоемъ и Азіатскимъ великолѣпиемъ, для произведенія на народъ сильнаго впечатлѣнія. Напримеръ, одинъ передовой отрядъ, съ пушкою и царскимъ аргамкомъ, состоялъ изъ 1,500 конновъ. Далѣе тянулись телеги: *запасная казѣна, образная, постельная, телеги портмоноймья, оружейная, поборная* и проч. въ сопровожденіи *капелечныхъ мастеровъ* (портныхъ), шапочниковъ, чеботниковъ, нашивочниковъ, чистоплатовъ, и пр. и пр. Любопытное описаніе Троицкихъ походовъ г. Забѣлина см. въ *Чтен. Общ. Ист. и Др. Р.*, 1846, дек.

дѣла только Кремль и Китай-городъ, гдѣ жило знатное дворянство. Столица превратилась въ обширное пепелище. Народъ былъ въ отчаяннѣйшій; нѣзлые толпы бѣжали на Троицкую дорогу — встрѣтить Феодора и просить помощи. Годуновъ является посреди шумныхъ сборищъ, выслушиваетъ жалобы, изъявляетъ участіе, обѣщаетъ всѣмъ немедленную помощь. Въ самомъ дѣлѣ никто не остался безъ пособія. Одни получили изъ казны деньги, другимъ даны льготныя грамоты; по волѣ Годунова, выстроены государскими плотниками (*) нѣзлыя улицы; Москва явилась изъ-подъ пепла въ новой красѣ, и народъ, успокоенный, облагодѣтельствованный, не зналъ Годунову цѣны.

Русскіе и иноземные писатели повторяютъ молву, будто Годуновъ самъ зажегъ столицу, чтобъ обратить мысли каждаго къ собственному горю и заглушить толки о смерти Димитрія. Но современные лѣтописцы-иноки почти всѣ были недоброжелатели

(*) Изъ наказа посланнику Исѣньеву, въ 1591 году, видно, что «городовые дѣла всякіе дѣлали изъ казны шаймою; а плотниковъ устроено больше тысячи человекъ: да тѣхъ по всѣмъ городамъ и посылають.» (Барж., X, стр. 196).

Борисовы, а иностранцы описывали Московскія происшествія до 1600 года, основываясь на народной молвѣ (7). Не падить соперниковъ на пути къ возвышенію свойственно многимъ честолюбцамъ, но играть людьми безсовѣстно до такой степени рѣшаются немногіе люди. Гораздо вѣроятнѣе, что Московскій пожаръ такъ же мало зависѣлъ отъ Годунова, какъ и послѣдовавшее за нимъ нашествіе Татаръ (8), въ которомъ также его обвиняли.

Лѣтомъ 1591 года Крымскій ханъ Казы-Гирей неожиданно вторгнулся въ Московское государство. Главное войско царское стояло на Шведскихъ границахъ, и дикая орда проникла до самой Москвы, гоня передъ собою сторожевыхъ казаковъ и легкую дружину боярскихъ дѣтей, враскоря собранныхъ для перваго удара. Но за двѣ версты отъ Москвы, между

---

(7) Толки народа о Годуновѣ были явно несправедливы: народъ вѣрилъ, что онъ колдунъ, что онъ извелъ отравою Осодора и даже своего нареченнаго зятя, герцога Датскаго.

(8) «Воиде въ мысль (сказано въ *Шиком. Лѣт.*) во многіе простые люди украинскіе (пограничные), что привеле царя Крымскаго подъ Москву Борись Годуновъ, бося земли про убойство царевича Дмитрія.»

Калужскою и Тульскою дорогами, противъ Даниловскаго монастыря, встрѣтило ее сильное войско, составленное изъ берегового ополченія, изъ Московскихъ ратниковъ, вооруженныхъ гражданаъ, знатныхъ дворянъ и боярскихъ дѣтей. Оно прикрывалось пушками, разставленными по новымъ деревяннымъ стѣнамъ на Замоскворѣчьи, и подвижнымъ гуляй-городкомъ изъ досокъ, двигавшимся на колесахъ. Годуновъ явился въ станъ въ богатыхъ латахъ, полъ великокняжескимъ знаменемъ, въ сопровожденіи дворянъ и тѣлохранителей, неразлучныхъ дотогѣ съ царскою особою. Феодоръ заключился съ царицею и духовникомъ, для молитвы, въ уединенной палаткѣ и предоставилъ правителю дѣйствовать своимъ именемъ. Но Борисъ нашелъ выгоднымъ уступить главное начальство надъ войскомъ старшему боярину, князю Феодору Мстиславскому, сыну простодушнаго заговорщика князя Ивана, самъ удовольствовался вторымъ мѣстомъ, окружилъ себя шестью опытѣйшими совѣтниками (въ числѣ которыхъ былъ и оружничій Богданъ Бѣльскій, возвращенный имъ изъ ссылки) и дѣйствовалъ неутомимо. Днемъ и ночью видѣли его въ разныхъ концахъ укрѣпленія. Пользуясь умомъ чужою опытностью, Борисъ явился искуснымъ военачальникомъ даже въ глазахъ старыхъ воиновъ. Рас-

пущенная имъ молва, что хана заманили подъ Москву съ умысломъ, поселила вездѣ увѣренность въ побѣдѣ; передовыя толпы Татаръ встрѣчены были мужественно, и, когда ханъ съ главнымъ войскомъ подошелъ къ мѣсту битвы и остановился на горахъ села Воробьева, Москва блеснула передъ нимъ за тучами пушечнаго и ружейнаго дыму, а широкая равнина передъ городомъ вся была покрыта сражающимися. Грохотъ пушекъ не умолкалъ и съ заходомъ солнца. Всѣ городскія стѣны и монастырскія ограды обозначались въ ночной темнотѣ непрерывнымъ блескомъ выстрѣловъ, какъ золотыми ореолами. Къ утру ханъ получилъ ложное извѣстie, что въ Москву пришла свѣжая рать отъ Шведскаго пограничья, и бѣжалъ, не ожидая общаго нападенія. При торжествующемъ звонѣ колоколовъ, Годуновъ и Мстиславскій выступили за нимъ въ погоню. Ханъ только и рассчитывалъ на отсутствiе главнаго войска; ошибшись, какъ ему показалось, въ расчетѣ, онъ опрометью кинулся въ свои стѣны, бросая по дорогѣ добычу, и прискакалъ въ Бакчисарай на тележкѣ, тяжело раненный.

Воротясь изъ похода, Годуновъ получилъ съ царскаго плеча Русскую шубу съ золотыми пуговицами въ 3 тысячь нынѣшнихъ рублей серебромъ, золотой

Мамиевскій сосудъ, добытый на славномъ Куликовѣ полѣ, и три города Важской области въ потомственное владѣніе; сверхъ того Феодоръ связъ съ себя золотую цѣпь, надѣлъ на Бориса и далъ ему высокое титуло *слуги*, которое въ теченіе вѣка носили только три сановника, за величайшія заслуги предъ царемъ и отечествомъ. Князь Феодоръ Мстиславскій получилъ также съ царскаго плеча шубу, кубокъ, золотую чарку и пригородъ Кашинъ съ уѣздомъ. Еще до возвращенія въ Москву, посланы отъ царя этимъ двумъ воеводамъ, для ношенія на рукавахъ, или шапкахъ, вмѣсто медалей, *Португальскіе золотые*, а другимъ *корабельники* и червонцы Венгерскіе. Теперь всѣ воеводы, головы, дворяне и боярскіе дѣти были награждены — кто шубами, сосудами, вотчинами, помѣстьями, — кто деньгами, кусками разныхъ дорогихъ травенъ, соболями и кунницами, а стрѣльцы и козаки тѣтами, сукнами и деньгами. Никто не остался безъ награды. Войско радовалось и славно Голунова, которому приписана была вся честь побѣды.

Приобрѣвъ такимъ образомъ любовь военной партіи, Борисъ продолжалъ обращать къ себѣ сердца гражданъ Московскихъ. Случалось ли Феодору кого пожаловать чиномъ, помѣстьемъ, или простить пре-

стуника — въ грамотахъ писалось, что все это царь дѣлаетъ по прошенію *близкаго своего пріятеля*, Бориса Θεодоровича; но въ указахъ о необходимыхъ наказаніяхъ, имена Борисова не упоминалось, а только: »Приговорили бояре, князь Θεодоръ Ивановичъ Мстиславскій съ товарищами.« Между тѣмъ въ умѣ Годунова готовилась всѣмъ землевладѣльцамъ услуга необыкновенная.

Въ отдаленную старину всѣ земли на пространствѣ, занимаемомъ нынѣ Россіею, лежали, какъ и вездѣ, невоздѣланными пустырями, и когда человѣкъ отъ звѣроловной и пастушеской жизни перешелъ здѣсь къ быту земледѣльческому, то сперва одинъ трудъ первой вспашки давалъ ему въ тогдшнемъ населеніи право собственности надъ занятымъ участкомъ земли. Наваденія дикихъ, безземледѣльческихъ семействъ заставили первыхъ земледѣльцевъ строить жилища свои въ одномъ мѣстѣ, съ общою землею или деревяною оградю. Такъ появились *города*, то есть, огороженные селенія. Жители каждаго города *владѣли* кругомъ земли на извѣстное разстояніе, что и составляло *область*. Всякая область, поэтому, принадлежала городу, а право исключительной собственности, пріобрѣтенное трудомъ, приложеннымъ

къ первоначальной разработкѣ дикихъ пустырей, укрѣплялось давностью владѣнія (?).

Потребность прокормленія привлекала къ землевладѣльцамъ множество людей изъ семействъ кочующихъ, неимѣвшихъ недвижимой собственности. Эта часть населенія жила сперва привольно, занимаясь охотою и бродя съ своими стадами по дикимъ, вѣкъмъ незанатымъ пустынямъ; только суровое время года, или потеря стада заставляли нѣкоторыхъ кочевниковъ предлагать свои услуги земледѣльцамъ. Но, съ расширеніемъ гражданственности, почти всѣ земли мало-помалу подошли подъ владѣнія частныя, или подъ казенныя, княжескія, и тогда всякій любитель кочевой правды долженъ былъ сдѣлаться по необходимости работникомъ землевладѣльца. Исключенія кочевавшихъ по землямъ князьковъ были незначительны. Число этихъ работниковъ надревле было очень велико, и они-то образовали многолюдное сословіе крестьянъ. Отъ прежней жизни у нихъ оставалась только возможность выбирать лучшее для себя мѣсто и переходить отъ одного землевладѣльца къ другому.

(?) Даже по Уложенію Іоанна III, кто три года владѣлъ землею, тому она уже крѣпка.»

Съ совершенствованіемъ устройства городовъ, когда въ нихъ появились воины, купцы, бояре и князья, нѣкоторые изъ безземельныхъ людей находили выгоду давать на себя землевладѣльцу кабалу, то есть, записываться къ нему во временное, или въ вѣчное рабство. Такіе люди, вмѣстѣ съ другими, лишенными вольности закономъ (¹⁰), вмѣстѣ съ плѣнниками, взятыми на войнѣ, и купленными рабами, составляли особый классъ *холоповъ*. До XVI вѣка они даже не имѣли никакихъ гражданскихъ правъ: господинъ могъ располагать ими, какъ *вещью*,* и отнимать у нихъ жизнь, не отвѣчая за то передъ закономъ. Но у прочихъ безземельныхъ людей оставалась личная свобода; одни заключали съ владѣльцемъ земли, на которой жили, условія, какую часть ея обрабатывать для себя, какую для помѣщика; другіе обязывались платить помѣщику за землю оброкъ. Осенній Юрьевъ

(¹⁰) Въ *Русской Правдѣ* сказано: Полнымъ холоповъ бываетъ: 1) человекъ, купленный при свидѣтеляхъ; 2) кто не можетъ удовлетворить своихъ заимодавцевъ; 3) кто женится на рабѣ безъ условія; 4) кто безъ всякаго условія пойдетъ въ слуги, или въ ключники и 5) закупъ т. е. пленникъ, или на время закабаленный человекъ, который, не выслуживъ срока, уйдетъ и не докажетъ, что онъ холопъ къ князю, или судьямъ искать у правы на господина.

день ⁽¹¹⁾ закономъ и обычаемъ назначался желѣющимъ для перехода отъ одного помѣщика на землю другого.

Эти переходы отъ господина къ господину имѣли для крестьянъ свои выгоды, но они же усиливали въ нихъ страсть къ бродячей жизни и ослабляли успѣхи земледѣлія. Богатые землевладѣльцы и монастыри, имѣя обширныя, лежація впустѣ земли, переманивали къ себѣ крестьянъ отъ мелкихъ помѣщиковъ, которые лишались такимъ образомъ возможности имѣть всегда на своихъ земляхъ работниковъ и являться на царскую службу въ сопровожденіи известнаго числа вооруженныхъ поселянъ, въ полномъ снаряженіи, или, какъ говорили тогда, *конно, людно и оружно*. Часто пустѣли цѣлыя деревни, оставляемыя недовольными земледѣльцами; жатва пропала на нивахъ; помѣщики изъ богатыхъ вдругъ становились бѣдными.

Стремясь къ своей цѣли, Годуновъ прислужился землевладѣльцамъ, особенно мелкопомѣстнымъ, и въ

Въ Уложеніи Іоанна III, 5-й пунктъ: «Холопъ, или раба съ женою и дѣтьми есть тотъ, кто даетъ на себя крѣпость.»

(11) Точнѣе сказать — самый Юрьевъ день и двѣ недѣли послѣ Юрьева дня.

1593 году издалъ, именемъ Θεодора, указъ, который запретилъ вольный переходъ крестьянъ изъ села въ село и укрѣпилъ ихъ за помѣщиками. Тогда же учрежденъ холопшій приказъ, который выдалъ господамъ кабалы и на людей *вольныхъ*, если эти вольные люди служили ихъ не менѣе шести мѣсцевъ. Такимъ распоряженіемъ Годуновъ достигъ временныхъ своихъ выгодъ, но оно же было одною изъ главнѣйшихъ причинъ и его паденія. Послѣ мы раскроемъ въ подробностяхъ послѣдствія указа 1593 года; теперь обратимся туда, куда стремились все помѣшленія Годунова.

Въ Январѣ 1598 года умеръ Θεодоръ, къ общему горю Москвитянъ, которые любили тихаго царя, наследовавшаго Грозному, и приписывали благоденствіе государства святымъ его молитвамъ. Горе царицы Прины было еще сильнѣе. Какъ-бы предчувствуя готовившіяся Россіи бѣдствія, она терзалась мыслью, что она причиною конца царскаго племени. Патриархъ Іовъ объявилъ завѣщаніе Θεодора; бояре и народъ присягнули ей, какъ самодержавной царицѣ. Но печальная Прина привыкла смотрѣть на царственное величіе глазами своего покойнаго супруга; въ девятый день по его смерти отказалась отъ престола, перешла въ Новодѣвичій монастырь и постриглась тамъ, подъ именемъ Александры. Пишутъ, что она,

призывавъ къ себѣ тайно многихъ сотниковъ и пятидесятниковъ, деньгами и обѣщаніями склонила ихъ къ убѣжденію вонновъ и гражданъ не избирать на царство никого, кромѣ ея брата, который дѣйствительно могъ одинъ казаться ей способнымъ поддержать благосостояніе отечества.

Годуновъ между тѣмъ самъ старался объ увеличеніи голосовъ въ свою пользу. Это было тѣмъ нужнѣе, что въ народѣ разнесся слухъ, будто покойный царь передъ кончиною вручилъ свой скипетръ Теодору Никитичу Романову ⁽¹²⁾, который, по общему суду,

---

(12) Молву эту записала Беръ (стр. 5) въ такомъ видѣ, какъ она ходила въ народѣ. «Когда государь лежалъ на смертвомъ одрѣ, бояре приступили къ нему съ вопросомъ: «Если Богу будетъ угодно отозвать тебя, государь, съ сей жизни, кому царствовать въ Россіи, оставленной вѣсть законнаго преемника?» Царица Ирина, сестра правителя, убѣждала супруга вручить скипетръ ея брату, давно уже и счастливо правившему государствомъ; но умирающій царь предложилъ его старшему изъ Никитичей, Теодору, нынѣшнему на престолѣ ближайшему праву. Теодоръ Никитичъ отказался отъ царскаго скипетра и уступилъ его брату своему Александру; Александръ предлагалъ эту честь другому брату, Ивану; Иванъ — третьему брату, Михаилу, а Михаилъ какому-то знатному князю, такъ что никто не бралъ скипетра, хотя каждому хотѣлось взять его. Умирающій царь долго передавалъ свой жезлъ

имѣлъ ближайшее право на престолъ. Безчисленные клеветы правителя разсыпались по всей столицѣ, однимъ грозя, другихъ склоня лестными обѣщаніями, третьимъ представляя, что Годуновъ тринадцать лѣтъ при Θεодорѣ счастливо правилъ государствомъ, что съ юношескаго возраста онъ неотлучно находился при великомъ самодержцѣ, Іоаниѣ Васильевичѣ, и вотъ премудраго его царскаго разума навѣкъ государственному чину», что, будучи только правителемъ, онъ умѣлъ внушать къ своей особѣ иноземнымъ посламъ уваженіе, подобающее лицу царственному⁽¹²⁾, что вынуститъ онъ изъ рукъ бразды правленія — государство внутри придетъ въ беззаконіе, а извнѣ нападутъ враждебныя сосѣди. Вдовы и сироты, благодарныя Годунову за рѣшеніе продолжительныхъ тяжбъ, отъ всей души убѣждали, кого могли, пода-

---

изъ рукъ въ руки, наконецъ потерявъ терпѣніе и сказали: «Возьми же его кто хочетъ: я не въ силахъ болѣе держать.» Тутъ сквозь толпу важныхъ особъ, заставлявшихъ такъ долго упрямивать себя, проткнулъ руку Борисъ и схватилъ скипетръ.»

(12) Въ 1597 г. Борисъ съ царственнымъ величіемъ принималъ у себя англійскаго посла Австрійскаго императора, говорилъ ему *милостивыя* слова, а дворянъ его давалъ цѣловать свою руку. Карамз. X, 108. изд. 5-е.

вать голоса въ пользу своего милостивца. Бояре, обогащенные щедрымъ правителемъ и надѣясь получить еще болѣе отъ царя, также сильно ему содѣйствовали. Романовы, Шуйскіе, Голицыны, при всемъ сознаніи своего права на престолъ, понимали непреодолимость средствъ Годунова, предвидѣли неизбежность его воцаренія и боялись выставить царственное свое происхожденіе, чтобъ не подвергнуться его мстительности. Но мало было Годунову добровольнаго и невольнаго согласія обитателей столицы, хотя ея дѣйствія были всегда закономъ для государства. По его волѣ, патриархъ, полъ разными предложениями, разослалъ во все концы Россіи монаховъ для внушенія народу, что престолъ отъ сестры естественно переходитъ къ брату и что весь духовный и мірской чинъ въ Москвѣ молятъ Бога о воцареніи Бориса Феодоровича.

Между тѣмъ Годуновъ сложилъ съ себя заботы правленія и удалился въ монастырь къ сестрѣ — плакать съ нею и молиться о Феодорѣ. Бояре предложили народу присягнуть до избранія царя на имя верховной думы; но народъ не хотѣлъ слышать о правленіи боярскомъ и признавалъ надъ собой одну царницу, не смотря на ея постриженіе. Когда же ему объявили, что царница, оставя свѣтъ, не можетъ за-

ниматься дѣлами царства и что необходимо присягнуть боярѣмъ, иначе государство разрушится въ безначаліи, — тысячи голосовъ воскликнули: «Пускай же царствуетъ братъ ея!» Возражать противъ этого никто не осмѣлился. Каждый сѣвшилъ показать усердіе къ будущему царю, и тотъ же часъ главы духовенства и дворянства, въ сопровожденіи народа, отправились къ Новодѣвичій монастырь. Тамъ патриархъ, отъ имени отечества, умоляя инокиню Александру благословить брата на царство и прекратить смутеніе народа, пока враги иноземные не узнали, что Русь безъ государя. Потомъ обратился къ Борису съ самыми убѣдительными просьбами вступить на престолъ покойнаго друга и родственника.

Исполнилось давнее желаніе Годунова. Сердце его трепетало отъ радости; но ему нужно было увѣрить народъ, что онъ никогда не мечталъ о державномъ санѣ, что, рожденный вѣрнымъ подданнымъ, смотреть на него со страхомъ и благоговѣніемъ, что одна преданность волѣ царской и благу отечества управляла всѣми его дѣйствіями, что уступаетъ корону знатнѣйшему и достойнѣйшему изъ боярѣ, а за усердіе соотечественниковъ обѣщаетъ «рады о государствѣ не только по-прежнему, но и свыше прежняго.» Все это высказалъ онъ съ искренностью, къ

которой трудно было бы усомниться, и решительно отказался от престола. Сколько ни убеждалъ его патриархъ примѣрами изъ церковной и свѣтской исторіи, что Богъ неоднократно воздвигалъ народамъ царей изъ ничтожества, сколько ни грозилъ гнѣвомъ небеснымъ за презрѣніе моленій всего царства, Борисъ остался непреклоненъ. Народъ разошелся по домамъ въ уныніи.

Но патриархъ и бояре ѿдѣлялись еще на собраніе земской думы: разослали во всему царству повелѣнія выслать въ Москву изъ каждаго города по 8 или 10 выборныхъ отъ духовенства, отъ чиновниковъ военныхъ и гражданскихъ, отъ купцовъ, мѣщанъ и хлѣбопашцевъ, для избранія царя. Эти выборные съѣхались въ столицу подъ вліяніемъ монашескихъ внушеній и были поражены извѣстіями объ отказѣ правителя и о напрасныхъ моленіяхъ патриарха Іова, непереставшаго ѣздить въ Новодѣвичій монастырь и «со слезами» убеждать Бориса тронуться сиротствомъ государства. Народъ терялся въ недоумѣніи, на кого обратить выборъ. Нѣкоторые предлагали Симеона, такъ называемаго царя и великаго князя Тверского (**); дру-

(**) Это былъ плѣнный царь Казанскій Эдигеръ. Служа вѣрно Россіи и принявъ вѣру Христіанскую, онъ при-

гіе возражали, что Симеонъ — перекрещенный Татаринъ, правда, ревностный въ благочестіи, но что гораздо лучше избрать на царство одноплеменника изъ потомковъ древнихъ владѣтельныхъ князей Русскихъ. Столица превратилась въ шумное сборище спорщиковъ. Отсутствіе правителя чувствовалось въ безсиліи судебныхъ мѣстъ и въ повсемѣстныхъ безпорядкахъ. Въ Смоленскѣ, Псковѣ и въ другихъ городахъ воеводы не слушались одинъ другого и не повиновались предписаніямъ верховной думы. Въ добавокъ ко всему, приверженцы Годунова распустили слухъ, что Татары вторглись въ Россію. Ужасъ распространился въ народѣ. «Кто теперь поведетъ васъ на врага?» восклицали Москвичи: «ханъ будетъ подъ Москвою, а мы безъ царя и защитника!»

Въ этотъ важный моментъ патриархъ Іовъ созвалъ

обрълъ милость Іоанна IV, имѣлъ въ Твери пышный дворъ и власть намістника; но въ царствованіе Θεодора долженъ былъ выѣхать оттуда и жить уединенно въ своемъ селѣ Кушалажѣ. Что его думали возвести на престолъ Θεодоровъ, доказательство этому находится въ присягѣ, предписанной въ послѣдствіи Борисомъ боярамъ, сановникамъ и народу. Тамъ сказано: «также мнѣ Семіона Бенбулатова и иного иного на Московское государство не хотѣти.»
Собр. Гос. Гр. и Д. II. 192.

въ Кремль земскую думу, или государственный соборъ, составленный изъ знатнѣйшаго духовенства, двора, сановниковъ и людей выборныхъ всѣхъ сословій изъ всѣхъ областей. Представивъ горестное положеніе государства безъ государя и отказъ Годунова принять царскій вѣнецъ, онъ просилъ земскій соборъ «объявить свою мысль и дать совѣтъ, кому быть государемъ», но, не ожидая его мнѣнія и совѣта, тутъ же сказалъ: «А у меня, Иова патриарха, и у всего освященнаго вселенскаго собора, и у бояръ, и у дворянъ, и у приказныхъ у всякихъ людей, и у гостей, и у всѣхъ православныхъ Христіанъ, которые есть на Москвѣ, мысль и совѣтъ у всѣхъ единодушно, что намъ, мимо государя Бориса Феодоровича, иного государя иного не искать и не хотѣть.» Ясно, что созваніе земскаго собора было только формою, для утвержденія въ умѣ народа справедливости избранія. Ни одинъ голосъ не возвысился противъ предложенія патриарха. Выборные только затѣмъ и были здѣсь, чтобъ сказать да отъ всего царства. Большая часть собранія, озадаченная прежде отказомъ Годунова и потерявшись въ предположеніяхъ, кому царствовать, радовалась теперь искренно, что вышла дорогу, съ которой было сбилась. Прочіе прикрывали недостатокъ внутренняго довольства буйнымъ выраженіемъ восторга. Похва-

лазь Годунову не было конца. Перебраны были все его добрыя свойства, все заслуги отечеству. Бояре превозносили передъ народомъ его дѣятельность, славили за сохраненіе царства, за возвышеніе Россіи въ глазахъ иноземныхъ державъ, за усмиреніе Татаръ и Шведовъ, за обузданіе Литвы, за расширеніе владѣній Русскихъ, за утвержденіе тишины и правосудія въ государствѣ; выставляли милости его войску и всему народу; припоминали любовь къ нему не только покойнаго царя, но и самого Іоанна Васильевича. Въ заключеніе, патріархъ напомнилъ собранію, какъ Феодоръ, послѣ побѣды надъ ханомъ, возложилъ на Бориса вѣстную царскую гривну (цѣпь съ медальономъ) и, исполненный Св. Духа, прообразовалъ этимъ его воцареніе, предопредѣленное небомъ. Раздались новые клики: «Да здравствуетъ государь нашъ Борисъ Феодоровичъ!» и патріархъ совершилъ великое дѣло избранія торжественнымъ воззваніемъ: «Гласъ народа — гласъ Божій. Буди, что угодно Вседержителю!»

Три дня Москвичи молились съ патріархомъ въ церквахъ, чтобы Господь смягчилъ сердце Бориса и внушилъ ему желаніе принять вѣнецъ Мономаховъ. Такъ умѣлъ Годуновъ повернуть всю Москву: его согласія царствовать народъ молилъ у неба, какъ величайшей милости! Лукавый често-

любезъ устроилъ дѣла такъ, чтобы возшествіе его на престолъ казѣлось дѣломъ самого Неба, въ слѣдствіе неотступныхъ моленій всей собранной въ Москвѣ Русской земли. Исполняя эту часть, какъ выразился Карамзинъ, *великаго театральнаго дѣйствія*, духовенство и вельможи объявили Годунову, что онъ избранъ въ цари уже не Москвою, а всею Русью; но возвратился къ народу опять безъ успѣха. Смиранный избранникъ ужасался высоты, на которую его возводили, назвалъ своихъ просителей искусителями, выслалъ изъ монастыря и не велѣлъ возвращаться. Могъ ли послѣ этого усомниться народъ, или по крайней мѣрѣ большинство его, что мысль о престолѣ въ самомъ дѣлѣ никогда не входила въ сердце Годунова и что неограниченная власть надъ соотечественниками, равная на землѣ Божеской, устрашаетъ его душу, святую и добродѣтельную? Столь высокое пониманіе царскихъ обязанностей и святости верховнаго сана, съ одной стороны, по расчету Годунова, должно было заставить народъ смотрѣть на него, какъ на единственное сокровище добродѣтели, а съ другой—возвести его будущую царственность на высоту, доступную одному благоговѣнію.

Отвергнутые въ другой разъ, духовные и свѣтскіе сановники изъявили наружное негодованіе, опре-

дѣлили нѣтъ во всѣхъ церквахъ праздничный молебенъ и обратиться еще разъ къ милосердію правителя; если жъ онъ и теперь не сжаится, то святители условились отлучить его отъ церкви, какъ человека, небрежущаго о благѣ отечества, тамъ же, въ монастырѣ, сложить съ себя святительство, кресты и анагін, оставить образа чудотворные, запретить службу и пѣніе во всѣхъ церквахъ; «пускай народъ и царство гибнуть въ мятежахъ и проволочтін, а виновникъ этого неисповѣдимаго зла да отиѣчаетъ предъ Богомъ въ день Страшнаго Суда!» Это былъ новый актъ «великаго театральнаго дѣйствія». Годуновъ такимъ образомъ изъ алчнаго властолюбца дѣлалъ себя, въ глазахъ народа, жертвою, влекомую насильно къ алтарю отечества.

Всю слѣдующую ночь не угасали огни въ Москвѣ, не прерывались въ церквахъ моленія, и на разсвѣтѣ все обширное дѣвичье поле передъ монастыремъ снова покрылось народомъ. Отиѣвъ соборомъ литургію въ монастырской церкви, патриархъ велѣлъ нести кресты и образа въ кельи царицы. Тамъ, съ земными поклонами и слезами, духовенство и знатнѣйшіе сановники опять принялись умолять царицуню благословить брата на царство. Но Борисъ просилъ сестру пощадить его отъ бремени, превос-

ходящаго его силы, и снова клялся, что никогда не дерзнулъ возноситься умомъ до страшной для смертнаго высоты престола. Между тѣмъ присутствовавшіе при этомъ лицедѣйствіи саковники слѣдили за движеніями царицы и, когда ова оборачивалась къ окну посмотрѣть на народъ, махали руками стоящій у окна на крыльцѣ; тѣ дѣлали тотъ же знакъ приставамъ, разсѣяннымъ въ народѣ, внутри монастырской ограды и за оградою; а по приказу пристававъ, все несмѣтное сборище людей повергалось ницъ и вошло о милосердіи ⁽²²⁾. Кого не потрясло бы это единодушіе необоримаго сонма соотечественниковъ! Пружинны, двигавшія ими, вѣдомы были немногимъ. Прочіе непритворно умалились согласнымъ движеніемъ сердець, можно сказать, всего населенія царства; и когда наконецъ Борисъ, съ сокрушеніемъ сердца, согласился на прошеніе сестры занять *ея* мѣсто на престолѣ, когда патріархъ объявилъ дворя-

---

(22) См. рукописный хронографъ въ *Москвитин*. 1844, № 6. «Мнози же суть и неволю пригнани... принуждени съ великимъ воплемъ воняти и слезы точити... Они же (пристава) повелѣваютъ пасти на землю вниць... нехотящимъ же создамъ въ шею плающе и бѣюще... и воставъ неволю плакати, и ниимъ же нехотятъ, аки волцы, напрасно воюще, ноляъ глазы же слышани мочаше.»

намъ, приказнымъ и всѣмъ людямъ, что Богъ даровалъ имъ царя, общая радость была неописана. Плакали, обнимали другъ друга, какъ будто освободились отъ величайшей опасности, или поражены неожиданнымъ счастьемъ. Доведя свое театральное представление до такой чувствительной развязки, Борисъ, тронутый, по-видимому, до глубины души общимъ чувствомъ любви къ нему, отправился съ духовенствомъ и сановниками въ монастырскую церковь, подвигаясь не безъ труда впередъ сквозь восторженную толпу, которая тѣснѣе лобзала руки, ноги и одежду своего владыки. Въ церкви Годуновъ палъ передъ древними отечественными святынями, Смоленской и Донской иконами; патриархъ благословилъ его на государство и нарекъ царемъ. Процессія возвратилась въ городъ, при звонѣ всѣхъ Московскихъ колоколовъ и радостномъ крикѣ народа. Годуновъ остался еще на нѣсколько дней въ монастырскомъ уединеніи. Вѣрный своимъ соображеніямъ, онъ не смѣшилъ облачаться въ царское величіе, которое принялъ съ такими многочисленными предосторожностями

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Борись еще притворствуесть. — Крестоцеловальная записка. — Въездъ въ столицу. — Феодоръ и Ксенія, дѣти Борисовы. — Серпуховское ополчение. — Устройство пограничной стражи. — Бивуаки подъ Серпуховымъ. — Хавские послы. — Царское възвѣщаніе. — Милости. — Огреневъ подъ тайнымъ покровительствомъ воиръ. — Подозрѣнія Борисовы. — Ссылка Бельскаго. — Доносы. — Ссылка Романовыхъ, Черкасскихъ и другихъ. — Огреневъ уходитъ изъ Москвы. — Заботливость Борисова о осмыльшихъ. — Душевные страданія его. — Шуйские. — Шведскій принцъ Густавъ. — Датскій королевичъ Іоаннъ. — Огреневъ странствуетъ по монастырямъ и лѣсамъ. — Молитва о царѣ, обнародованная Борисомъ. — Иностранная гвардія. — Ропотъ народа. — Огреневъ диакономъ въ Чудовскомъ монастырѣ.

Въ наступившую масляницу Москва увидѣла своего царя. Еще за городомъ встрѣтили его купцы съ богатыми подарками. Борись принялъ одинъ хлѣбъ, отказався отъ золотыхъ и серебряныхъ рубковъ, отъ соболей и жемчугу, ласково благодарилъ за все и

сказала достойныя царя слова: «Богатство мнѣ пріятнѣе въ рукахъ народа, нежели въ казнѣ.» Встрѣченный потомъ духовенствомъ, синклитомъ и народомъ, молился съ ними въ Успенскомъ храмѣ, принялъ въ другой разъ благословеніе на царство отъ патриарха и поздравленія гражданъ, поклонился гробамъ прежнихъ царей Московскихъ, потомъ предписалъ боярской думѣ управлять государственными дѣлами и возвратился въ монастырь къ сестрѣ. Тамъ, утѣшая печальную вдову, Борисъ неусыпно занимался дѣлами, часто пріѣзжалъ и въ самую думу, но отклонялъ просьбы духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ переѣхать съ семействомъ въ царскія палаты. Онъ и теперь казался до того равнодушнымъ къ верховному сану, что снова просилъ освободить себя отъ этого бремени. А между тѣмъ предложена была Москвитинамъ для присяги на вѣрность царю крестоцѣловальная записъ, показывающая лучше всего, какъ дорожилъ онъ престоломъ. Въ этой записи выразились и недовѣрчивость его къ народу, свойственная лицемерамъ, оскорбительная для честныхъ людей, и суевѣрныя понятія тогдашняго времени. Присягающій, напримѣръ, долженъ былъ говорить по ней слѣдующее: «Также мнѣ надъ государемъ своимъ, и надъ царицею, и надъ ихъ дѣтьми ни въ ѣдѣ, ни въ питѣѣ,

ни въ платъи, ни въ иномъ ни въ чемъ никакого лиха не учинить и не испортить, и зелья лихого и коренья не давать; а кто миѣ станетъ зелье лихое или коренья давать, или миѣ станетъ кто говорить, чтобъ миѣ малъ государемъ своимъ, и надъ царицею, и надъ ихъ дѣтьми какое лихо учинить, или кто захочетъ портить, и миѣ того человѣка никакъ не слушать и зелья лихого и коренья у того человѣка не брать; да и людей своихъ съ вѣдовствомъ и со всякимъ лихимъ зельемъ и съ кореньемъ не посылать, и вѣдуновъ и вѣдуней не добывать на государское и на царицыно, и на царевичево, и на царевнино на всякое лихо; также государя своего и его царицу, и ихъ дѣтей на слѣду всякимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ не испортить, ни вѣдовствомъ по вѣтру никакого лиха не ка-сылать и слѣду не вынимать ни которыми дѣлы, ни которою хитростью; а какъ государь царь и его царица, и ихъ дѣти куда пойдутъ, или пойдутъ, и миѣ слѣду волшебствомъ не вынимать, и всякимъ злымъ умышленіемъ и волшебствомъ не умышлять и не дѣлать ни которыми дѣлы, ни которою хитростью, по сему крестному цѣлованію; а кто тако вѣдовское дѣло похочетъ мыслить, или дѣлать и я то свѣдаю, и миѣ про того человѣка сказать.»

Наконецъ апрѣля 30 Борисъ торжественно въѣхалъ

въ столицу и встрѣченъ былъ опять всѣми сословіями. Онъ вышелъ изъ великолѣпной колесницы и подошелъ къ народу, держа за руку девятилѣтняго сына, Феодора, а другою рукою ведя пятнадцатилѣтнюю дочь, Ксенію. Не столько для самого себя, сколько для нихъ, добивался онъ царскаго сана, и радовался теперь больше какъ отецъ, нежели какъ честолюбецъ: не зная онъ, какую страшную участь уготовилъ своему семейству вмѣстѣ съ царскимъ величіемъ! И кто бы, глядя тогда на этихъ цвѣтущихъ красотою и счастливыхъ дѣтей, могъ предсказать, что отецъ, по ступенямъ трона, ведетъ ихъ на мучительную казнь! кто бы сказалъ, что такъ недолговѣчны будутъ величіе и жизнь самого Бориса! Въ то время онъ былъ еще въ цвѣтѣ мужественныхъ лѣтъ и здоровья. Высокій ростъ, выразительная физиономія, красота очертаній лица рѣзкая, а больше всего величавый видъ и повелительный взглядъ возвышали его и безъ блистанія царскихъ одеждъ надъ окружающими. Народъ глядѣлъ на него и на дѣтей его съ восторгомъ, видя въ этомъ новомъ царственномъ поколѣніи залогъ спокойствія и счастья государственнаго. Торжество его было истинное.

Опять были поднесены царю богатые дары отъ народа, и опять царь и дѣти его приняли только хлѣбъ:

Борисъ хотѣлъ назвать себя блюстителемъ общаго благосостоянія, равнодушнымъ къ личному обогащенію. Въ церкви Успенія патріархъ въ третій разъ благословилъ его на государство и, въ знакъ царственности, возложилъ на него священный крестъ митрополита Петра. Потомъ былъ общій пиръ у царя для духовныхъ и свѣтскихъ, для знатныхъ и простолюдиновъ. Всѣхъ угощали съ безпримѣрною щедростью.

Прошло уже полтора мѣсяца со времени избранія царя, но Борисъ всё еще медлилъ полнымъ царскимъ вѣнчаніемъ. Онъ подтверждалъ на дѣлѣ свою неохоту царствовать; трудился усердно надъ дѣлами правленія и, казалось, очень мало заботился, что власть его не освящена еще торжественнымъ помазаніемъ. Но-видиному, его гораздо сильнѣе занимали слухи о приготовленіяхъ Крымскаго хана къ набѣгу на Россію. Онъ съ умысломъ преувеличилъ важность полученныхъ изъ пограничья донесеній и заставилъ всѣхъ думать, что отечеству угрожаетъ великая опасность. Въ памяти Москвитянъ свѣжо еще было воспоминаніе о битвѣ съ Татарами подъ сагой столицею, въ 1591 году. Вспомнили дѣяствія Бориса въ то опасное время, боялись новаго нашествія хана, и возложили теперь всю надежду на доказанную уже мудрость царя. Настроивъ такимъ образомъ умы, Борисъ пред-

писалъ всѣмъ воеводамъ — выслать на берега Оки стрельцовъ, козаковъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ и людей дачныхъ съ монастырскихъ помѣстьевъ, «Нускай», говорилъ онъ, «воеводы не считаются старшинствомъ рода и не спорить о мѣстахъ. Всеобщее повиновеніе будетъ знакомъ единодушнаго желанія видѣть меня на престолѣ.» Трудно было боярамъ переломить родовую гордость и нести *службу безъ мѣстк*; права мѣстничества были для нихъ такъ важны, что изъ-за нихъ они осмѣливались иногда не слушаться и самого Іоанна Грознаго. Но на сей разъ никто не дерзнулъ ослушаться перваго повелѣнія новаго царя. Дворяне и боярскіе дѣти явились въ войско со всѣми слугами, годными къ ратному дѣлу, на лучшихъ коняхъ, въ богатыхъ доспѣхахъ. Все ополченіе простиралось до полумилліона воиновъ: сила, дотошъ невиданная въ государствѣ.

Въ тѣ времена Россія была обитаема къ югу только на 700 верстъ отъ Москвы, до Ливенъ. Болѣе южные степные города: Курскъ, Осколь, Царевъ-городъ и другіе были только укрѣпленные пограничные пункты посреди степей. Да и всѣ прочіе города за Окою назывались степными и только на нѣкоторое разстояніе были окружены обработанными зем-

лами ⁽¹⁾. Въ каждомъ изъ пограничныхъ городовъ были свои воюды и осадные головы, съ отрядами боярскихъ дѣтей, городовыхъ козаковъ и стрѣльцовъ. Сверхъ того, по всему пограничью устроены были въ трудныхъ для обхода мѣстахъ рвы, застѣки, забои ⁽²⁾ на рѣкахъ и другія полевые укрѣпленія, охраняемыя стражею, для предупрежденія внезапнаго вторженія непріятелей. Въ каждомъ сторожевомъ укрѣпленіи стояло нѣсколько козаковъ, или севрюковъ (людей осѣдлыхъ) подъ начальствомъ засѣдателя — головы изъ боярскихъ дѣтей. Она назывались станичными и сторожевыми, въ отличіе отъ стрѣльцовъ и собственно городовыхъ, или полковыхъ козаковъ и севрюковъ, которые содержались только для защиты

(1) Маржереть, стр. 12: «Не зирая на плодородіе сего края, жители осѣдлываютъ водѣвывать землю только въ окрестностяхъ городовъ.» Борисъ писалъ къ Серпухова къ воюдамъ: «Я стою на берегу Оки и смотрю въ степи.» Карамз. XI, 10.

(2) Въ степи на рѣкахъ были удобные для переправы мѣста, броды, или перелазы. Чтобъ затруднить переправу непріятелямъ, на берегахъ рѣки, вдоль всего брода копали скрытныя ямы, въ нихъ набивали острые колья, а самый бродъ закладывали подъ водою колодами, густо набитыми чистикомъ. Это называлось закрѣпить бродъ. Бѣляевъ, О сторожевой и станичной службѣ, 50, и слѣд.

города и для отраженія непріятелей на границахъ. Кромѣ сторожъ, укрѣпленныхъ засѣками, рвами, рѣчными забоями и т. п., дна на четыре или на пять шаговъ отъ городовъ, перѣдко и ближе, учреждены были подвижные притоны, каждый изъ нѣсколькихъ ставичныхъ козановъ. Козаки эти выбирали для своихъ наблюденій возвышенный кражъ земли, или старинный курганъ, или дерево на открытомъ, *устороженномъ* мѣстѣ. Одна лошадь стояла всегда осѣдланная; сторожа попеременно вѣдвали на дерево и смотрѣли во всѣ стороны. Едва вдали покажется пыль, сидящій на вершинѣ дерева слѣзаетъ внизъ, вскакиваетъ на лошадь и скачетъ къ другому подобному притону, отстоящему обыкновенно на 8, на 10 и до 40 верстъ; завидя сосѣдній постъ, кричитъ издали и показываетъ рукою, съ которой стороны виденъ непріятель. Тамоншій сторожъ съ вершины дерева издали замѣчаетъ вѣстенка и, лишь пойметъ изъ словъ его, или знаковъ, откуда поднимается пыль, велитъ своему товарищу скакать далѣе. Такъ въ нѣсколько часовъ вѣсть о набѣгѣ достигаетъ ближняго города, а скоро и самой Москвы. Оставшіеся сторожа скрываются въ травѣ и, когда орда пройдетъ мимо, выходятъ на слѣды, угадываютъ приблизительно число непріятелей, по широтѣ и

глубинѣ протопанной ими тропы, скачутъ тайными путями и другъ черезъ друга доставляютъ вѣсть главнымъ сторожевымъ отрядамъ. Кроме этого быстрого маневра, станичные козаки, не ожидая, пока непріятель покажется въ виду самой сторожи, разсылали отъ поры до поры вправо и влево верховыхъ. Пробѣгая по извѣстнымъ стенинымъ путямъ, или *сѣзнямъ*, эти верховые встрѣчались съ разсыльными изъ сосѣдняго пункта, мѣнялись дозвѣдными *памляма* и возвращались назадъ. Такимъ образомъ стениныя дороги, по которымъ Татары хаживали въ Русь⁽³⁾, пересѣкались непрерывными линіями разъѣздовъ.⁽⁴⁾

Всѣ этакіе сторожи, станицы и разъѣзды были въ большомъ движеніи, когда полумилліонная рать Борисова двинулась къ внутренней линіи пограничныхъ

(3) Маржереть пишетъ (стр. 57), что Татары вообще избирали пути извѣстные и неохотно прокладывали новые по стениной травѣ, изъ опасенія утомить лошадей.

(4) Касательно подвижныхъ стениныхъ сторожъ сдѣлано при Иоаннѣ IV, между прочимъ, слѣдующее постановленіе: «А становъ имъ не дѣлати, а огни класти не водномъ мѣстѣ, коли каша сварити, и тогда водномъ мѣстѣ огня не класти дважды; а вкоемъ мѣстѣ хто поддвезалъ, и втомъ мѣстѣ не почесати; а выѣсаухъ имъ не ставитца, а ставитца имъ втакихъ мѣстахъ, гдѣ бѣ было усторожно.» Бѣллевъ, *О стор. и ст. службѣ*, 16.

городовъ, отдѣленныхъ отъ степей Окою. Главному стану назначено быть въ Серпуховѣ, правой рукѣ въ Алексинѣ, лѣвой въ Коширѣ, передовому полку, или авангарду, въ Калугѣ, сторожевому полку, или резерву, въ Коложнѣ. Получились новыя вѣсти, что степныя сторожа снялись съ мѣстъ и бѣгутъ перель Татарами. Тогда самъ царь, въ сопровожденіи почти всего двора и многочисленнаго конвоя изъ жильцовъ Московскихъ, выѣхалъ изъ Москвы въ Серпуховъ. Тамъ, въ виду дикихъ степей, устроенъ былъ на лугахъ Оки рѣки обширный лагерь. Шесть недѣль простоялъ Борисъ въ полѣ, собирая извѣстія, рассылая грамоты воеводамъ городовъ, лежащихъ за Окою, усиливая подкрѣпленіями отдаленныя степныя пункты, дѣлая смотры войску и угощая каждый день подъ шатрами не менѣе десяти тысячъ людей на серебряной посудѣ. Сперва приходили въ царскій лагерь тревожныя извѣстія, что Татары въ движеніи, что ханъ уже выступилъ въ походъ; потомъ слухи затихли, отдаленныя сторожа не видали на сакмахъ никакихъ непріятелей и войско мирно пировало съ ласковымъ своимъ царемъ, подъ яснымъ степнымъ небомъ. Развязка грознаго ополченія была такова, что, вмѣсто второго Мамзевскаго нашествія, явились отъ хана послы съ мирными предложеніями.

Торжество оттого было не меньшее: всё славил царя, одной грозой своей силы ужаснувшего враговъ, защитившаго Русь отъ нашествия Татарскаго, отъ огня, меча и плѣна. Ханскихъ пословъ, начиная съ отдаленнаго сторожевого пункта, вели, отъ засѣки къ засѣкѣ, отъ станицы къ станицѣ, черезъ укрѣпленные степные города. Вездѣ передъ ними показывались разъяденныя дружины на красивыхъ коняхъ, хорошо вооруженныя; въ засѣнахъ и окнахъ велѣно было стрѣлять и дѣлать громкіе оклики. Русская земля показалась Татарамъ укрѣпленнымъ станомъ. Когда жъ приблизились они къ Серпухову, куда сошлись между тѣмъ всё полки, ихъ поразило грохотъ ста пушекъ. Восходящее солнце озарило лежащійся по сырой травѣ дымъ и за нимъ необозримые ряды войска, выстроеннаго въ боевой порядокъ. Смѣшавшихся отъ изумленія и страха пословъ провели, подъ громомъ артиллеріи, сквозь всё полки; царь принималъ ихъ величаво, въ волвыхъ доспѣхахъ, въ золотомъ племѣ, подъ великолѣпнымъ шатромъ, въ кругу своихъ полководцевъ и придворныхъ; потомъ роскошно угостилъ и отпустилъ къ хану съ Русскими послами, для утвержденія его союзной грамоты присягою. Въ тотъ же день Борисъ далъ обѣдъ всему полумилліону своихъ воиновъ, наградивъ чиновни-

ковъ, простился и уѣхалъ въ Москву, довольный пронаведеннымъ впечатлѣніемъ на войско и на всю «землю». Но войско, замѣчаетъ лѣтописецъ, радовалось потому, что ожидало отъ него и впередъ такихъ угощеній и жалованья.

Возвратясь въ Москву, Борисъ наконецъ вѣнчался на царство съ обыкновенною въ такихъ случаяхъ торжественностью. Подъ вліяніемъ общаго восторга и собственного радостнаго чувства, онъ забылъ свою роль равнодушна къ царскому вѣнцу и, какъ бы въ благодарность за него своимъ избирателямъ, воскликнулъ: «Отче великій патріархъ Іовъ! Богъ свидѣтель, что не будетъ въ моемъ царствѣ нищаго, или бѣднаго: послѣднюю рубашку раздѣлю со всѣми!» Упоенный торжествомъ своимъ, Борисъ далъ и другой обѣтъ — въ теченіе пяти лѣтъ не казнить преступниковъ смертию, а ссылатъ въ отдаленныя области. Въ тотъ же день пожалованы ближніе вельможи въ высшіе чины, Московскіе кушцы освобождены отъ платы пошлинъ на два года, казенные земледѣльцы отъ владѣтелей на годъ, а для крестьянъ господскихъ установлено, сколько имъ работать и платить господамъ безобидно. Трехдневный пиръ во дворцѣ заключилъ торжество вѣнчанія.

Въ эти дни шумной радости и нежданнаго дотогѣ

великолѣпія Борисъ былъ на верху блаженства, достигнутого столькими усиліями, столькими злодѣяніями и, безъ сомнѣнія, душевными терзаніями. Теперь то онъ успокоится отъ всѣхъ соперничествъ о первенствѣ, отъ таковыхъ для сердца колебаній между страхомъ и надеждою. Престолъ его стоитъ крѣпко уже одной своею святостію для народа; а онъ сдѣлался общиннъ благодѣтелемъ, не будучи еще царемъ, — не будучи еще царемъ, онъ приучилъ всю Русь обращать на себя взоры съ надеждою благоденствія и безопасности, а безпокойныхъ сосѣдей со страхомъ и съ желаніемъ мира. Принявъ корону изъ рукъ патриарха, онъ возвысилъ въ своемъ лицѣ величіе царскаго сана. Народъ никогда еще не имѣлъ царя, въ такой славіи восходящаго на престолъ, съ такимъ страстнымъ желаніемъ ожидаемаго, такъ горячо просимаго у Неба и съ такимъ восторгомъ принятаго. Словомъ, Борисъ, въ Мономаховой коронѣ, казался счастливѣйшимъ изъ государей и даже изъ людей вообще. Но какъ показалось бы жалкимъ это счастье тому, кто бы зналъ, что престолъ Борисовъ подкопанъ прежде, нежели сдѣлался его достояніемъ; что въ умахъ его соперниковъ, безсильныхъ бороться съ нимъ въ настоящій моментъ, рассчитывалась вѣрная гибель его и всего его дома; что самъ,

можно сказать, судьба послала имъ орудіе, способное вѣрнѣе всякаго другого погубить его. Я говорю о Самозванцѣ. Въ эпоху величайшихъ успѣховъ властолюбія Борисова этотъ необыкновенный юноша находился уже въ Москвѣ подъ покровительствомъ враговъ его. Это былъ бѣдный сирота, родомъ изъ Галича, сынъ боярскаго сына, Богдана Отрепьева, по имени Юрій. Потерявъ рано отца, онъ въ дѣтскомъ возрастѣ оставилъ родную семью и, брошенный игрою обстоятельствъ изъ угла въ уголъ, очутился какъ-то въ Москвѣ. Здѣсь онъ случайно попалъ на глаза князю Ивану Васильевичу Шуйскому, который, покорствуя Годунову, придумывалъ разные средства погубить его. Увидя Юрія Отрепьева, Шуйскій затрещалъ отъ мысли, внезапно озарившей его голову. Этотъ мальчикъ имѣлъ природныя примѣты Дмитрія Угличскаго — лѣвую руку короче правой и бородавку на носу, возлѣ лѣваго глаза. Пылкій и смѣлый отъ природы нравъ Юрія былъ также приваля Шуйскимъ въ соображеніе. Онъ показал свою находку ближайшимъ изъ своихъ друзей, и чудная мысль — обратить безроднаго сироту въ сына Ювана Грознаго — тотчасъ сообщилась умамъ, напряженнымъ въ пріисканіи средствъ къ погубеліи счастливаго соперника. Условились забо-

тятся общими силами о молодомъ Отрепьевѣ, тайно благодѣтельствовать ему черезъ другихъ, обращая на него, по-видимому, очень мало вниманія. И вотъ онъ попадаетъ, какъ-бы случайно, въ число дворнякъ къ князю Борису Черкасскому, учится грамотѣ и скоро оказываетъ необыкновенныя способности въ изъясненіи Библии, общей и почти единственной тогда науки. Дворчане князя Черкаского толкуютъ съ нимъ тайкомъ о разныхъ обстоятельствахъ жизни и смерти Угличскаго Дмитрія, сообщаютъ ему любопытныя свѣдѣнія о козняхъ Годунова, считаютъ возможнымъ, что, вмѣсто царевича, подставленъ убійцамъ другой мальчикъ, что царевичъ спасенъ и скрывается въ неизвестности. Молодой Юрій Отрепьевъ жадно слушаетъ всѣ эти толки, которымъ таинственность и страхъ быть подслушаннымъ придаютъ особенную прелесть. Пламенное воображеніе его бродитъ въ народѣ съ неизвестнымъ царевичемъ, и сердце бьется сильно отъ участія къ дивной судьбѣ его. Но ему долго еще не открываютъ, что этотъ странствующій царевичъ — онъ самъ, что Богданъ Отрепьевъ и жена его были только его воспитателями. Юрій Отрепьевъ, въ свитѣ своего господина, ѣздитъ и во дворецъ, видитъ пріемъ пословъ иноземныхъ, видитъ царскіе выходы и узнаетъ обычаи двора съ

простодушнымъ любопытствомъ, вовсе не подозревая, что его умышленно знакомятъ съ обычаями театра, на которомъ онъ долженъ со временемъ явиться главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Когда Борисъ Годуновъ сѣлъ въ первый разъ на тронъ Русскихъ царей, Отрепьеву было тогда шестнадцать лѣтъ; онъ видѣлъ торжество счастливаго крамольника, завидовалъ въ глубинѣ души подданному, возвысившемуся до царскаго величія, и воображеніе его еще живѣе рисовало передъ нимъ таинственнаго царевича, можетъ быть, скрытаго подъ монашескимъ подрясникомъ, можетъ быть, блуждающаго бездомнымъ козакомъ по дикимъ украинамъ, можетъ быть, находящагося даже здѣсь, въ любопытной толпѣ народа... Сіяніе престола и вѣща Борисова ослабляла зрителей; но какое трагическое лицо представлялъ этотъ полновластный и счастливый царь въ кругу подлострастныхъ исполнителей своей воли! Чествуя ему съ стѣсненнымъ сердцемъ, гордые потомки удѣльныхъ князей мимоходомъ бросали никому неповянный взглядъ на бѣдлага Юрія Отрепьева, котораго короткая рука и бородавка обѣщали имъ вѣрную пагубу Бориса!

И Борисъ не долго былъ спокоенъ на престолѣ, не смотря на явную приверженность къ нему гражданъ Московскихъ и выборныхъ изъ городовъ и

войска. Онъ зналъ, какъ тяжело было некоторымъ родовитымъ боярамъ уступить престолъ челоуѣку незнатному родомъ и видѣть торжество соперника. Безмолвная покорность ихъ не успокаивала, а скорѣи пугала его. Недовѣрчивый, какъ всѣ лицемеры, онъ не могъ въ этой извнншей покорности не подозрѣвать спокойствія мстителя, изшедшаго наконецъ вѣрное, хоть и отдаленное, средство мести. Подозрѣвалъ, догадывался, и не могъ догадаться: средство было слишкомъ необыкновенно. Опасаясь, однакожь, часъ отъ часу болѣе и болѣе, за себя и за дѣтей, любимыхъ съ горячностью необыкновенною, онъ рѣшился не щадить никого, если только представится поводъ къ подозрѣнiю. И вотъ доносить ему, что Богданъ Бѣльскiй, котораго онъ послалъ изъ степи строить новую крѣпость, Борисовъ, величаетъ себя независимымъ владѣтелемъ степей, царемъ Борисовскимъ. Какъ ни груба была эта клевета, но Годуновъ имѣлъ уже въ умѣ нѣсколько злобныхъ замѣтокъ о Бѣльскомъ. Бѣльскiй былъ въ дружескихъ отношенiяхъ съ Романовыми (*), низшими на престолъ ближайшее

(*) Старецъ Филаретъ Романовъ, отзывается въ заточенiи о всѣхъ прочихъ боярахъ презрительно, говорилъ: «Одинъ у нихъ разуменъ, Богданъ Бѣльскiй, къ посоль-

право; отличаясь рѣдкимъ умомъ, онъ могъ придумать съ ними что-нибудь опасное. Онъ же, притомъ, явно ненавидѣлъ и часто обижалъ служащихъ при дворѣ иностранцевъ, которыхъ Борисъ справедливо считалъ вѣрнѣйшими своими слугами: съ чего это, если не съ злого умысла противъ царя? Вѣра или не вѣра упомянутому доносу, Борисъ радъ былъ случаю освободиться отъ стараго крамольника и поручилъ судъ надъ нимъ верховной думѣ. Тамъ почти всѣ не любили временщика царствованія Іоаннова, несноснаго своею гордостью и ненавистнаго за умственное превосходство. Дума приговорила его къ смерти; но Борисъ оказалъ милость: велѣлъ Шотландцу Габріелю, личному врагу Бѣльскаго, выщипать ему по волоску густую, длинную бороду, и потомъ сослать въ Сибирь, а имѣніе его описано въ казну.

Такой злобный поступокъ, унижавшій достоинство правосудія царскаго, естественно долженъ былъ произвести между боярами сердитые толки. Но, можетъ быть, съ Бѣльскимъ такъ и поступлено для того, чтобъ вывести кой-какихъ опасныхъ людей изъ терѣнія. Угадывая тайное желаніе тирана, иѣкто Во-

нико, холопъ князя Шестунова, обвинилъ явно своего господина въ зломъ умыслѣ противъ царя. Но Борису не Шестунова было нужно: у него тяжелымъ камнемъ лежалъ на сердцѣ знаменитый родъ Романовыхъ, и онъ придумалъ, наконецъ, какъ до него добраться. Не тронувъ Шестунова, велѣлъ сказать Воинку на площади, передъ всѣми людьми, жалостливое слово государеву, дать помѣстье и причислить къ городовымъ дѣтямъ боярскимъ. Эта постыдная награда породила безконечный рядъ доносовъ. Низкіе люди поняли несчастную болѣзнь Борисова сердца, и доносители появились толпою изъ всѣхъ сословій: доносили священники, монахи, пономари, просвири, доносили даже жены на мужей и дѣти на отцовъ. Братъ съ братомъ и отецъ съ сыномъ боялись говорить откровенно; послѣ доверчиваго разговора брали другъ съ друга клятву не доносить. За ложные доносы не было наказаній, а за справедливые, то есть, признаваемые справедливыми, почти всегда давали деньги и помѣстья. Обвиняемыхъ хватали, подвергали пыткамъ, замучивали иногда до смерти, многихъ заточали въ темницы, многихъ умерщвляли ядомъ, а иныхъ тайно топили въ водѣ. Ни при одномъ государѣ, говорятъ лѣтописецъ, не было такихъ бѣдъ!

Полиція Голунова навела ужасъ на всѣхъ тайныхъ

враговъ его; но они оттого сдѣлались только осторожнѣе. Зная, что могутъ пострадать и безъ уликъ, смѣлѣе обдѣлывали отважное свое дѣло и, посреди шпіоновъ, воспитывали противъ Бориса Самозванца. Подозрительный царь догадывался, что у бояръ что-то задумано; онъ выводилъ это изъ тысячи разнообразныхъ доносовъ, къ которымъ жадно прислушивалось его раздраженное ухо; но что именно они задумали и кто тутъ главные дѣятели — до этого никакъ не могъ докопаться. Зная однакожъ, что паденіемъ его, если бъ оно свершилось, должны воспользоваться Романовы, какъ ближайшіе престолонаслѣдники, предполагалъ, что, если не они сами, такъ другіе для нихъ работаютъ, и потому рѣшился погубить Романовыхъ вмѣстѣ съ ихъ близкими родными и пріятелями. Вскорѣ донесено царю, что у Александра Никитича Романова найденъ въ кладовой мѣшокъ съ ядовитыми кореньями. Лѣтописецъ увѣряетъ, что этотъ мѣшокъ былъ положенъ туда его дворецкимъ, по наущенію царскаго родственника, боярина Семена Годунова. Какъ бы то ни было, но этой находки было довольно, чтобъ обвинить Романовыхъ въ умыслѣ на Борисову жизнь. Всѣхъ шестерыхъ братьевъ тотчасъ схватили и, когда привели къ допросу, царскіе приближенные, угождая своему

владыкѣ, осыпали ихъ ругательствами и подняли такой крикъ, что не слыхать было и отвѣтовъ подсудимыхъ. Въ то же время взяты подъ стражу многіе родственники и друзья Романовыхъ. Долго шли пытки и допросы; замучено нѣсколько вѣрныхъ слугъ боярскихъ; пытали и самихъ Романовыхъ; ничего не узнали, однако остались при великомъ убѣжденіи, что Романовы хотѣли извести царя волшебными средствами, и низкіе ласкатели еще славили Бориса за милосердіе, когда онъ, вмѣсто казни, осудилъ несчастныхъ на заточеніе въ отдаленныя отъ столицы мѣста. Приговоръ этотъ былъ исполненъ въ іюні 1601 года. Старшаго изъ Романовыхъ, Феодора Никитича, постригли, подъ именемъ Филарета, въ монахи, чтобъ лишить его всякаго права на престолъ, и заточили въ Архангельской области, въ Сійскомъ монастырѣ, подъ строжайшимъ надзоромъ царскаго пристава. Жену его, сына и братьевъ развели по разнымъ отдаленнымъ концамъ Россіи. Та же участь постигла зятя Феодорова, князя Бориса Черкаскаго, — сына его, князя Ивана, — князей Сицкихъ, Шестуновыхъ, Карповыхъ и князей Рѣцкихъ. Вотчины ихъ и помѣстья розданы другимъ, движимое имѣніе и дома отобраны въ казну.

Такимъ широкимъ замахомъ Борису удалось сне-

сти гнѣздо злоумышленниковъ своихъ — домъ князя Бориса Черкаскаго, но онъ разорилъ его на-угадъ, не зная, адѣсь ли, въ другомъ ли мѣстѣ составлялись противъ него ковы. Многихъ дворянъ и слугъ князя Черкаскаго перебрали къ допросу; подозрѣніе Борисово коснулось и самого Юрія Отрешьеза: о немъ дошла до царя кака-то злая вѣсть; вѣрно было схватить его. Но надъ Юріемъ бодрствовала промыселъ человека сильнаго, осторожнаго, хитраго и смѣлаго: князь Василій Шуйскій, ожидая и себѣ со дня на день ослы и вѣчнаго заточенія, боялся, чтобъ его смѣлый планъ мести Годунову не остался тогда безъ успѣха. Это заставило его дѣйствовать не откладывая, и вотъ онъ отырываетъ Отрешьеву мнимое его происхожденіе ^(*), успокаиваетъ пораженный юношу при такомъ открытіи страхъ, доставляетъ средства бѣжать изъ Москвы, совѣтуетъ скрыться отъ преслѣдованій Бориса постриженіемъ гдѣ-нибудь въ отдаленномъ монастырѣ и ожидать болѣе благоприят-

(*) Самозванецъ самъ рассказывалъ Іезуитамъ въ Польшѣ, что онъ долго не зналъ, кто онъ. См. *Annae Litterae Societatis Ieri*, an. 1604, p. 704, 705: «Князь, имѣя уже болѣе двадцати лѣтъ отъ роду, узналъ отъ воспитателей своихъ всю истину, отбылъ тайно къ нѣкоторымъ вельможамъ (Польскаго) королевства, и пр.

наго времени для сверженія хищника съ престола. Изумленный, встревоженный, подъ вліаніемъ тысячи чудныхъ мыслей, мечтательный юноша, какъ-бы ролаясь въ другой разъ на свѣтъ, уходитъ изъ Москвы, бродитъ изъ обители въ обитель, наконецъ постригается, подъ именемъ Григорія, въ Вятской области, въ Хлыновскомъ Успенскомъ монастырѣ. Все это произошло еще въ то время, когда шель судъ надъ опальными и они сидѣли по тюрьмамъ въ Москвѣ. Незавѣстно, увезли ли они въ горькую ссылку увѣренность, что не погибло чадо вражды ихъ къ Годунову; но когда распространился слухъ о первыхъ успѣхахъ Акедимирія, нѣкоторые изъ нихъ, живя въ заточеніи, часто посмѣивались тихомолкомъ, къ недоумѣнію приставовъ: что бы такое значилъ этотъ смѣхъ?

Должно, однакожь, отдать справедливость Борису, что онъ не хотѣлъ губить своихъ опальныхъ изъ одного подозрѣнія: онъ заботился, чтобы не только они не имѣли недостатка въ пищѣ и во всемъ необходимомъ, но чтобы съ ними обходился бережно и почтительно (5). Пристава, отправленные съ бѣдными

---

(5) Приведемъ для примѣра выписки изъ наказа пристава, отправленному въ Сибирь вмѣстѣ съ Василіемъ

изгнанниками, думали угодить царю жестокимъ обхожденіемъ съ опальными; но Борисъ узнавалъ объ этомъ съ негодованіемъ и давалъ повелѣнія въ точности исполнять свои указы. Иванъ Романовъ и князь Иванъ Черкасскій, спустя нѣсколько времени, были возвращены въ Москву, а княгиня Черкаская съ женою Александра Романова и дѣтьми Федора, или инока Филарета (въ числѣ которыхъ былъ и Михаилъ, въ послѣдствіи возведенный на царство) перевезены въ отчину Федора Никитича. Царь оице

Романовымъ. «Везти дорогою Василья бережно, чтобъ окъ съ дороги не утекъ и лиха ни котораго надъ собою не учинилъ.... А въ Иранской прѣхавъ, занять себѣ и для Василья дворъ въ городѣ, чтобъ отъ церкви и отъ сѣбжей избы, и отъ жалецкихъ дворовъ подалѣ, а будетъ такого двора нѣтъ, и присмотря кѣсто, велѣть дворъ поставить; а на дворѣ велѣть поставить хоромъ дѣй избы да сѣни, да кѣтъ, да погребъ... А корму Василью давать съ человекомъ: по калачу да по два хлѣба денежныхъ, да въ ясные дни по двѣ части говядины, да по двѣ части баранины, а въ рыбные дни по два блюда рыбы, накова гдѣ лучится, да ивась житный; а на кормъ послано сто рублемъ денегъ.» *Акты Историч.* II, № 38. Объ инокѣ Филаретѣ Борисъ писалъ къ игумену Сійскаго монастыря, чтобъ оиъ велѣлъ ходити Филарету въ церковь съ собою, «а отъ дурна его уговаривалъ, а безчестя бѣ ему ни котораго не дѣлалъ.» Тамъ же, № 34.

писалъ тогда къ ихъ приставу: «чтобъ дворовой никакой нужи не было, и корнѣ имъ давалъ дозволенъ и покоилъ ихъ всѣмъ, чего ни спросать, а не такъ бы еси дѣлалъ, что писалъ прежь сего, что ищѣ съ молокомъ даешь не отъ велика: то ты дѣлалъ своимъ воровствомъ и хитростью.» Перечитывая допросы приставовъ о рѣчахъ изгнанныхъ, Борисъ не разъ бывалъ тронуть ихъ жалобами, ибо немедленно дѣлалъ распоряженія о послабленіи ихъ заточенія и увеличенія удобствъ жизни. Такъ было поступлено съ инокомъ Филаретомъ, когда приставъ сообщилъ царю слѣдующія слова его: «Милыя мои дѣти, маленьки бѣдныя остались; кому ихъ поить и кормить? Таково ли имъ будетъ иныѣ, каково имъ при мнѣ было? А жена моя бѣдная, на удачу уже жива ли! таково жѣ замчена, гдѣ и слухъ не зайдетъ. Мнѣ ужъ что надобно? лихо на меня жена да дѣти; какъ ихъ помянешь, иво что рогатиной въ сердце толкнетъ. Много иное они мнѣ мѣшаютъ... Дай, Господи, слышать, чтобы ихъ ранѣ Богъ прибралъ, и язь бы тому обрадовался. И чаю; жена моя и сама рада тому, чтобы имъ Богъ далъ смерть, а мнѣ бы ужъ не мѣшали; я бы сталъ промышляти одною своею душою. А братья ужъ всё, дажь Богъ, на своихъ ногахъ.» (Филаретъ думалъ, что всѣхъ ихъ итъ уже на свѣтѣ).

Да, Борисъ не былъ тираномъ безчувственнымъ, отъ котораго отвращается сердце; онъ достоинъ участія. Жалкая страсть приписывать другимъ свои свойства, свою зависть къ чужому возвышенію, свою мстительность, свою склонность къ хитрымъ провскамъ, слѣлавшись нарою за всѣ его злодѣйства, лишила его сердечнаго спокойствія, слѣдовательно и счастья жизни, и побуждала къ такимъ дѣламъ, на которыя онъ въ другомъ званіи, въ другомъ общественномъ положеніи никогда бы, можетъ быть, не рѣшился. Многихъ его подозрительность и вѣчные опасенія за престолъ слѣдали несчастными, но, если измѣрять несчастье количествомъ терзавій сердца, то самъ онъ былъ всѣхъ несчастнѣе. Къ его душѣ, развращенной въ вѣчныхъ ковахъ и хитростяхъ, раздраженной дѣйствительными и мнимыми врагами до свирѣпости, но не безчувственной къ страданьямъ себѣ подобнымъ, сходились радусами со всѣхъ концовъ Россіи вопли жертвъ его и мучилъ его совѣсть тѣмъ болѣе, что онъ рѣдко бывалъ вполне убѣжденъ въ дѣйствительности караемыхъ имъ преступленій. Колебанье между совѣстью и подозрительностью всего замѣтнѣе въ поступкахъ его съ Шуйскими. Шуйскіе не были ближайшими наследниками престола, какъ Романовы; царскіе приверженцы, слѣдовательно, не боялись отъ

нихъ паденія Годунова и своего собственнаго, и не такъ дѣятельно ихъ подкапывали. Борисъ, не находя явной вины за ними, кромѣ своего подозрѣнія въ ихъ недоброжелательствѣ, нѣсколько разъ удалялъ ихъ отъ двора и потомъ возвращалъ опять; оказывалъ притворное благоволеніе этому скрытно злобствующему роду, и въ то же время преслѣдовалъ всякаго, кто входилъ съ Шуйскими въ близкія связи; наконецъ успокоилъ себя тѣмъ, что запретилъ старшему Шуйскому, Василию Ивановичу, жениться (бездѣтность, думалъ Борисъ, и нежѣніе, кому оставить приобрѣтенное, останавливать его въ стремленіи къ престолу), а чтобъ разрознить интересы братьевъ, выдалъ за средняго Шуйскаго сестру жены своей. Породнивъ еще нѣсколько родственниковъ съ знатными домами, Борисъ считалъ себя достаточно обеспеченнымъ отъ ихъ недоброжелательства. Оставалось найти опору своему дому внѣ государства родственными связями съ семействами иноземныхъ государей.

Еще покойный Феодоръ перезывалъ въ Россію принца Густава, сына герцога Шведскаго, Эрика XIV, котораго престоломъ овладѣлъ братъ его, Іоаннъ. Несчастный Эрикъ былъ отравленъ въ темницѣ, и самому Густаву, тогда двухлѣтнему ребенку, угрожала участь Угличскаго Дмитрія, но судьба спасла его

отъ смерти для скитальческой жизни. Достигнувъ зрѣлаго возраста въ борьбѣ съ величайшими опасностями, онъ долженъ былъ вести жизнь безпріютнаго бродяги. Одна любовь къ наукамъ утѣждала горестную участь его. Русское правительство надѣялось, обласкавъ бѣднаго принца, слѣлать его орудіемъ своей политики для отторженія отъ Швеціи Ливонскихъ городовъ. Но занывъ Теодора остался безъ успѣха. Густавъ продолжалъ странствовать убогимъ студентомъ по Европѣ, предаваясь страстно наукамъ, особенно алхиміи; наконецъ, угнетаемый крайнею нуждою, пришелъ въ нищенскомъ рубищѣ въ Краковъ, гдѣ при королевскомъ дворѣ сестра его была фрейлиною. Нѣсколько времени пользовался онъ покровительствомъ Польскаго государя; но злоба придворныхъ заставила его бѣжать отсюда и искать убѣжища у Нѣмецкаго императора Рудольфа. Скоро подобныя же обстоятельства выжили его и отъ Рудольфа. Бѣднякъ опять пустился странствовать по Европѣ, шталаясь отчасти милостынею, отчасти продажею химическихъ запасовъ; разстроилъ здоровье непрерывнымъ ученіемъ, а особливо химическими опытами, и наконецъ пріютился въ Прусскомъ городѣ Торнѣ, получая скудное жалованье отъ двоюроднаго брата своего, короля Сигизмунда. Борисъ послалъ къ нему тайно

посла своего съ предложеніемъ переѣхать въ Россію, гдѣ ему обѣщали приличное его сану содержаніе и покровительство могущественнаго государя. Принцъ согласился, но съ условіемъ, чтобъ ему позволено было выѣхать изъ Россіи, когда заблагоразсудится. У посла была готова на это *оная* грамота. На границѣ встрѣтили Густава Московскіе савовники, вручили отъ царя богатые одежды и съ большимъ почетомъ повезли въ столицу. Борисъ принялъ его въ блестящемъ собраніи двора, угощалъ въ Грановитой Палатѣ, опредѣлилъ на содержаніе ему Калужскіи удѣлъ (три города съ волостями), подарилъ серебряную посуду для дома, множество золотой и серебряной парчи Персидской, бархату, атласу и другихъ шелковыхъ тканей для всей его свиты, дорогіе камни, золотыя цѣпи, жемчужныя ожерелья, красивыхъ коней со всѣмъ уборомъ, всякаго рода мягкую рухлядь и 10 тысячъ рублей, — сумму незначительную, въ сравненіи съ дарами. Два зѣла имѣлъ на него Борисъ: овладѣть Ливонією и, женивъ его на своей дочери, Ксеніи (*), возвести ее вмѣстѣ съ нимъ на

(*). Беръ, Петрей, Маржереть согласно ищутъ объ этомъ намѣреніи Бориса. Г. Устряловъ, въ 18 пр. къ I т. Сказ. Соор. о Дим. Сам. отрицаетъ его, же приводитъ дру-

Шведскій престолъ; но въ обонхъ ошибся. Густавъ, предпочитая всему на свѣтѣ ученныя занятія, считалъ престолъ и душевное спокойствіе предметами несо-
вѣстными; проливать кровь соотечественниковъ для
того только, чтобъ они имѣли герцога не Юанна,
а Густава, называла дѣломъ безбожнымъ; а дочери
царя Московскаго предпочитала какую-то женщину,
въ любви къ нему оставившую мужа, бѣжавшую за
нимъ изъ Данцига и готовую, какъ ему казалось,
дѣлать съ нимъ бѣдность и всѣ несприятности стран-
нической жизни. Не говорю уже о пережѣнѣ вѣры,
что было необходимо при женитьбѣ на Московской
царевнѣ и чего не согласился бы онъ сдѣлать ни за
какія блага въ мірѣ. Видя, что Борисъ вызвалъ его
въ Россію вовсе не изъ великодушія, ученый и про-
стодушный принцъ сперва просилъ позволенія немед-
ленно выѣхать за границу, а потомъ требовалъ этого
какъ права, утвержденнаго опасною грамотою; но
у него, если вѣрить Петрею (*), похитили тайно цар-
ское ручательство, думая что необходимость прими-

того доказательства, кромѣ намѣренія Борисова овладѣть
Ливонією. Но развѣ одно съ другимъ несовершенство?

(*) Петрей Шведскій посланникъ, бывавъ нѣсколько
разъ въ Россіи во время Самозванцевъ и видѣвъ могилу
принца Густава.

рить его съ предложеніями Бориса. Не таковъ былъ Густавъ. Онъ рѣзко сказалъ царю, что «государи и князья должны имѣть одно перо и одинъ языкъ», предался сильной горести и часто, разгораченный виномъ, неосторожно хвалился отомстить Москвитянамъ за безчестный плѣвъ свой. Тогда Борисъ велѣлъ отобрать у него все серебро, платья и другіе подарки, приставилъ къ нему крѣпкую сторожу и нѣсколько дней держалъ на скудной пищѣ; наконецъ смягчился и послалъ въ разоренный Угличъ, подъ присмотромъ приставовъ, которымъ поручено управлять Угличскимъ помѣстьемъ и давать принцу съ его служителями необходимое содержаніе. Такъ въ жилищѣ несчастнаго царевича Дмитрія, полномъ страшныхъ воспоминаній, поселился мирный химикъ съ своими ретортами и книгами. Нѣсколько лѣтъ учился онъ и грустилъ въ такъ называемомъ дворцѣ Дмитрія, тажедомъ, малооконномъ каменномъ домикѣ. По смерти Годунова, Самозванецъ, уважая въ немъ человека ученаго ⁽¹⁶⁾, далъ ему лучшія удобства жизни въ Яро-

(16) *Собр. Гос. Гр. и Д. П. № 97*: «Густава хотимъ имѣти в иноумъ береженьи, не какъ князя, либо королевича Шведскаго, но, просто, какъ человека, въ такихъ (научныхъ) дѣлахъ смысленаго.»

славѣ, откуда въ послѣдствіи онъ былъ переселенъ въ Кашинъ, гдѣ и умеръ, въ 1607 году, отъ тоски на чужбинѣ и досады на вѣтренность любовницы, которая, намѣнивъ мужу, не долго была вѣрна и ему. Какъ иновѣрца, его похоронили за городомъ особо отъ общаго кладбища, въ прекрасной березовой рощѣ, на берегу Кашенки.

Въ то время, когда несчастный Густавъ томился скукою въ пустынномъ Угличѣ, Борисъ прискалъ своей дочери другого жениха. Это былъ братъ Датскаго короля, Христіана, Іоаннъ, двадцатилѣтній юноша, веселаго и любезнаго нрава. Король Христіанъ, надѣясь съ помощью могущественнаго царя Московскаго торжествовать надъ всегдашними своими неприятелями, Шведами, охотно отпустилъ герцога Іоанна въ Россію. Его встрѣтили и провожали еще съ большимъ почетомъ, нежели Густава. Молодой герцогъ вѣхалъ въ Россію со стороны города Нарвы, по рѣкѣ Наровѣ, въ сопровожденіи Датскихъ пословъ и многочисленной свиты. Его везли къ Москвѣ медленно, дѣлая не болѣе 30 верстъ въ сутки; оставались въ полѣ подъ великолѣпными шатрами, тѣшили королевича охотою по берегамъ красивыхъ рѣкъ и по лѣсамъ. Герцогу нравилась эта прогулка по мѣстамъ, мало населеннымъ и обильнымъ всякаго рода

птицами и звѣрами ⁽¹¹⁾. Ояъ радовался открытію обширной, плодотворной и богатой живописными видами страны, о которой слышался, какъ о какомъ-

(11) Маржеретъ, стр. 13, 14, пишетъ: «Вы найдете (въ Россіи) всякаго рода дичь и животныхъ, какъ и во Франціи, исключая кабановъ. Ласей и дикихъ козъ довольно въ восточныхъ и южныхъ областяхъ; лосей множество во всей Россіи (самые большіе лоси находились въ лѣсахъ близъ Ростова, Вытегды, Новгорода, Муромъ и Перми. Карамз. X, 144); кролики весьма рѣдки; фазановъ, куропатокъ, дроздовъ сѣрыхъ и черныхъ, перепелокъ, жаворонковъ весьма много, кромѣ безчисленнаго количества другой дичи, исключая бекасовъ, коихъ мало видно. Въ августъ и сентябрь бываетъ много журавлей, лебедей, гусей и дикихъ утокъ; изъ аистовъ я видѣлъ только одного совершенно чернаго. Плотными животными суть: медвѣди бѣлые и черные, — ихъ очень много; лисицы, коихъ пять родовъ, и волки, звѣри обыкновенные по обширности лѣсовъ, весьма вредные для домашняго скота. (Лизекъ, секретарь цесарскаго посла, бывшаго въ Москвѣ въ 1673 году, утверждаетъ, что дорога отъ Смоленска до Москвы была весьма опасна отъ множества волковъ, которые изъ темнаго, непрерывнаго лѣса бросались на путешественниковъ. *Relatio... strictim recensita per Ad. Lysck, 1676, cap. VII, въ Сказ. Сопр. о Дви. Сѣв., III, пр. 18.*) Сверхъ того во всякое время попадаются соколы, ястребы и другія хищныя птицы. Рѣки изобилуютъ такою вкусною, разнообразною рыбою, что подобнаго богатства нѣтъ во всей Европѣ, и пр.

то иррачномъ царствѣ вѣчнаго холода ⁽¹²⁾; видѣлъ въ Русскихъ боярахъ и дѣлкахъ людей привѣтливыхъ, толковыхъ и обходился съ ними ласково и почтительно, не по мѣзъ мѣря. Бояре дивовались и гордились, что

---

(12) Не упоминая о другихъ, болѣе известныхъ разсказахъ о зимнихъ ужасахъ природы въ Россіи, приведу слова Французскаго путешественника Гильберта де Ланной, который посѣщалъ въ началѣ XV вѣка Новгородъ и Псковъ, «чтобы видѣть сѣтъ». Онъ говоритъ, жѣлая обыкновенное съ необычнымъ и называя все чудесами: что «когда ѣхалъ черезъ лѣсъ, слышенъ былъ трескъ деревьевъ, которая отъ холоду кололись и распадалась отъ вершины до корня. Груды конского навозу отскакивали отъ мерзлой земли вверхъ; а когда заснешь ночью въ этой пустынѣ, то утромъ найдешь бороду, брови и уши омерзлыя отъ дыханія и въ во льду, такъ что прокувышися глаза можно открыть глаза. Еще иное чудо холода видѣлъ я долго: глиняный горшокъ, полный воды и мяса, приставленный къ огню, съ одной стороны кипѣлъ, а съ другой обмерзалъ льдомъ.» Восхвалъ за тѣмъ онъ удивляется, что жюкрыя серебряныя чаши примерзли къ его пальцамъ и, когда онъ сложилъ дѣтъ въ сѣтъ, такъ онъ смерзлись отъ холоду. *Voyages et Ambass. de m. Guilbert de Lannoy, 1599—1650.* Мильтонъ (*A brief History of Moscovia*) уже во второй половинѣ XVII вѣка, говоритъ почти то же: «Въ Московіи такъ холодно зимою, что полѣно дрова, положенное въ огонь, съ одной стороны пылаетъ, а съ другой обмерзаетъ.»

онъ противъ нихъ вставалъ и здоровался, синими шляпу; доносили съ дороги царю, что дѣлаетъ, что говоритъ королевичъ Яганъ (Юангъ), описывали его Нѣмецкой парадъ (12) и не могли нахвалиться веселымъ и добродушнымъ его нравомъ. Нѣсколько разъ встречали королевича Ягана царскіе слуги съ новыми и новыми подарками. Въ Москвѣ гудѣлъ огромный Кремлевскій колоколъ, пока онъ проѣзжалъ черезъ городъ. Отдохнувъ нѣсколько дней въ отведенномъ ему домѣ, королевичъ Яганъ представился Борису, видимо очаровалъ его и наружностью, и поведеніемъ своимъ, обѣдалъ въ Грановитой Палатѣ объ руку съ царемъ — честь, недоступная никому, кромя царскихъ дѣтей — и наковецъ восватался, или лучше сказать послатанъ за прелестную Ксеенію. Подаркамъ отъ царя и царевича не было цѣны. Невѣсты однакожь, по тогдаш-

(12) «Платьице, государь, на немъ было атласъ алъ, дѣлано съ конютелью по-Нѣмецки; шляпка пуховая; на шей круживца, дѣлано золото да серебро съ конютелью; чюлочки шелкъ алъ, а башмачки савьянъ синь.» Въ другомъ мѣстѣ: «А платье на немъ въ то время было атласъ желтъ съ круживцомъ, шапочка вашего государскаго жалованья, третьего паряду, бархатъ синь, низана жемчюгомъ околъ соболей, чюлочки шелкъ желтъ.» Въ Датскихъ Дѣлахъ, отписки Салтыкова и Власьева о Герцогѣ Юаннѣ, Карамз. XI, пр. 69.

нимъ обычаемъ, королевичу не показали. Онъ могъ увидѣть ее только во время обрученія. Приступая къ такому важному дѣлу, Борисъ отправился въ Троицкій походъ ⁽¹⁴⁾ молиться объ успѣхѣ его; но, возвратясь въ Москву, нашелъ веселаго и цвѣтущаго королевича Ягана на смертномъ одрѣ. Никакія усилія врачей не могли остановить внезапно схватившей его горячки: женихъ Ксенія умеръ черезъ мѣсяцъ послѣ сватовства своего. Борисъ былъ сильно пораженъ этимъ ударомъ и, набожный при всей испорченности сердца, страдалъ тѣмъ болѣе, что считалъ это небесною карою за разрушеніе счастья столькихъ семействъ, за лишеніе жизни столькихъ людей, по подозрѣнію въ злоумышленности. Что же, еслибъ онъ зналъ еще, что лѣтописцы назовутъ его предъ потомствомъ убійцею жениха его дочери! ⁽¹⁵⁾ Но, можетъ

⁽¹⁴⁾ См. выше; стр. 26, прим. 3.

⁽¹⁵⁾ Въ Никои. лѣт. «Дойде же до царя Бориса, что его (Іоанна) любятъ всею землею; онъ же яростію наполнился и зависти, и чашше того, что по смерти моеи не посадятъ сына моего на царство, и начатъ королевича не любить и не пощадилъ дочери своей, и повелѣ Семену Годунову, какъ бы надъ нимъ промыслити... Королевичъ же впаде въ болѣзнь и посла по дохтуровъ; дохтуры же быша у того боярина Семена въ приказѣ... и возвѣстивша Семену, яко можна ему пособити; онъ же на нихъ сви-

быть, онъ и зналъ это, ибо лѣтописцы повторили только молву народную, а народная молва отзывалась во дворцѣ эхомъ, посредствомъ безчисленныхъ шпионовъ царскихъ.

Борисъ нашелъ Ксенію новаго жениха, но ей суждена была иная доля... Въ то время, какъ Борисъ уничтожалъ мнимыя опасности, грозившія его семейству и искалъ ему неизблемыхъ опоръ, бѣдный, никому невѣдомый инокъ Григорій болѣе и болѣе проникался мыслью о царственномъ своемъ происхожденіи. Монахъ по силѣ обстоятельствъ, онъ не могъ сносить смиренно суровой монастырской зависимости отъ старшихъ. Пылкій нравъ его, чѣмъ дальше, дѣлался все раздражительнѣе отъ подавленной тайны, отъ досады на низкую его долю, отъ тяжелой грусти и множества дерскихъ замысловъ, то составляемыхъ съ надеждой на успѣхъ, то разрушаемыхъ въ горестномъ разувѣреніи. Молодой послушникъ часто возмущался противъ суроваго начала старцевъ, не уживался ни съ кѣмъ, скоро нажилъ себѣ въ Хлыновскомъ монастырѣ всеобщую вражду и долженъ былъ искать пріюта въ другой обители.

рѣннымъ окошъ зряше, и ничего не проглаголаше; они же то видаху, яко не годно бысть, королевичъ же и умре.»

Та же исторія повторилась въ Суждальскомъ, въ Спасовскомъ на Кукушѣ и въ другихъ монастыряхъ. Переходя изъ обители въ обитель, онъ часто по нѣскольку дней скитался въ дремучихъ лѣсахъ, находя отраду волнующейся душѣ въ безлюдной дикости пустынь и, подъ шумъ сѣверныхъ сосенъ, питая отважную думу о престолѣ. Въ горькомъ сознаніи своего безсилія, онъ обращался иногда къ страшнымъ сверхъестественнымъ средствамъ: звалъ лѣсовиковъ и злобныхъ вѣдьмъ на помощь, готовъ былъ отдать будущее блаженство души за земное царствованіе; и, неслышимый адскими силами, впадалъ въ отчаяніе, искалъ опасностей, съ однимъ ножомъ и остроконечнымъ посохомъ въ рукахъ подымалъ изъ берлоги разъяреннаго медвѣдя, смѣло встрѣчалъ его, убивалъ и трудною побѣдою утолялъ на время страстную душу. То снова обращался къ строгой монашеской жизни, изучалъ священныя книги и лѣтописи, трудился надъ искусствомъ скорописца, сочинялъ лучшее сановныхъ инокъ похвалы святыхъ, къ дивленію братій и монастырскихъ старѣйшинъ⁽¹⁵⁾; съ жаромъ молился о возвращеніи ему отцовскаго престола. Но

(15) Въ Никои. Лѣт. « Грамота жъ дастся ему не отъ Бога, и бысть зѣло грамотѣ гораздѣ.»

небо, какъ и земля, не внимало его вопляжь. Борисъ властвовалъ надъ умами, что дальше, все могуще- ственнѣе. Его имя, почти боготворимое, произноси- зось безпрестанно — одними для того, чтобъ не давать повода къ подозрѣнιάмъ, другими для того, чтобы распространять въ народѣ выгодныя для нихъ убѣж- денія. Между тѣмъ Борисъ, недовольный усердіемъ боязливыхъ и ревностью наглыхъ, обнародовалъ еще особенную молитву, составленную искусными книж- никами для чтенія вездѣ, гдѣ сойдутся нѣсколько человѣкъ на обѣдъ, или на ужинъ, или просто сядутъ распить братину вииз. Бесѣда обязана была, выни- вая во здравіе царя, такъ называемую *царскую чашу*, прочитывать не иную, какъ именно такую молитву: «Мы, суще днесь во палатѣ сей, молимъ безначальна Отца и Сына, иже воплотися отъ Святаго Духа, о здра- вїи и о побѣдѣ на враги великому, благочестивому Божіему слугѣ, государю царю Борису Феодоровичу, Богомъ избранному и Богомъ почтенному и превоз- несенному, самодержащему скипетры на всей вост- очной странѣ и на сѣверѣ, и его царскаго пресвѣт- лаго величества царикѣ, и ихъ благороднымъ чаламъ, и христолюбивому ихъ воинству, и о тишинѣ всему православному Христїанству; и на томъ убо и чашу сію царскую вы (гости) воздвигнули и повелѣли мнѣ

(хозяину) грѣшному предпоставити въ руки ваши. Дай Богъ, чтобы государь нашъ и великій князь, Борисъ Феодоровичъ, единый подсолнечный Христіанскій царь и его царица и ихъ царскія дѣти были на многія лѣта здравы и счастливы и врагамъ своимъ страшны, — чтобы всѣ великіе государи приносили достойную почесть его величеству, и имя его славилось отъ моря до моря, и отъ рѣкъ до коней вселенныя, къ его чести и къ повышенію, а преславнымъ его царствамъ къ прибавленію, — чтобы тѣ великіе государи его царскому величеству послушныя были съ рабскимъ послуженіемъ, и отъ посѣченія меча его всѣ страны трепетали, — чтобы его прекрасно-цвѣтуція, мило-умножаемая вѣтви царскаго израженія въ наслѣдіе превысочайшаго Россійскаго царствія были на вѣки и нескончаемыя вѣки безъ урывку; а на насъ бы, рабѣхъ его, отъ пучины премудраго его разума и обычая и милостиваго права неоскудныя рѣки милосердія изливались выше прежняго: къ воинскому чину призраженіе и храброе устроеніе, и много милости бѣднымъ и вдовамъ, и сиротамъ, а всѣмъ благое покровеніе и крѣпкое защищеніе, а виновнымъ пощада и долготерпѣніе.»

Застава такимъ образомъ все государство славо-

словить свое имя, присутствуя невидимо во всѣхъ бесѣдахъ, гдѣ царствовали недоверчивость и боязнь, Борисъ думалъ вселить любовь къ себѣ посредствомъ привычки, — провести ее къ сердцамъ посредствомъ слуха, какъ-будто люди — бессмысленные инструменты, которые можно настраивать на любой ладъ; но вселялъ только ненависть. Въ то время, какъ уста произносили установленную формою молитву, въ сердцахъ кипѣли тайныя проклятія. Славили и благословляли царя публично, но тѣмъ больше злословили въ тайныхъ пріятельскихъ кружкахъ, недоступныхъ для доносчиковъ. Умы были смущены: всѣ чувствовали гнетущую ихъ тяжесть царской полноты. Борисъ съ своими хитросплетенными сѣтями, раскинутыми по всей Руси, съ своими лицемерами и доносчиками, разсыянными во всѣхъ сходкахъ и бесѣдахъ, казался ужаснѣе самого Іоанна Грознаго. Недоставало только опричнины, но и она явилась, только въ иномъ, ненавистиѣишемъ для народа видѣ. Уже давно Борисъ не доверилъ Москвитинамъ, не смотря на восторгъ, съ которымъ они приняли его на царство. Какъ фигляръ, двигающій пружинами, равнодушенъ къ дѣйствию своихъ куколъ, такъ и онъ, чѣмъ съ большею хитростью игралъ чувствами и умами подданныхъ, тѣмъ менѣе вѣрилъ

них искренности; сталъ рѣдко показываться народу, безвыѣздно жилъ во дворцѣ, охраняемомъ днемъ и ночью многочисленною стражею стрѣльцовъ, и, если выходилъ въ церковь, то не иначе, какъ окружась густой толпою тѣлохранителей. Но и стрѣльцовъ наконецъ началъ онъ опасаться: не вѣрилъ, чтобы Русская душа не откликнулась Русской; боялся, чтобы народная ненависть миллионовъ людей не сообщилась и приближеннымъ къ царю тысячамъ. Итакъ, оставя стрѣльцовъ сторожами второстепенныхъ востовъ дворца, составилъ онъ себѣ отрядъ тѣлохранителей изъ однихъ иностранцевъ. Какъ много придавалъ онъ важности этой гвардіи, видно изъ приѣма въ нее тридцати-пяти Ливонскихъ дворянъ, бѣжавшихъ въ Россію отъ Польскихъ насилій. Бѣглецы Нѣмцы, въ бѣдныхъ, поношенныхъ платьяхъ, были представлены царю въ собраніи двора. Они стыдились своего убожества и явились на аудіенцію только по милостивому царскому приказанію. «Меня трогаетъ», сказалъ имъ царь, «несчастье, которое принудило васъ покинуть родину и собственность, и вы получите втрое болѣе того, что потеряли въ своемъ отечествѣ. Васъ дворяне, я сдѣлаю князьми; васъ граждане, боярами; ваши жены въ моемъ царствѣ будутъ свободны; одарю васъ землею, слугами, работницами;

одѣну въ бархатъ, шелкъ и золото; наволюю пустые кошельки ваши деньгами; а вамъ не царь, не господинъ, а истинный отецъ; вы будете не подданные, а Нѣмцы, дѣти мои; никто, кромѣ меня, не ставеть судить и рядить вашихъ споровъ; дарую вамъ свободу въ богослуженіи. Присягните только Богомъ и вѣрою своею не намѣлать ни мнѣ, ни сыну моему, — не уходить тайно къ Туркамъ, Татарамъ, Персамъ, Шведамъ, Полякамъ, — не скрывать, если узнаете какой противъ меня замыселъ, — не посягать на мою жизнь ни лдомъ, ни чародѣйствомъ.» Эти слова записаны очевидцемъ сцены, Мартиномъ Беромъ. Все обѣщанное было исполнено. Нѣмцевъ раздѣлили на четыре статьи: въ первой были старшіе и знатные дворяне, — имъ, сверхъ ежемѣсячнаго содержанія и богатыхъ даровъ, давалось по 50 рублей (на нынѣшніе деньги 600 р. сер.) годового жалованья и 800 четвертей земли (400 десятинъ) съ сотнею душъ крестьянъ, въ потомственное владѣніе. Ко второй статьѣ причислены были дворяне среднихъ лѣтъ, — имъ отпускатось изъ казны по 30 рублей годового оклада и 500 четвертей земли съ 30 крестьянами. Въ третьей статьѣ были молодые дворяне и заслуженные солдаты, — эти получили по 20 рублей годового жалованья и помѣстье съ 30 крестьянами. Четвертая

состояла изъ слугъ, — они получали по 15 рублей годового жалованья и 300 четвертей земли съ 20 крестьянами.

Какъ случилось всегда и вездѣ, гдѣ государи вѣрили охраненіе своей безопасности стражѣ иностранныхъ наемщиковъ, природные подданные пришли въ негодованіе. Разумѣется, они сохраняли его въ тайнѣ, но тѣмъ не менѣе вредны были царю послѣдствія народнаго неудовольствія. Ко всему прежнему причлась еще особенная любовь Годунова къ Нѣмецкимъ его медникамъ, которые были у него въ такой чести, были осыпаны столькими милостями, что казались князьями и боярами. Онъ выдавался съ ними ежедневно, любилъ бесѣдовать о политикѣ, о вѣрѣ и, по ихъ просьбѣ, позволялъ даже построить Лютеранскую церковь подъ Москвою. Послѣднее больше всего не полюбилось православнымъ. Глухой ропотъ, едва уловимый для слуха шпіоновъ проносился въ народѣ. Шуйскій все это принималъ къ свѣденію и заботливымъ окомъ вазиралъ своего питомца. Донось, о какомъ-то умыслѣ Юрія Отрепьева, во время ареста князей Черкасскихъ, потерялся во множествѣ новыхъ извѣтовъ и былъ забытъ, между тѣмъ какъ онъ скитался по монастырямъ. Борись, за толстою стѣною Нѣмецкихъ аллебарщиковъ, слабѣе насто-ро-

живалъ теперь слухъ, не шевелится ли гдѣ злой умыселъ. Монахъ Григорій безопасно явился въ самой Москвѣ, въ Чудовскомъ монастырѣ: «цуть ему пролагала рука сильная. Отъ сдѣланъ діакономъ и взятъ въ палаты къ патриарху Іову для книжнаго дѣла. За широкой расой этого ревностнаго слуги Борисова, ему нечего было бояться шпионства, проведеннаго и въ самые монастыри. Въ мирномъ пріютѣ патриаршихъ палатъ, отважный, пламенный юноша готовился на дивный свой подвигъ и, подобно хищному звѣрю, выглядывалъ, какъ бы схватить страстно алкаемую добычу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Государственная деятельность Годунова. — Окончательное покорение Кучюмовой орды. — Новые города въ Сибирѣ. — Подчиненіи Ногаевъ. — Дѣла въ Грузіи. — Отношенія Годунова въ Персіи, Крыму, Турціи и государствамъ Европейскимъ. — Мысль о просвѣщеніи Россіи. — Голодь. — Морь. — Слѣдствіе голода и закрепощенія крестьянъ и вольныхъ слугъ. — Заселеніи Литовской украины. — Разбой. — Самозванецъ измѣняетъ своей тайнѣ. — Бѣгство его въ Литву. — Онъ въ Кіевѣ. — Онъ на Волынѣ. — Учится въ Гатчинской школѣ. — Отправляется на Запорожье.

Мы были заняты до сихъ поръ царемъ Борисомъ, какъ человѣкомъ; обратимъ теперь вниманіе на его дѣятельность государственную. Съ этой стороны онъ не обманулъ надеждъ земли своей. Глядя на государство, какъ на наследственную собственность своего рода, Борисъ неусыпно заботился о лучшемъ его устройствѣ, о заселеніи пустынь, объ увеличеніи не-

точниковъ обогащенія, поощрять торговлю, устроить рѣчное судоходство.

Хозяйственная дѣятельность его обратилась преимущественно на за-Уральскія страны, богатая пред-метами заграничной Русской торговли. Предстояло — уничтожить царя Кучюма, еще державшагося на берегахъ Оби съ толпою своихъ приверженцевъ, и об-русить Сибирь построениемъ городовъ и введеніемъ правильныхъ торговыхъ сообщеній. То и другое было достигнуто, къ славѣ царствованія Борисова. Воевода Воейковъ разбилъ Кучюма на голову, захватилъ въ плѣнъ все его семейство и отправилъ въ Москву; Кучюмъ самъ-треть бѣжалъ къ Ногаямъ и погибъ въ стѣнахъ. Покорилъ такимъ образомъ оконча-тельно всю обширную сѣверную Азію, Борисъ по-строилъ въ ней города: Верхотурье, Мангазей, Ту-ринскъ и Томскъ. Объявлены особенныя льготы куп-цамъ, промышленникамъ, ремесленникамъ и всякаго свободнаго званія людямъ, желающимъ туда пересе-литься. Много нашлось охотниковъ поискать счастья въ дальнихъ странахъ: Сибирскіе Татары, Остяки, Вогуличи скоро перемешались людьми съ Русскою рѣчью и съ Русскими понятіями о царѣ и государ-ствѣ. Азіятская торговля пошла годъ отъ году силь-нѣе и прибыльнѣе казѣ.

Другой заботою царя на востокъ было подчиненіе Ногаевъ. Эти полудикіе ордынцы раздѣлились на три улуса, изъ которыхъ только одинъ принадлежалъ Россіи. Онъ назывался Волжскимъ, или Уральскимъ, и кочевалъ въ Астраханскихъ степяхъ, у моря, по Тереку, Кумѣ и Волгѣ. Другой улусъ, Азовскій, кочевалъ у Азова, завися отъ Турковъ и Крымцевъ; третій, Альтаульскій, занималъ степи у Сияго моря, или Арала, и былъ въ тѣсныхъ связяхъ съ Бухарією и Хивією. Борисъ вооружилъ своихъ Ногаевъ противъ Азовскаго улуса, ссорилъ, посредствомъ Астраханскихъ намѣстниковъ, его старшинъ между собою, напускалъ на него Донскихъ козаковъ и довелъ до того, что Азовскій улусъ обѣднѣлъ, запустилъ и Крымскій ханъ лишился въ немъ сильнаго орудія противъ Россіи. Альтаульскій улусъ, напротивъ, Борисъ старался привлечь въ подданство Россіи ласками; поддерживалъ дружескія связи его съ Волжскими Ногаями, а этихъ между тѣмъ заохочивалъ къ выводу изъ Россію Бухарскихъ и Хивинскихъ товаровъ позволеніемъ торговать въ Астрахани безъ всякихъ пошлинъ.

Далѣе по той же чертѣ, Борисъ желалъ примкнуть къ своему государству единовѣрную Грузію, которая чувствовала симпатію къ Христіанской державѣ и съ каждымъ годомъ попадала болѣе и болѣе подъ власть

иноверныхъ сосѣдей, Турковъ и Персовъ. Еще въ царствованіе Θεодора Грузинскій царь Александръ поддался Россіи, въ надеждѣ спасти еще царство отъ угрожающаго ему Магометанства и порабощенія. Принявъ это подданство, Московское правительство должно было защищать Грузію отъ двухъ сильныхъ ея сосѣдей, и, какъ ни тяжело было двигать войска въ такую даль, однакожь Русскіе, по волѣ царя Бориса, принялись за дѣло единоверцевъ дружно: укрѣпили Тарки, заложили крѣпость на Тузлукѣ; работали и въ то же время сражались, отгѣсня въ дальнія ущелія Дагестанскихъ горцевъ. Персы и Турки между тѣмъ употребили свои средства не дать Россіи утвердить владычество ея между Каспійскимъ и Чернымъ морями. Съ одной стороны Персидскій шахъ Аббасъ вооружилъ противъ Александра сына его, Магометанина, — несчастный старикъ погибъ самою горькою смертью; съ другой Турки выгѣснили Русскихъ изъ крѣпостей; семь тысячъ ихъ, пробираясь изъ Дагестана въ Астрахань подъ начальствомъ Бутурлина, были окружены Кумыками, Лезгинцами, Аварами, сражались отчаянно и пали въ сѣчѣ. Борисъ не оставилъ бы ни шаха, ни Турковъ безъ отищенія, но это происходило въ 1605 году, а тогда ему было уже не до Грузіи. Послѣ же гибели дома Го-

дуновыхъ, Россія болѣе столѣтій не заботилась объ этой странѣ, и законъ Магометовъ до конца уничтожилъ въ ней Христіанство.

Съ юга государство Борисово было спокойно. Крыицы не смѣли прервать заключенный съ нимъ миръ. Ихъ удерживали отъ набѣговъ и новыя крѣпости на границахъ, и нападенія Донцовъ, недававшихъ имъ покою. Татары, со времени Годунова, стали нестрашны для Россіи:

Въ заключеніе обора политики Годунова съ народами не-Европейскими, скажемъ, что, дорожа больше всего миромъ, онъ до самой Грузинской катастрофы продолжалъ вести дружескіе переговоры съ шахомъ Персидскимъ, а Турецкаго султана увѣрялъ въ добромъ расположеніи, не смотря на его враждебныя дѣйствія. Годуновъ тѣмъ болѣе желалъ казаться Туркамъ сосѣдомъ незлопамятнымъ и дружелюбнымъ, что надѣялся поднять на нихъ грозу со стороны Европы, въ добавокъ къ Персіи, которую постоянно побуждалъ къ войнѣ съ султаномъ.

Въ Европѣ не было почти государства, съ которымъ бы не имѣлъ онъ дѣла: угождалъ императору, чтобъ подвинуть его на Турковъ; у герцога Флорентійскаго просилъ искусныхъ художниковъ; съ Ганзейскими городами договаривался о торговлѣ; съ Ели-

заветомъ Англіійскою велѣ дружескую переписку и за
 ея дѣль позволяя Англичанамъ выгодно торговать
 въ Россіи: съ Даніею сближало Бориса двойное сва-
 тоство; Польша и Швеція, враждуя между собой,
 искали обѣ дружбы царя Московскаго, и Борисъ,
 грозя то Полякамъ, то Шведамъ заступничествомъ за
 противниковъ, надѣялся выманить Ливонію у однихъ,
 или Эстонію у другихъ; между тѣмъ держалъ ихъ въ
 равновѣсіи, потому что рѣшительное торжество той,
 или другой стороны соединило бы Швецію и Польшу
 подъ одну власть, а это было бы опасно для
 Россіи. Главной чертою внѣшней политики Бориса
 было желаніе мира со всѣми державами. Это было
 нужно ему и для утвержденія его царственности въ
 умахъ народа, и для приведенія государства въ луч-
 шее устройство — укрѣпленіемъ границъ новыми го-
 родами, распространеніемъ торговыхъ сообщеній,
 учрежденіемъ горныхъ промысловъ, заведеніемъ въ
 Россіи школъ для народнаго образованія вообще.

Строеніе городовъ и распорядженія по торговлѣ шли
 у него успешно, но введеніе иностранной образова-
 ности въ Россіи встрѣтило препятствіе со стороны
 духовенства, которое боялось, чтобы вмѣстѣ съ ино-
 странною образованностію не явились новые толе-
 ватели вѣры. На предложеніе царя патріархъ и мит-

революнты объявили, что въ обширномъ Русскомъ государствѣ доселѣ господствовало единовѣріе и единоправіе, а какъ настанетъ разноязычіе, то все это разрушится. Борисъ дорожилъ духовенствомъ, не хотѣлъ раздражать его, отложилъ намѣреніе вызвать въ Россію просвѣщенныхъ людей изъ Германіи, Италіи, Франціи, Англии, ограничился только приглашеніемъ къ себѣ на службу искусныхъ рудокоповъ, суконщиковъ и другихъ мастеровъ изъ Любека; а чтобъ имѣть образованныхъ людей, для необходимыхъ надобностей государственныхъ, отправилъ за границу 18 молодыхъ дворянъ. Ни одинъ изъ нихъ однакожь, по окончаніи срока ученія, не возвратился въ отечество: такъ былъ страшенъ для нихъ царь, видѣвшій вездѣ противъ себя злые умыслы и кинувшій самому низкому доносчику, — такъ мало ожидали они пріянія отъ земляковъ, предубѣжденныхъ противу всякой иноземной мудрости. Къ тому же молодые люди оставили Русь среди ужасовъ разврата народнаго, порожденнаго повсемѣстнымъ голодомъ, — разврата, изъ котораго, казалось, ничто ее не подниметъ.

Съ весны 1601 года десять недѣль шли непрерывные дожди, а въ половинѣ августа сильный морозъ побилъ неснятый съ поля хлѣбъ и всѣ незрѣлые плоды. Новые посѣвы не взошли вовсе: такъ тощи и

гнилы были зерна. Цѣны на хлѣбъ возвысились до неслыханной дороговизны: четверть ржи, стоившую прежде отъ 12 до 15 денегъ, стали продавать по три рубля (15 вышешнихъ рублей серебромъ). Бѣдные люди умирали съ голоду. Борисъ въ этомъ случаѣ употребилъ все зависящія отъ него средства, чтобъ остановить страшное бѣдствіе: убѣдилъ духовенство и богатыхъ землевладѣльцевъ продавать запасы по умѣренной цѣнѣ; изъ царскихъ житницъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ также велѣлъ продавать хлѣбъ дешево. Но это распоряженіе, принесъ временную пользу, дало поводъ къ ужасному злоупотребленію: люди дивешные, предвидя, до чего еще дойдетъ голодъ, скупили по частямъ большіе запасы хлѣба и затанисъ съ ними до удобной къ обогащенію поры. Между тѣмъ царь устроилъ вокругъ Кремлевской стѣны четыре казначейства для ежедневной раздачи бѣднымъ денегъ. Уже и прежде онъ приучилъ народъ къ царскимъ подаваніямъ. (1) Бояре подражали въ этомъ царю, равно какъ и все богатые Москвитяне. Москва была оттого полна праздношатающихся; легкое добы-

(1) Аар. Палицынъ, 8: «По словеси же своему (при вѣнчаніи на царство) о бѣдныхъ и о нищихъ промышляя, и милость къ таковымъ велика отъ него бываше.»

ваніе пищи влекло ихъ сюда изъ деревень и отъучало отъ работы. Этотъ обродъ тунеядцевъ каждое утро обступалъ царскихъ милостыверздавателей. Къ нимъ присоединились люди, обѣдѣвшіе во время голода. Сумма раздаваемыхъ денегъ ежедневно возрастала. Слухъ о царской щедрости скоро разнесся во все концы государства; онъ былъ, какъ водится, преувеличенъ до того, что все бѣдняки, находившіе дома скудные средства питаться, бросили свои работы и пустились съ семействами къ Москвѣ. Столица полнилась голодными толпами, царская милостыня, раздаваемая каждому, недостаточна была для суточного прокормленія при дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ, а между тѣмъ итоги ежедневной раздачи возросли до 30 тысячъ талеровъ. Видя, что государству угрожаетъ запустѣніе, столицѣ наплывъ опаснаго многолюдства, а казнѣ бесполезное истощеніе, Борисъ прекратилъ раздачу денегъ. (2) Тогда-то начались бѣдствія, при-

---

(2) Не въ одной Москвѣ Борисъ раздавалъ деньги: — не было города, говоритъ Маржереть, (стр. 76), куда бы онъ не посылалъ денегъ, болѣе или менѣе, для раздачи народу. И знаю, что въ Смоленскъ отпращено было съ однимъ изъ моихъ знакомыхъ 20,000 рублей, (100,000 р. сер. нынѣшнихъ).

водивши въ ужасъ современныхъ повѣствователей. Лѣтомъ на улицахъ въ Москвѣ видѣли людей, валяющихся отъ изнеможенія и щиплющихъ траву; зимою несчастные ѣли сѣно; у мертвыхъ находили во рту вмѣстѣ съ навозомъ всякую, самую отвратительную нечистоту. Жители отдаленныхъ странъ, еще не зная о прекращеніи царской милостыни, влеклись по сибирнымъ пустынямъ къ столицѣ, блѣдые, изнуренные, и встрѣчали на дорогахъ цѣлыя купы мертвецовъ, сраженныхъ голодомъ и морозомъ. Отъ живыхъ узнавали они повѣсть о путешествіи въ Москву, о скудномъ прокормленіи тамъ царскою милостынею, о безнадежномъ возвратѣ на родину, и въ отчаяніи не боялись проклинать Бориса, обманувшаго ихъ своимъ милосердіемъ. Въ то бѣдственное время казалось дѣломъ обыкновеннымъ, если отецъ бросалъ семейство, мать отрещалась отъ дѣтей своихъ, если на улицахъ убивали другъ друга за ломоть хлѣба. Путешественники боялись останавливаться на постоялыхъ дворахъ; хозяева рѣзали и варили своихъ гостей; мясо человѣческое, мелко изрубленное, продавалось на рынкахъ въ пирогахъ. «Я самъ видѣлъ ужасное дѣло», говоритъ Маржереть, служившій тогда въ царской гвардіи: «четыре женщины, мои сосѣдки, оставленные мужьями, рѣшились на слѣдующій посту-

нокъ: одна пошла въ рынокъ и, сторговавши возъ дровъ, завала крестьянина на свой дворъ для расплаты; но лишь только онъ сложилъ дрова и явился въ избу, женщины удавили его и спрятали тѣло въ погребъ, чтобъ не повредилось: сперва хотѣли онѣ съѣсть лошадь убитаго, а потомъ приняться за трупъ. Когда же преступленіе обнаружилось, онѣ признались, что умерщвленный крестьянинъ былъ уже третьею жертвою! Правительство употребляло всевозможныя жѣры наказаній для прекращенія ужасныхъ злодѣяствъ, совершающихся повсюду, гдѣ были сильный и слабый; но что оно могло сдѣлать, когда въ сердцахъ умокъ голосъ человѣчества и люди унизились до степени дивныхъ животныхъ? Страшно вымолвить, что не только челоѣкъ пожиралъ челоѣка, но даже родители душили, рѣзали и ѣли своихъ дѣтей, а дѣти родителей. Продать родное дитя за ничтожную цѣну считалось тогда честною сдѣлкою. Петрей, Шведскій посланникъ, видѣлъ однажды въ Москвѣ истомленную голодомъ женщину, которая, проходя по улицѣ, схватила зубами собственное дитя, бывшее у нея въ рукахъ, оторвала изъ ручонки два куска, сѣла на дорогѣ и начала жрать ихъ; народъ едва могъ силою отнять у нее несчастнаго малютку.

Множество гниющихъ труповъ, разбросанныхъ безъ

погребенія по лѣсамъ, селамъ и даже по дорогамъ, неестественная пища, изнуреніе физическихъ силъ въ народѣ и безнадежное уныніе произвели заразительную болѣзнь, холеру. Люди умирали повсемѣстно въ страшномъ количествѣ. Въ одной Москвѣ погибло отъ голода и заразы болѣе 500 тысячъ человекъ. Борись, боясь распространенія морового повѣтрія, велѣлъ подбирать трупы, завертывать на счетъ казны въ бѣлые саваны, обувать въ красные башмаки и хоронить за городомъ. А чтобъ доставить бѣднымъ людямъ средства къ пропитанію, заложилъ огромныя постройки. Кромѣ того, волею и неволею скущены отъ казны во всемъ государствѣ по низкой цѣнѣ хлѣбныя запасы у богатыхъ помѣщиковъ и монастырей, отысканы въ отдаленныхъ мѣстахъ огромныя, выросшія кустарникомъ, скирды ржи и смолочены немедленно; все это доставлялось въ столицу и къ другіе города и раздавалось народу за умѣренную цѣну, а вдовамъ, сиротамъ и Нѣмцамъ безденежно. Дѣятельная заботливость правительства прекратила наконецъ бѣдствія голода, но слѣдствія его были пагубны для царя и царства.

Во-первыхъ, онъ замѣтно уменьшилъ народонаселеніе Россіи. Многія деревни остались совершенно пусты: одна часть жителей вымерла на мѣстѣ, дру-

гая ушла за царскою милостынею и не возвратилась; остальные разбрелись по козачьим станицамъ, по разбоѣничьимъ притонамъ, пошли слоняться вѣчными бобылями изъ двора въ дворъ по зажиточнымъ людямъ. Вместе съ тѣмъ значительно уменьшились доходы и силы государственныя; многие богатые дома обдѣвѣли; торговля сильно упала.

Во-вторыхъ, пороки, вкоренившіеся въ народѣ еще въ эпоху княжескихъ усобицъ и развившіеся со времени Іоанна IV до Бориса въ полу-Азіятской цивилизаціи, чуждой просвѣщенныхъ понятій общественныхъ, дошли теперь до ужасающей степени. Уже не одни иностранцы, охотно видѣвшіе въ Русскихъ черную сторону, но и сами Русскіе не находятъ словъ для описанія повсемѣстнаго разврата совѣсти и всѣхъ естественныхъ чувствъ въ низшихъ и высшихъ слояхъ общества, въ свѣтскихъ людяхъ и въ самомъ духовенствѣ (2). «Во всѣхъ сословіяхъ», говоритъ безпри-

(2) Авр. Палицынъ, 20, 21: «Въ объяденіе и пьянство велико и въ блудъ впадохомъ, и въ лихоу, и въ неправду, и во вся злая дѣла... Егда голодомъ наказа насъ Господь, мы же въ злѣйшій впадохомъ, и не только простѣи, но и чинъ священствующихъ. Многа же ина зла, еже въ насъ содѣяся, иже не можно исписать, ни изглаголати.»

страстибіишіи изъ иноземцевъ, жившихъ тогда въ Москвѣ⁽⁴⁾, завелись раздоры и несогласія; никто не имѣлъ ни къ кому довѣрія⁽⁵⁾; цѣны товарамъ возвысились неизмѣрно; богачи брали росты болѣе Жидовскихъ и Мусульмавскихъ; бѣдныхъ вездѣ притѣняли; все продавалось вдвое дороже; другъ сеужалъ друга не иначе, какъ подъ закладъ, втрое превышающій занятую сумму, и сверхъ того бралъ 4 процента еженедѣльно; если же закладъ не выкупался въ опредѣленный срокъ, то пропадалъ невозвратно. Не буду говорить о пристрастїи къ иноземнымъ обычаямъ и одеждамъ, о нестерпимомъ, слухомъ высокомерїи, о презрѣнїи къ ближнимъ, о неумѣренномъ употребленїи пици и напитковъ, о плутовствѣ и прелюбодѣйствѣ. Все это, какъ наводненїе, разлилось въ высшихъ и низшихъ сословіяхъ.»⁽⁶⁾

Въ третьихъ, голодъ и царскїи милостыни умножи-

(4) Беръ, 43, 44.

(5) Черта, замѣченная и Флетчеромъ: «Москвитяне никогда не вѣрятъ словамъ, потому что никто не вѣритъ ихъ слову.»

(6) Шаумъ, увлекаемый набожною пылкостью своего духа, еще мрачнѣйшими красками описываетъ разращенїе нравовъ тогдашнихъ Русскихъ. См. *Tragedia Demetrii-Moscovitica*, p. 3.

ли до невыносимаго количества число нищихъ. Эта часть народа уже и при Теодорѣ отличалась наглостью нестерпимою: днемъ оборванные бродяги неотступно требовали у всякаго встрѣчнаго милостыни: «Дай, или убей меня!» а ночью крали и грабили, такъ что въ темный вечеръ не всякъ рѣшался выйти изъ дому. Въ эпоху голода, они привыкли бунтовать безпрестанно, нападать на дома зажиточныхъ гражданъ, расхватывать съѣстные припасы на самихъ рынкахъ (?), привыкли презирать строгость полиціи и торжествовать надъ нею. Безмѣрная масса людей бѣдныхъ, бездомныхъ, разорвавшихъ семейныя и общественныя связи, сконилась страшною тучею надъ благоустроенною частью народонаселенія и готова была разразиться всѣми ужасами охлократіи при всякомъ колебаніи государства.

Въ четвертыхъ, несмотря на законъ объ укрѣпленіи за помѣщиками вольныхъ земледѣльцевъ и слугъ, явились постоянныя побѣги крестьянъ: помѣщики преслѣдовали бѣглецовъ, отыскивали ихъ въ чужихъ имѣніяхъ, дрались за нихъ самоуправно, или заво-

---

(?) Шаушъ, *Trag. Dem.-Mosc.*, 3: «Никто не могъ продавать хлѣба, ни показать на рынкѣ, не подвергая себя опасности и не причиня бунта.»

дли безконечныя тяжбы, растравляя взаимную вражду другъ въ другу и изгоняя изъ своего сословія единодушіе. Крестьяне между тѣмъ бродили по лѣсамъ и пустынямъ, спасаясь отъ ловитвы, какъ дикіе звѣри; закаляли сердца въ ненависти ко всему высшему сословію и съ отчаянія рѣшались на грабежъ и смертоубійства. Это сдѣлазось наконецъ такъ ощутительно, что Борисъ въ 1601 году снова позволилъ вольный переходъ крестьянъ отъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ къ мелкопомѣстнымъ. Но было уже поздно: одичалые, развращенные въ бурлачествѣ и разбояхъ поселане не возвращались къ прежнему быту, а между тѣмъ мирные крестьяне обрадовались неожиданному послабленію непривычной еще неволи, и, въ отищеніе господамъ, спѣшили переходить къ другимъ владѣльцамъ. Съ своей стороны помѣщики, привыкшіе уже смотрѣть на нихъ, какъ на собственность, употребили въ дѣло все преимущества сильнаго, чтобъ удержать ихъ на земляхъ, или отработать до послѣднихъ жемчужинъ. (*) Это къ прежнимъ бѣдникамъ при-

(*) Царь Вас. Ив. Шуйскій, въ указѣ своемъ, 1607, говорить: «Переходоужь крестьянъ причинились великія грамоты, ябеды и насилія немощнымъ отъ сильныхъ.» (Судебникъ Татищ.) Въ самомъ указѣ Бориса Годунова,

бавило новыхъ, равно ожесточенныхъ, равно наклонныхъ къ бродяжничеству и готовыхъ на всѣ злодѣяства, внушаемая притѣвленіями сильныхъ и безотраднымъ отчаяніемъ. Но всего болѣе размножилось этихъ опасныхъ для общества и государства людей во время голода. Богатые владѣльцы, обрадовавшись учрежденію холопьяго приказа, закабалили себѣ еще со временъ Феодора всѣхъ вольныхъ слугъ, которые обыкновенно бывали наполнены дворы боярскіе. Многие, до общенародной извѣстности новаго учрежденія, постарались самыми выгодными условіями заманить къ себѣ въ дома какъ можно больше людей, свѣдущихъ къ ремеслахъ и искусствахъ, или отличающихся тѣлесною силою, красотою, ростомъ, в особливо умѣньемъ рубиться на мечахъ и опытностью въ воинскомъ дѣлѣ, брали съ нихъ клятвы и разными жуками *служилое обязательство*, представляли

1601, не безъ причины дается слѣдующая инструкция полиціи: «А изъ-за которыхъ людей учинуть крестьянъ отказывать (т. е. освобождать для перехода къ другому помещику), и тѣ бѣ люди крестьянъ изъ-за себя выпускали со всѣми ихъ живогы, безо всякія зацѣпки, и во крестьянской бы возкѣ промежъ всѣхъ людей боевъ и грабежей не было, и сильно бы дѣти боярскіе крестьянъ за собою не держали.» *Акты Арх. Эксп. II, № 20.*

его въ приказъ, и лучшіе вольные люди дѣлались та-
кимъ образомъ вѣчными холопами. Этого мало: даже
люди надревле благородные, владѣніе наследствен-
ными селами и вотчинами, очутились, съ помощью
приказа, рабами совѣстныхъ богачей. Когда же
насталъ повсемѣстный голодъ, помещики безбожно
выгоняли этихъ несчастныхъ изъ домовъ, вѣше, прав-
да, съ отпусковыми, но большая часть и подъ грозою
общаго бѣдствія коварно рассчитывали, что безъ от-
пусковыхъ можно будетъ въ лучшую пору опять взять
ихъ къ себѣ, а съ тѣми, кто приютилъ ихъ въ голод-
ное время, завести выгодныя тяжбы (*). Изгнанные
такимъ образомъ холопи должны были или погибнуть
отъ голоду, или хвататься за всѣ возможные сред-
ства къ существованію. Въ годину общаго замѣна-
тельства по дорогамъ было вездѣ вѣстро, безъ за-
ставъ, и они уходили на границы государства, осо-
бенно Литовскую україну, гдѣ малолюдныя пустыни
давали безопасное убѣжище для всякаго преслѣдуе-

(*) Борнезъ издавъ въ 1603 г., августа 16, указъ, по ко-
торому господа непремѣнно обязывались, высылая холо-
пей для прокормленія, выдавать имъ отпуски; которые
же не получаютъ отпусковыхъ, тѣмъ будетъ выдавать ихъ
холопій приказъ; но это было позднее царство!

мага закономъ и были удобны къ заведенію разбойничьихъ шаякъ. Туда же пробирались и холопи бояръ опальныхъ, Романовыхъ, Черкасскихъ и другихъ, пылая ненавистью къ Борису и нося на тѣлѣ слѣды пытокъ за господъ своихъ. Борисъ, запрета кому бы то ни было принимать къ себѣ этихъ холопей, заставилъ ихъ скитаться безъ пристанища и самъ приготовилъ себѣ въ нихъ мстителей.

Но и безъ нихъ, и безъ разнаго рода людей, бѣжавшихъ отъ закрѣпощенія, и безъ нищихъ бродягъ, скопившихся во время голода въ притоны по лѣсистымъ пустынямъ, вся пограничная отъ Литвы сторона полна была выходцевъ, болѣе или менѣе неприязненныхъ къ правительству, недовольныхъ настоящимъ порядкомъ вещей и жаждущихъ какой-нибудь перемены. Еще Іоаннъ IV, съ намѣреніемъ заселить Литовскую Украину, или Сѣверскую землю, людьми, способными къ защитѣ границъ, не велѣлъ преслѣдовать бѣжавшихъ туда отъ казни преступниковъ; а такихъ людей въ его грозное царствованіе было довольно, и Сѣверія годъ отъ году наполнялась такъ называемыми козаками, людьми бездомными, которыхъ все имущество составляли конь да оружіе, которые во всякое время готовы были пережѣнить мѣсто жительства и не разбирали средствъ суще-

ствованіа. Много коваковъ разсѣяно было и по внутреннимъ областямъ государства. Одни изъ нихъ вступали въ царскую службу, другіе нанимались батраками къ людямъ земскимъ; но большею частью эти бездомные люди тяготились добывать трудовой хлѣбъ, бродили изъ мѣста въ мѣсто и жили неизвестно чѣмъ, до тѣхъ поръ, пока попадались полиціи и гибли на висѣлицахъ, или спасались бѣгствомъ на пограничье государства. Происхожденіе этого вреднаго скопа лѣнивыхъ и своевольныхъ бродягъ терпится въ отдаленныхъ временахъ княжескихъ усобицъ, когда каждому удѣльному князьку нужна была толпа отважныхъ людей, готовыхъ слѣдовать всюду за предводителемъ. Когда же самодержавіе, обнявъ Россію, уничтожило старыи порядокъ вещей, эти толпы очутились безъ дѣла, перебывали въ дикой бѣдности разбоями, пробовали служить и работать, бросали тяжкую службу, воровали, грабили, разбойничали, скрывались отъ преслѣдованія властей законныхъ и долго были для Россіи зломъ неискоренимымъ. Теперь ватаги ихъ умножились въ украинѣ и численными вышше выходцами и скоро дали царю понять грозное свое значеніе для государства. Не было отъ нихъ проѣзду по дорогамъ; злодѣи, презирая мѣры правительства, пробирались даже во внутреннія области, гра-

били и убивали подъ самую Москву. Наконецъ, подъ предводительствомъ Косолапа, или Хлопка, вышло изъ украинскихъ притоновъ цѣлое войско вооруженныхъ бурлакъ. Царь долженъ былъ выслать противъ нихъ сильную рать, подъ начальствомъ главнаго воеводы, Ивана Ѳедоровича Басманова. Сраженіе произошло вблизи столицы; Косолапъ смѣло ударилъ на царскую рать и долго не давалъ ей оправиться. Стыль уступить бродягамъ заставилъ воиновъ сражаться до послѣдней крайности. Съ обѣихъ сторонъ пало много народу, самъ воевода Басмановъ убитъ въ сѣчѣ; наконецъ царская рать сломила разбойниковъ, захватила въ плѣнъ Косолапа, покрытаго тяжкими ранами, гнала и сѣкла безъ пощады его ватагу. Какъ ни много, однакожь, истреблено этого сброду въ битвѣ и на побѣгѣ, украинскіе притоны по-прежнему кипѣли хищною вольницею. Неудача подъ Москвою, смерть многихъ товарищей, павшихъ въ сѣчѣ, и казнь захваченныхъ въ плѣнъ еще усилили ея злобу. Разбойники чули и свою силу, и разстройство общественныхъ основъ, тѣшились мелкими грабежами и собирались помянуть Косолапа страшною тризною. Самоуверенность ихъ была тѣмъ дерзостивѣе, что тогда носилась уже вездѣ молва о спасеніи Угличскаго царевича.

Діаконъ Григорій, прежній Юрій Отрешевъ, не

долго могъ играть роль патриаршаго книжника: мысль о царственности не давала ему покою. Всеобщая тревога по случаю голода, смущеніе правительства, грозное накопленіе голоднаго и нищаго народу, замѣтная повсюду шаткость общественныхъ основъ — все это дѣйствовало чудно на душу мечтательнаго инока. Разгораченный привычною думою умъ его видѣлъ во всемъ этомъ дѣйствіи промысла небеснаго, который спасъ его отъ ножа убійцы, провелъ невредимо черезъ падавшіе подъ грозою хищника дома вельможъ, сохранилъ отъ кровавыхъ рукъ новаго Прода, бодрствовалъ надъ нимъ всюду — и въ кельяхъ монастырскихъ, полныхъ донощиками, и въ дремучихъ лѣсахъ, посреди безумно нагикаемыхъ имъ на себя опасностей. Когда вся Русь была въ уныніи и страхѣ отъ голоду, отъ увеличивающейся нищеты, отъ повсемѣстныхъ злодѣяствъ, одинъ Отрешевъ торжествовалъ: жаркія молитвы его, казалось, были наконецъ услышаны Небомъ: хищникъ престола и самое царство, неознававшее своего пара, карались бдѣствіями, разными Египетскимъ. Онъ видѣлъ уже колебаніе власти Борисовой, предчувствовалъ свое величіе и, въ обаяніи юношеской мечтательности, высказывалъ даже передъ братіею свои надежды.... Монахи слушали его бредъ со смѣхомъ и негодова-

нѣмъ; иные, просто, считали его *дѣволомскимъ* сосудомъ, погибшею душою, человѣкомъ, въ котораго вселился бѣсъ; и, какъ въ тѣ времена доносовъ всякое неосторожное слово замѣчалось и разносилось въ тысячу мѣстъ, то слухъ о странныхъ рѣчахъ діакона Григорія скоро достигъ до Ростовскаго митрополита Іоны. Митрополитъ передалъ ихъ патриарху Іову, но Іовъ принялъ эти рѣчи, какъ нестоящую вниманія болтовню молодого человѣка. Тогда Іона счелъ нужнымъ донести самому царю, что Отрепьевъ «готовитъ себя въ сосудъ діаволу.» Какъ ни дика была мысль, забравшаяся въ голову чернеца, однакожь осторожный Борисъ не оставилъ его безъ преслѣдованія. Отрепьева велѣно схватить и заточить въ Бѣлозерскій монастырь, на вѣчное покаяніе. Дѣло это возложено было царемъ на дьяка Смирнова-Васильева. Но Смирновъ, видно, былъ тайный приверженецъ Шуйскаго: онъ замедлилъ исполненіемъ царскаго указа и далъ Отрепьеву время бѣжать изъ монастыря.

Очнувшись отъ своей мечтательности, легкомысленный чернецъ не зналъ сперва, что съ собой дѣлать и гдѣ укрыться отъ бѣды, бросился въ одинъ, потомъ въ другой монастырь, но, чувствуя всегдѣ опасность своего положенія, опять возвратился въ Москву, гдѣ жили дозванные его благопріятели. Надеж-

да его не обманула: Шуйскій назиралъ каждый шагъ его и приготовилъ ему адѣсь двухъ слугъ, опытныхъ въ бродяжнической жизни, чернецовъ Мисанга и Варлаама. Не извѣстно, звалъ ли Отрѣпьевъ прежде Варлаама, но Мисанга былъ давній его знакомецъ. Въ міру онъ звался Михайломъ Повадинымъ и служилъ у князя Ивана Ивановича Шуйскаго. Есть основаніе думать, что это былъ одинъ изъ тѣхъ клеветовъ, посредствомъ которыхъ знатные люди покровительствовали Самозванцу и направляли шаги его: онъ вмѣстѣ съ Отрѣпьевымъ подпалъ подозрѣнію и преслѣдованію Борису во время паденія Черкасскихъ и другихъ именитыхъ бояръ⁽¹⁰⁾, такъ же какъ и Отрѣпьевъ, укрылся отъ бѣды въ монастырѣ и теперь снова избранъ былъ путеводителемъ старому знакомому. Каждый изъ трехъ товарищей имѣлъ причину искать убѣжища вдали отъ столицы. Отрѣпьевъ объявилъ, что его преслѣдуютъ за его дарованія въ сочиненіи каноновъ святымъ; Варлаамъ и Мисанга, какъ люди питающіеся щедротами

---

(10) Въ Сказ. о Гр. Отрѣпьевѣ, 3, въ Чтк. Общ. Ист. и Др. Р. 1847, апр.: »Во, единъ же день преступи (Отрѣпьевъ) предъ царемъ и съ нимъ въ томъ же преступленіи былъ Трофимовъ сынъ Повадинъ.«

благочестивыхъ людей, желали войти страну не столько потерпѣвшую отъ голоду, какъ при-Московскія области. Не трудно было Мисаилу увѣрить Отрепьева, что въ Сѣверской землѣ города Путивль, Черниговъ и другіе «кипятъ обиліемъ всѣхъ благъ земныхъ», онъ самъ одну Сѣверію съ ея дремучими лѣсами, безладьемъ народонаселенія и разбойничьими притоками, опасными для царскихъ сыщиковъ, считалъ надежнымъ для себя убѣжищемъ. Всѣ три путника поклялись, на паперти Троицкой церкви на рву, быть вѣрными другъ другу и съ образомъ Богоматери, для удобнѣйшаго сбора поклажий, отправились въ путь. ⁽¹⁾ Это было въ февралѣ 1602 года.

Шуйскій былъ увѣренъ, что Отрепьевъ не замедлитъ открыться въ царственномъ своемъ происхожденіи толпамъ отважныхъ козаковъ и бурлакъ въ Сѣверіи; но Мисаилъ не зналъ, какое возложено на него

⁽¹⁾ Тамъ же: «И прійдоша къ именованной Троицкѣ паперти, еже есть на рву, и знаменовася образомъ пречистая Богоматери, честнаго и славнаго ея одигитрія.» Далѣе: «И ту абіе умысли, по сей Сѣверской странѣ со образомъ ходити и на церковное сооруженіе обратити.» Далѣе, стр. 5: (будучи близъ границы) «Отрепьевъ постави образъ пречистая Богородицы и нача молитися.»

дѣло. Онъ былъ беззаботный весельчакъ, непростиравшій своихъ мыслей далѣе кружки вина: такимъ онъ почиталъ и Отрепьева. Но Отрепьевъ много перемѣнился съ того времени, какъ онъ знавалъ его въ міру: сдѣлался воздерженъ, скрытенъ и задумчивъ; только врожденная пылкость характера и раздражительность, отъ противорѣчій жизни, измѣняли иногда его обыкновенному поведенію. Мисангу и Варлааму не нравилось его, какъ они понимали, святость (12), и они не разъ на него возставали; впрочемъ это не мѣшало имъ странствовать вмѣстѣ. Они прошли города: Брянскъ, Путивль, Новгородъ Сѣверскій, и, между тѣмъ какъ Мисангъ съ Варлаамомъ пресыщался гостепримствомъ въ монастыряхъ и собиралъ «подаваніе на церковь» въ городахъ и селахъ, Отрепьевъ узнавалъ положеніе страны и характеръ ея народонаселенія. Въ его умѣ уже ронялась мысль — поднять своимъ именемъ на Борвса толпу недовольныхъ. Сѣверская земля, съ обширными незаселенными пустынями, съ дремучими лѣсами и непроходимыми болотами, показалась ему очень удобною для борьбы

(12) Тамъ же: «Мисангъ и Варлаамъ зѣло негодующе на него, яко да съ ними не вѣсть, но творить себе яко святъ.»

съ сильнымъ врагомъ; но онъ не зналъ еще здѣсь ни одного козацкаго притона; нужно было время, чтобы, перерядясь изъ рясы монашеской въ одежду наѣдника, вызвать между товарищами надежныхъ сподручниковъ, готовыхъ на все для царевича. Между тѣмъ разнесся слухъ, что по границамъ ищутъ какихъ-то бѣглецовъ Московскихъ. ⁽¹²⁾ Не найдя еще орудій для своего замысла и не зная, какъ совершить его, Отрепьевъ боялся попасть въ руки царскимъ сыщикамъ среди шаткихъ еще своихъ соображеній, и воспользовался первымъ случаемъ перейти за рубежъ, въ Литву. Товарищи его, испуганные также вѣстью о преслѣдованіи бѣглецовъ, рѣшились перейти вмѣстѣ съ нимъ за границу и обождать въ

---

(12) Тамъ же: «И видоша въ нѣкую весю близъ Литовскаго рубежа, и видятъ ту великій пространный путь, и восприя ихъ въ домъ едина жена и чество ихъ угостивъ, и егда же сѣдѣше за столомъ, и вопросиша жену о пути... И глагола жена: Путь сей, господине, за рубежъ въ Луеву гору, и нмѣи на томъ пути заставы суть отъ царя; не вѣмъ, кто съ Москвы безъ вѣсти въ сія страны бѣгуся итъ, того ради во всей странѣ сей крѣпкія заставы сія! И тогда Гришка Отрепьевъ отъ страху яко мертвъ; Мисилъ же рече: Поиждь намъ, о жено, гдѣ путь въ Чернигову прилежатъ?... Жена же имъ скоро путь показа и возвратися въ домъ свой.»

Кіевѣ, пока откроется, кого именно нужно правительству (15).

Въ Кіевѣ черныцы нашли гостепріимство въ Пе-

(15) Въ томъ же Сказаніи есть извѣстія о переходѣ Отрепьева съ товарищами черезъ рубежь и путешествіи изъ отъ границы въ Кіевъ, но неудобно ими воспользоваться для текста, по сбивчивости повѣствованія. Авторъ этой драгоценной лѣтописи, вѣроятно, смачал на бумагу приключенія Отрепьева по несвязнымъ разсказамъ современниковъ, или, можетъ быть, описывая ихъ по лѣтнимъ воспоминаніямъ, перемѣшалъ во многихъ мѣстахъ собственные имена и перевернулъ событія; но сообщенныя имъ подробности очевидно взяты изъ дѣйствительности. На сколько въ нихъ неправды, конечно неумышленной, это рѣшить покажеть трудно, но большая часть въ этомъ Сказаніи такого, чего не возможно выдумать. Привожу выписку о путешествіи Отрепьева (стр. 5, 6). «И пойдоша къ востоку къ Кіеву, прямо Луны горы, и пройдоша непроходимыя дебри, и идоша три дни и три ночи; мѣсто же то едва проходимо, лѣсъ и чаща велия. И придоша въ четвертый день на нѣкій боръ велий зѣло, и тамо видать ходяща человека и коняницу на плещу носяща, и устрашишася мнѣша, чающа Русскій человекъ, отъ нихъ же бѣжаста, и близъ его придоша и познаша его, яко Польскій человекъ, и ради быша, яко избѣжаша отъ сѣти ловца. И нача вопрошати его Гривка Отрепьевъ: «Повѣждь ми, павсе, какъ страна сія и какъ область, и кто владѣеть ею; Русскихъ ли страна, или Польскихъ, mostramся, скажи ми.» Полякъ же рече: «Страна сія Бѣлорусская суть; владѣеть ею Польскій Августъ Жигимонтъ

черскомъ и Никольскомъ монастыряхъ и прожили три недѣли. Въ это время Отрешевъ успѣлъ познакомиться съ людьми различныхъ религій и званій; отъ

«кралъ; мѣсто — живые двою братьевъ, Миколая и Яну Воловичей. Мой папъ, Миколай Воловичъ, недалеко отсюда, на пути къ Лусовой горѣ; добръ васъ приметъ и угоститъ. «А который же братъ Яну, вѣрою Люторъ, жестоко злобный и немилостивъ; едва кто переходитъ сквозь имѣние его. Азъ есмь бортникъ Миколая Волсанча, имя же мое Якубъ. Скажите ми, кося вы есте страны и како приходите изъ Великия Россіи крѣпкія застава сіа по всей «Сваерной странѣ?» Мисанлъ же рече: «Мы, пане, клиришы есуть, вольность имѣемъ по всей вселенній, якоже вольность въ нашихъ странахъ; и о семъ молимъ тя, имѣть ми выдачи отъ вашихъ страны на Великую Русь, аще кто «преселится сімо?» Полякъ же рече: «Имѣть; но пойдѣмъ кто государя, пане моего!» Они же радовашуса и вдаху къ Миколаю Воловичу. И пріяти бысть радости; угости ихъ велики, и пребысть въ дому его девять дней. Глаголаше убо, сѣдлаше съ нимъ, Гришка Отрешевъ. Отъ книгъ той панъ Миколай искусенъ грамотическіе премудрости, но не возможе претися, часто понираемъ въ словесѣхъ. И почте ихъ, угости и отпусти ихъ съ миромъ, и назначи имъ, како бѣ имъ притти къ брату его, Яну. Лютору сушу, и како бѣ имъ сохранигися отъ него. Они же шедше отъ Миколая къ брату его, къ Яну Воловичу, и пришедши во имѣние его; и видѣ его по двору ходяща и съ пань своими рыцарствуящи; они же видоша на дворѣ; онъ же нача ихъ карати, что сімо придосте, шпини, и

каждого старался приобрести нужными ему свидѣніи, каждого испытывалъ, не можетъ ли кто ему пригодиться. Всего болѣе сошелся съ Запорожскими ко-

---

хота ихъ посѣлки. Они же сказаша ему, како приидоша и како братъ его, Миколай, угостивъ ихъ, и принесоша къ нему карточку отъ Миколая, брата его, дабы надъ ними помилуваные учинилъ. Такожде и Янъ любезно ихъ воспринялъ и послалъ ихъ въ каморы своя, самъ же еще на дворѣ мѣшкал. Они же внидоша въ каморы его и видѣвъ ту сѣдлаша шурпина его, Лютора же суща, именемъ Флоренць. И воста, и витался, и нача глаголати о вѣрѣ: «Коя вѣры есте?» Гришка Отрешевъ все подробно ему отъвѣща и многія мудролюбныя словеса къ нему изрече. И тогда Флоренць воста и цѣлова ихъ любезно, и рече: «Истиннымъ есте преудрыи клирици сугь, да прииди есте къ нашу орду о духовныхъ бесѣдовати.» И возва изъ сѣдлицы зятя своего, Яна Воловича; ошъ же вниде въ камору свою, поклонитися имъ и витался. И рече Флоренць ему: «Пане Яне! истиннымъ клирици мудро любезнымъ эѣло, вѣры же каѳалическія.» Янъ же, витался, рече: «Истинно, пане, каѳалическая вѣра съ нашею единая эѣло.» Гришка же Отрешевъ рече: «Пане! неединая каѳалическая вѣра съ Польскою: вы Поместуа приносите жопрѣснокъ, а мы, каѳолики, приносимъ жертву о хлѣбѣ живаомъ.» И сими словесы угодно бысть Яну пану, и учредил ихъ въ дому своемъ ище Миколая, брата своего, и пребысть въ покоѣ 40 днй, бесѣдующе и глаголюще о вѣрѣ и о противленіи, и во всѣхъ словесѣхъ побѣждены быша отъ него. Тако бесѣдова во всѣ 40 дней и отиу-

заками ⁽¹³⁾, которые обыкновенно приходили въ Кіевъ толпами на поклоненіе святынямъ. Онъ сообщалъ имъ, въ видѣ молвы, исторію спасенія Угличскаго царевича и узналъ отъ нихъ, что Донскія и Низовыя Днѣпровскія степи долны выходцевъ Русскихъ, готовыхъ постоять за сына Іоаннова противъ Бориса. Мысль соединить эти буйныя сборища съ Сѣверскою вольницею подъ свое предводительство образовалась тогда въ умѣ искателя престола. Онъ обѣщалъ Запорожцамъ привести царевича въ самую Сѣчь ⁽¹⁴⁾ и со-

---

шены быша къ Луезымъ горамъ коннымъ путемъ. Отъ Луезыхъ горъ до града Луеза 15 миль; и придоша къ Луезу городокъ, бѣ бо тутъ воевода и панъ Станиславъ Прокудишій, и той пріять ихъ любезно и угостивъ ихъ, и отпусти ихъ въ Кіевъ коннымъ же путемъ.»

⁽¹³⁾ Въ грамотѣ патриарха Іова архимандриту Солнечегодской обители, у Карамз. XI, пр. 232: «А Стефанъ вконникъ въ роспросѣ сказалъ: Видѣлъ онъ въ Кіевѣ промѣнявати образокъ и жилъ въ Кіевѣ годъ да 13 недѣль и того роустригу Грншкѣ видѣлъ въ Кіевѣ въ чернецахъ... и былъ-де онъ... къ Печерскому и въ Никольскомъ ж. въ дяконѣхъ, и къ лавкѣ его приходилъ съ Запорожскими Черкасы.»

⁽¹⁴⁾ Такъ называлось укрѣпленное мѣсто, служившее центромъ соединенія Запорожской общины, въ низовыхъ Днѣпра.

вѣтовала распускать объ этомъ молву по вѣсѣмъ куренямъ на Запорожьи и на Дону.

Между тѣмъ Отрешевъ успѣлъ приобрести благо-склонность воеводы Кіевскаго, князя Василя Константиновича Острожскаго, которому полюбилась его начитанность церковныхъ книгъ и краснорѣчіе въ религіозныхъ бесѣдахъ. Князь Острожскій, извѣстный ревнитель православія, пригласилъ его съ товарищами въ свой замокъ, Острогъ, на Волини. Отрешеву это было нужно: не переставая распускать за тайну слухъ о спасеніи Дмитрія, онъ наблюдалъ, каково принимается эта новость Литовскими дворянами. Отказы пановъ благопріятствовали его цѣли: каждый принималъ участіе въ чудной судьбѣ царевича, каждый, по-видимому, радъ былъ поддержать права его. Многочисленный классъ шляхты, пренебрегающей земледѣльческими работами и ремеслами, бѣдной, праздною, драчливой и своевольной, готовъ былъ также служить его замысламъ. Одна уже надежда на поживу въ сосѣднемъ государствѣ могла привлечь это воинственное сословіе подъ его знамя. Отрешевъ, однакожь, чувствовалъ, что ему не достаетъ нѣкоторыхъ знаній для предводительства иноземнымъ ополченіемъ; и вотъ онъ уходитъ тайно изъ Острога, забивается въ глубину Волини, въ городокъ Гошу.

и, переи́ня монашескую рясу на свѣтское платье, учится въ тамошней школѣ по-Польски и по-Латыни. А чтобы скрыть себя отъ всякихъ преслѣдованій, которыхъ могъ опасаться, убѣдилъ еще прежде странствующаго монаха Леонида называться вездѣ Григоріемъ Отрешевымъ.

Проведя осень и зиму въ Гаццѣ, весною 1603 года пускается онъ въ новую школу, на Запорожьѣ. Дальній путь по странѣ неизвѣстной, черезъ пустынные степи, на которыхъ верѣлко мелькаютъ Татарскіе разбѣды, не устрашаетъ его. Онъ привыкъ быть одиночнымъ съ своею тайною думою, посреди дикой природы; онъ терпѣливо переноситъ голодъ и жажду, смѣло пускается вбродъ черезъ болотные затоны и вплавъ черезъ глубокія рѣки, подобно дикой птицѣ угадываетъ инстинктомъ путь къ желанному мѣсту и наконецъ достигаетъ пристанища вольной ватаги Запорожцевъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Происхождение Запорожскихъ козаковъ и исторія ихъ до Самозванца. — Описание ихъ страны и селеньемъ. — Самозванецъ на Дону. — Происхождение Донскихъ козаковъ и отношенія ихъ къ Московскому Государству. — Самозванецъ вступаетъ въ службу къ князю Вишневецкому. — Быть Польскихъ и Литовскихъ пановъ. — Самозванецъ открываетъ мнимое свое имя. — Паны принимаютъ въ него участіе. — Юрий Минишекъ сносится съ Радомомъ. — Самозванецъ въ Краковъ. — Переписка вѣры. — Аудіенція у короля. — Пана Марина. — Святотство. — Мѣры, принятые Годзеновымъ. — Знаменца. — Ополченіе Самозванца. — Походъ въ Россію.

Образованіе воинственнаго общества Днѣпровскихъ козаковъ восходитъ ко временамъ до-Татарскимъ. Козаки (какъ бы они ни назывались въ глубокую старину) не поддали завоеванію Татарскому въ XIII вѣкѣ, какъ Русь, нѣкоторыя Польскія области, Венгрія, Кроація, Сербія, Дунайская Болгарія, Молдавія и Влахія: необъятныя пространства хорошо извѣстныхъ имъ степей и подвижной способъ селитьбы спасли ихъ отъ Батыева порабоженія.

Не известно, въ какой зависимости находились они отъ древней до-Татарской Руси, но съ разрушеніемъ ея могущества независимость ихъ ни отъ какой державы была очевидна: пустынные притоки козакіе во низовьяхъ Днѣпра сдѣлались убѣжищемъ множества выходцевъ изъ Русскихъ областей, изъ Польши, Венгрии и другихъ странъ. Спасаясь отъ Татарскаго ига и прибывая въ степи съ разныхъ сторонъ порознь, или въ малочисленномъ сотовариществѣ, каждый изъ этихъ выходцевъ естественно отрѣшался отъ гражданскихъ связей своего поработеннаго варзарами отечества; ихъ связывали въ одну общину только свобода, Христіанство и вражда къ невѣрнымъ. Не было у нихъ никакихъ письменныхъ законовъ; все дѣлалось, по древнему Славянскому обычаю, мирскими сходками и радами. (*) Звѣриная и рыбная ловля да война составляли главные ихъ занятія и служили средствами существованія.

Въ эту оригинальную корпорацію больше всего пришло жиди изъ областей Русскихъ (если и

(*) Сходки у козаконъ были малыя собранія возлѣ куреней, а рады — собранія общія на площади, для рѣшенія — важныхъ дѣлъ. См. *Истор. о Козак. Запор. въ Чтен. Общ. Ист. и Др. Р.* 1847, геза.

самый корень козацкой общины пошелъ не отъ Русичей, охристианенныхъ Владиміромъ): со времени, въ какія только помнитъ козаковъ исторія, у нихъ господствовала Греко-Восточная вѣра, и въ послѣдствіи кто бы ни приходилъ вступить въ ихъ братство, Католикъ, Лютеранинъ, Кальвинистъ, каждый долженъ былъ признавать ученіе церкви Восточной. Языкъ также говорить о нихъ по-преимуществу Рускомъ происхожденіи.

Перевороты въ сосѣднихъ странахъ, окружающихъ дикія степи Запорожскія, имѣли вліяніе на составъ и интересы этой кочующей націи. Когда Литовцы вытѣсняли Татаръ изъ южной Руси, козаки охотно помогали Литвѣ и потомъ считали себя, безъ всякихъ, впрочемъ, обязательствъ, подъ покровительствомъ этого княжества. Когда Польша, соединясь съ Литвою, простерла свои владѣнія до степей, долго составлявшихъ сомнительную собственность трехъ націй, вольный народъ козацкій сдѣлался непреднамеренно ея военнымъ пограничнымъ поселеніемъ: защищая свои жилища, онъ защищалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и Польшу отъ Татарскихъ набѣговъ. Когда самодержавіе съ своими строгими формами заступило въ сѣверной Руси мѣсто буйныхъ и беспорядочныхъ удѣловъ, цѣлая толпа козаковъ, этихъ старыхъ

дружинниковъ князей удѣльныхъ, прибывали въ Днѣпровскія степи, гдѣ находили прежній разгулъ для своего буйства и, подъ начальствомъ избраннаго съ-обща отамана, мечомъ и грабежомъ добывали себѣ корысть у иновѣрныхъ сосѣдей, Турковъ, Татаръ, а иногда у Литвиновъ, Лиховъ и даже Московцевъ. Событія послѣднихъ двухъ царствованій — закрѣпощеніе крестьянъ и вольныхъ слугъ, голодъ, нищета, злоупотребленіе правъ сильного и распространеніе царской ошала на самыхъ слугъ боярскихъ также вытѣснили немало людей, однихъ въ степныя Московскія укрainы, а другихъ и за самый рубежь, къ Донцамъ и Запорожцамъ.

Польскій король Сигизмундъ I, понявъ важность воинственнаго общества Днѣпровскаго для Литвы и Польши, предложилъ козакамъ для поселенія земли въ южной части нынѣшней Кіевской губерніи и далъ имъ право пользоваться привилегіями Русскихъ княжествъ, принадлежавшихъ Литвѣ. Другой король, Стефанъ Баторій, раздѣлилъ ихъ на полки, далъ имъ предводителя ими и права *сетмана* (какъ назывались намѣстники королевскіе въ Литвѣ и Польшѣ), пожаловалъ имъ знаки войскового единства — знамя, литавры, бунчукъ, булаву, печать, установилъ войсковую старшину — обознаго, судью, писаря, осаула,

хорунжаго, полковникоу, сотникоу и отаманову, а чтобъ усилить ихъ корпорацію и проникнуть ее духомъ подданства королю Польскому, собралъ, въ добавокъ къ нимъ, нѣсколько тысячъ охотниковъ ковать изъ поселенъ Украинскихъ.

Съ оныхъ-то временъ, когда Днѣпровскіе козаки причисль къ свободнымъ сословіямъ Польской республики, произошло раздѣленіе ихъ на *городовыхъ*, жившихъ осѣло въ Малороссійской Украинѣ, называвшейся, въ отличіе отъ дикихъ степей, *городами* ⁽²⁾, и на *Писовыхъ*, или *Запорожскихъ*, которые вели жизнь бивуачную, безженную, въ низовьяхъ Днѣпра, за Порогами.

Несмотря, однакожъ, на заселеніе городовъ въ королевскихъ провинціяхъ — Чернась, Трактомирова и другихъ, несмотря на привилегіи, которыми въ нихъ пользовались, всѣ козаки, и Запорожцы, и городовые, или Украинскіе, по-прежнему считали себя независимыми людьми, вольными дѣлать, что заблагоразсудится: понятія о подданствѣ были выше

---

(2) См. *Литон. Самоенца*, 7: «*Изъ Запорожья черезъ кола дикіе зъ рогомъ, раструбомъ (рогомъ и ястребомъ), орломъ, хортомъ, козана бѣлаго шлегу (полковникъ) въ города, кому подарокъ шлючи якому пановѣ.*»

нихъ цивилизаціи, и дѣлая идея совершенной вольности не оставила Запорожской общины до конца ея существованія. (2) Воевала, или мирилась съ Турками и Татарами Польская республика, козаки слѣдовали своимъ собственнымъ побужденіямъ: наѣзжали на Татарскіе города и села, спускались по Днѣпру на плоскодонныхъ челнахъ въ Черное море, бросались въ abordaжъ на Турецкія галеры и корабли, грабили, жгли и разрушали приморскіе города Малоазіатскіе. (3) Поляки не знали, что дѣлать съ

---

(2) Ригельманъ, изложилъ мѣнія самихъ козаковъ о ихъ происхожденіи, говоритъ: «Прочіе же отъ древнихъ вѣканыхъ вольныхъ людей, кои якобы не принадлежали ни къ какому владѣнію и потому мнятъ о себѣ всё, будто бы они навсегда право имѣютъ въ вольности, и ни чьимъ точнымъ владѣніемъ, какъ только подъ защитою тѣхъ областей, къ которымъ они прикосновенны, состоятъ; и для того не почитаютъ себя, чтобы они были изъ Русскихъ людей, или чьи бывшіе подданные.» (*Летописное Повѣствованіе о Малой Россіи*, 3, въ *Чтен. Общ. Ист. и Др. Р.* 1847, февр.). Самое слово козакъ значило человекъ вольный. До сихъ поръ во всей Россіи удержалась въ народѣ поговорка вольный козакъ.

(3) Какъ сами Турки описываютъ козацкіе морскіе походы, см. въ *Collectanea z Dziejopisow Turceckich, przez J. Szczołowskiego*; Бопланъ, въ *Опис. Укр.*, 63 — 69, рассказываетъ о нихъ такъ: «Проѣздъ козаковъ черезъ Ли-

этими необузданными защитниками Христианства, какъ величали себя козаки. Пробовали, по жалобамъ султана, усмирять ихъ силою; но козакамъ

мань (въ море) не можетъ совершенно укрыться отъ (Турецкой) стражи; вѣсть о выходѣ ихъ въ море быстро распространяется по морскому берегу, до самого Константинополя. Султанъ разсылаетъ гонцовъ по берегамъ Натолія, Булгаріи и Румеліи для предостереженія жителей. Но все это ни къ чему не служитъ. Козаки, пользуясь и временемъ, и обстоятельствами, черезъ 36, или 40 часовъ по выходѣ изъ Анѣпра, причаливаютъ къ берегамъ Натолія и, оставивъ для караула на каждой лодкѣ по два товарища и по два мальчишка, вооруженные пикалами, дѣлаютъ высадку, нападаютъ къ-расплоху, преступомъ берутъ города, грабятъ, жгутъ, опустошаютъ Натолію, перѣдко на шлюзу мило отъ морского берега; потомъ немедленно возвращаются къ судамъ, нагружаютъ ихъ добычею и плывутъ далѣе — на новые поиски.... Встреваются ли имъ на морѣ Турецкія галеры, или купеческіе корабли, они бросаются на нихъ къ абордажъ. Открываютъ же непріятельскій корабль, или галеру прежде, нежели Турки замѣтятъ ихъ челны, возвышающіеся надъ морскою поверхностью не болѣе 2½ футовъ. Увидѣвъ издали корабль, козаки немедленно складываютъ мачту, закрываютъ направленіе вѣтра и становятся такимъ образомъ, чтобы къ вечеру солнце было у нихъ за спиною. За часъ до захода солнца, на всѣхъ веслахъ плывутъ къ кораблю и останавливаются на мило отъ него, чтобы не упустить непріятеля изъ вида. Наконецъ къ

кавалось это крайнею несправедливостью: имъ не было дѣла до того, что король включилъ ихъ въ число своихъ подданныхъ, а между тѣмъ войну съ

полночь, по данному знаку, устремляются на врага: половина уаальцовъ, готовыхъ къ бою, съ нетерпѣнiемъ ждетъ обрѣдана и, сбѣжавшись съ Турецкими суднонь, въ одно мгновенiе всходятъ на оное. Турки, изумленные нападениемъ 80, или 100 лодокъ и множествомъ враговъ, уступаютъ; а козаки, забравъ деньги, негрозодкiе товары, которымъ не вредить подиочна, пушки и все то, что можетъ быть для нихъ полезно, пускаютъ корабль на дно, со всѣмъ его экипажемъ... Наконецъ настаетъ время къ возвращенiю на родину. Турки между тѣмъ усиливаетъ стражу на устьѣ Днѣпровскомъ; но козаки сбѣгаютъ надъ стнмъ, даже и тогда, когда битвы съ непріятелемъ уменьшили число ихъ, или волны морскiя поглотивши нѣкоторые изъ утлыхъ челновъ: они причаливаютъ въ заливъ, въ 3, или 4 мильхъ на востокъ отъ Очакова. Отъ сего залива къ Днѣпру идетъ низкая дощина, длиною около 3 миль, которую море иногда заливаетъ на $\frac{1}{4}$ мили, покрывая ее водою не болѣе, какъ на полеута. Черезъ сiю дощину, постепенно возвышающуюся къ Днѣпру, козаки перетаскиваютъ свои суда: надъ каждымъ челномъ трудится 200, или 300 человекъ, и черезъ два, или три дни, весь флотъ, обремененный добычею, является на Днѣпрѣ.... Впрочемъ и козаки, въ свою очередь, попадаютъ въ западню, если встрѣтятся съ Турецкими галерами среди бѣлаго дня, на открытомъ морѣ; тогда отъ шумныхъ выстрѣловъ челны ихъ разсыпаются,

неверными они считали высшею заслугою передъ всякою Христіанскою націею.

Вражда къ покровителямъ заронилась въ ихъ буйныя души и возрастала при всякомъ новомъ разладѣ интересовъ Польской націи съ интересами ихъ кочующей дружины. Правительство, послѣ Баторія, упустило изъ виду, какъ важно для всей республики усердіе этихъ вѣчныхъ враговъ Орды и Турковъ, и, опасаясь возрастающаго могущества ихъ, начало стѣснять права козацкія; а когда Сигизмундъ III забралъ въ голову великую мысль объединить въ республикѣ все вѣроисповѣданія съ ка-

---

какъ стая скворцовъ, и многіе гибнутъ въ морской пучинѣ; удалымъ теряютъ все свое мужество и въ быстромъ бѣгствѣ ищутъ спасенія. Но когда рѣшаются на битву, привязываютъ весла по мѣстамъ и вступаютъ въ бой: одни не трогаясь съ мѣстъ, палятъ безпрестанно изъ пищалей; другіе заряжаютъ ихъ и подаютъ товарищамъ; мѣткіе выстрѣлы ихъ не допускаютъ Турковъ до ручной схватки. При всемъ томъ пушки наносятъ козакамъ вредъ ужасный: они обыкновенно теряютъ въ сраженіяхъ съ галерами около двухъ третей своихъ сподвижниковъ, рѣдко возвращается ихъ на родину болѣе половинны; за то привозятъ богатую добычу.... Вотъ главный ихъ промыселъ: они живутъ одною добычею; ибо, возвратясь на родину, ни чѣмъ не занимаются, а уживутъ только пить и бранничать съ друзьями.»

томичествомъ, взаимная вражда козаковъ и правительства приняла характеръ религіозной и съ обѣихъ сторонъ была тѣмъ неуступчивѣе, что ознаменовалась именемъ Христіанства.

Къ несчастью для Польши, все это разгорѣлось на давно-подготовленномъ злѣ, на угнетеніи поселянъ. Страсть къ роскоши, обуявшая тогда Польское дворянство, и жадность къ прибытку ввели въ обычай вредное арендаторство. Живя въ столицѣ и въ большихъ велико-Польскихъ городахъ, владѣльцы земель, заселенныхъ Русинами, отдавали ихъ на откупъ Жидамъ и мелкой шляхтѣ⁽²⁾, передавая имъ, вмѣстѣ съ арендою, свое неограниченное право суда и расправы надъ крестьянами. Зло долго было терпимо беззащитными поселянами, но, когда арендаторы постигнули и на козацкія земли, прилежащія къ помѣщичьимъ и разсѣянныя между ними, а правительство, или лучше сказать аристократы, его со-

(2) *Летопись Саловидца*, 7: «Сами державцы (владѣльцы земель) на Украинѣ не мешкали, только урядъ держали, и такъ о кривдахъ посполитыхъ людей мало знали, альбо любо и знали, только заслѣплены будучи поларками отъ старостъ и Жидовъ арендарей, же (что) того не-могли узнати, же (что) ихъ саможь по нихъ же шкурѣ и мамуть.»

ставлявшие, стали ограничивать число козаковъ, уничтожать права ихъ и многихъ обращать въ состояніе слугъ и поселянъ, — козакъ соединили свои релігіозные, поземельные и общинные интересы съ интересами крестьянъ, вербовали между ними себѣ тайныхъ сообщниковъ, снабжая ихъ оружіемъ и военными припасами, вездѣ распространяли свой непокорный духъ и наконецъ, провозглашая себя защитниками вѣры противъ католиковъ и вмѣстѣ защитниками угнетенныхъ поселянъ противъ дворянства, завязали съ этими двумя составами Польской націи знаменитую *козацкую войну*, тянувшуюся полвѣка и кончившуюся ослабленіемъ иѣкогда сильной Польской державы и перевѣсомъ надъ нею государства Московскаго.

Въ данную эпоху эта война была въ самомъ началѣ. Первая попытка козаковъ къ борьбѣ съ католиками и дворянами, подъ предводительствомъ гетмана Косинскаго, природнаго дворянина, надѣлала много бѣдъ ихъ противникамъ, но Косинскій палъ въ битвѣ, и войско его разсѣялось. Это было въ 1594 году. Скоро явился у козаковъ новый предводитель, Наливайко, человекъ низкаго происхожденія, но высочайшій духомъ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ сложеныя про него пѣсни, незамолкнувшія до на-

щихъ дней. Война съ нимъ дорого обошлась противникамъ: козакъ выиграла кровавую битву подъ Чигириномъ и долго были грозною для республики; наконецъ дворянская партія восторжествовала. Тѣснимые со всѣхъ сторонъ околченіями противниковъ, козакъ окопались на лѣвой сторонѣ Днѣпра, подъ Лубнами, долго защищались, выстрѣляли заряды, издержали съѣстные припасы и были принуждены слаться, на условіяхъ разойтись и выдать своего предводителя, которому обѣщана, однакожь, жизнь. (Годъ 1597). Такимъ образомъ Украинское околченіе козацкое разсѣлось, и Запорожцы удалились въ свои Низовые притоки, тая въ душѣ злобу къ врагамъ за стѣсненіе правъ своихъ и надежду на будущіе успѣхи. Скоро узнали они, что гетманъ ихъ, не смотря на условія капитуляціи, замученъ въ темницѣ, поселеніе угнетается по прежнему, Католичество вездѣ тѣснитъ Восточную вѣру. Нѣсколько лѣтъ они молчали, ограничиваясь только мелкими набѣгами такъ называемыхъ *кайдамакъ* на панскія земли, — воевали съ Турками, безпрестанно сѣзжались и ратовали въ стѣняхъ съ Татарскими ватагами (*); а

(*) Бопланъ (*Описаніе Украйны*, 32 — 38.) сохранилъ для насъ любопытныя подробности и о стѣнныхъ похо-

между тѣмъ Сѣчь ихъ пополнила бѣглыми крестьянами панскими; козаки Низовые, или Запорожцы, войны бездомные и безженные, сносились съ козакми се-

дахъ козаковъ. Приложу извлеченіи: «Козаки, зная, какия опасность ожидаютъ ихъ въ стѣнахъ, переходятъ оными въ таборѣ, или въ каравахѣ, т. е. между двумя рядами телегъ, замыкаемыхъ спереди и сзади 8, или 10 повозками; сами же, съ дротиками, пищалями и косами на длинныхъ ратовищахъ, идутъ посреди табора, а лучшіе наблюдатели вокругъ онаго. Сверхъ того, во всѣ четыре стороны, на $\frac{1}{4}$ мили, высылаютъ по одному козаку для наблюденія. Какъ скоро покажется непріятель, стражи даютъ сигналъ, и таборъ останавливается. Если козаки откроютъ враговъ, то бьютъ ихъ; если же сами будутъ прежде замѣчены, Татары подкрадываются къ табору и внезапно нападаютъ на оный... Случалось и мнѣ нѣсколько разъ, съ 50, или 60 козаками, переходить стѣни. Татары нападали на нашу таборъ, въ числѣ 500 человекъ, но не въ силахъ были разстроить его; да и мы также мало вредили имъ, ибо Татары только издали грозили нападеніемъ, не подѣлывая, однако, на ружейный выстрѣлъ и, пустивъ черезъ наши головы тучу стрѣлъ, скрывались... Намъ вѣдалось печально разграбить камоу-нибудь караванъ. Будяки употребляютъ весьма искусную хитрость. Надобно замѣтить, что тамошнія стѣни покрываетъ густая, въ два фута вышиною, трава, которую при проѣздѣ нельзя не притоптать; посему, опасаясь, чтобы слѣды не открыли числа и направленія отрядовъ и чтобы непріятель не пустился въ погоню, Татары поступа-

мейными, которые жили оседло, въ самой Украинѣ, и назывались уже, какъ сказано, городовыми или Украинскими; тѣ волновали своихъ современниковъ

югъ слѣдующимъ образомъ. Отрядъ человекъ въ 400 раздѣляется на 4 шайки; одна идетъ къ северу, другая къ югу, третья къ востоку, четвертая къ западу. Однимъ словомъ, каждая сотня слѣдуетъ особеннымъ путемъ, и пройдетъ около $1\frac{1}{2}$ миль, раздѣляется еще на 3 шайки, въ 33 коня, которыя также расколятся въ разные стороны, если не препятствуетъ какая-нибудь рѣка; чрезъ низины снова раздѣляются на три части. Такимъ образомъ не болѣе 10, или 11 Татаръ остаются вмѣстѣ... Все это совершается скорѣе, нежели въ полтора часа, на всемъ скаку: иначе, если козаки откроютъ ихъ во время разсѣянаго движенія, то никакая быстрота уже не поможетъ. Но хищники весьма опытные въ семъ маневрѣ и такъ хорошо знакомы со степями, какъ искусные лонжаны съ гваницью. Каждая шайка въ 10, или 11 всадниковъ, идетъ степью произвольно, избѣгая только встрѣчи съ другими; жмляхъ же въ 10, или 12 отъ мѣста раздѣленія, къ определенное время, всѣ они сходятся въ какую-нибудь лошину, гдѣ надѣются отыскать кормъ для лошадей своихъ и воду. Иные прямо идутъ къ мѣсту соединенія, другіе же, находясь отъ онаго далѣе, описываютъ дугу. Трава, пригнанная 11 лошадьми, на другой день поднимается, и слѣды исчезаютъ... Татары изобрѣли хитрость сію съ намѣреніемъ обмануть козаковъ, которые преслѣдуютъ ихъ неутомимо. Слѣдствіе о появленіи Татарской шайки я зналъ, что въ ней не болѣе 300, или 600 человекъ,

поселянъ, подстрекали ихъ къ совершенному уничтоженію крестьянства, къ безусловной свободѣ, ко всеобщему козачеству, и Польской республикѣ готовилась рядъ войнъ тѣмъ гибельнѣйшихъ, что она, въ аристократической гордости, презирада враговъ своихъ.

Въ такомъ состояніи засталъ Отрешевъ Запорожье. Посреди глухихъ степей, гораздо ниже устья Самары, Дніпръ запруженъ огромными камнями, выстунувшимися со дна его. Въ нѣскольکو рядовъ эти камни, называемые *Порогами* идутъ поперегъ рѣки, одни скрываются подъ водою, другіе чернѣя надъ ней, неправильными кучами. Огромная масса Дніпровскихъ

1000, или 1200 козаковъ садятся на коней, ищутъ слѣдовъ неприятельскихъ и, по онымъ достигнувъ до средины описаннаго нами круга, въ недоумѣніи останавливаются, не зная, гдѣ искать враговъ, ибо слѣды расходятся во все стороны... Изъ сего понятно, какъ трудно отыскать хищниковъ. Козаки встрѣчаются съ ними случайно, во время раздѣла, или почета; но Татары всегда осторожны: имѣя глаза узкіе и слѣдовательно зрѣніе острое, они открываютъ насъ прежде, нежели мы ихъ увидимъ. Притомъ же хитрость, а не сила, рѣшаетъ побѣду. Встрѣтись другъ съ другомъ за часъ до заката солнечнаго, или черезъ часъ по восхожденіи, враги, подобно жереходцамъ, старающимся выиграть вѣтеръ, употребляютъ все искусство, чтобы стать спиною къ солнцу, дабы оно свѣтило въ глаза неприятелю, и пр.

вода съ оглушительнымъ ревомъ прорывается въ тѣсныи между утесами, или низпадаетъ съ подводныхъ стѣнъ, течеть нѣкоторое пространство спокойною массою и снова кружится, падаетъ и реветъ на другомъ Порогѣ. Такъ она успокоивается и бурлитъ снова тринадцать разъ, тѣснимая не одними утесами, но и каменными островами, которые, съ своими дикими виноградниками, брошены посреди мрачныхъ скалъ и бунтующихъ водъ, въ жилище одиныхъ птицамъ. Прогрѣжѣвъ на пространство 63 версты, Днѣпръ илетъ плавнымъ разливомъ до самого моря и измѣняетъ характеръ свой: не видно болѣе высокихъ горъ, провожающихъ его черезъ всю Малороссію по правому берегу; свѣтлыя воды его лѣблются въ разлогихъ берегахъ, среди плавныхъ линий степного небосклона; одни гѣса, называвшіеся у Запорожцевъ Великимъ Лугомъ, возвышаются надъ водными равнинами. По Днѣпру до самого Амаза, или широкой губы приморской, пошли большіе острова, перенесенные архипелагомъ мелкихъ, низменныхъ и камычатыхъ. Изъ нихъ Томаковка, наиболѣе любимый козаками (?), возвышается надъ во-

(?) Тамъ укрывался Хмѣльницкій, когда Поляки грозили схватить его; тамъ же собирались козаки, когда въ

дою лѣсистымъ полушаромъ, и съ его вершины открывається широкій и глубокий видъ вверхъ по рѣкѣ на водныя равнины, на острова и степные Днѣпровскіе берега до самыхъ почти пороговъ, а внизу Днѣпра чернѣеть и синѣеть архипелагъ, состоящій изъ безчисленнаго множества мелкихъ острововъ, поросшихъ камышомъ, густымъ, необыкновенно толстымъ и высокимъ. Эти-то косматые камышчатые острова, съ лабиринтомъ мелкихъ водныхъ протоковъ между ними, служили козакамъ издревле безопаснымъ убежищемъ. Здѣсь они скрывали на сушѣ и подъ водою общіе и частныя скарбы и потому звали весь архипелагъ Войсковою Скарбницею. ⁽⁸⁾ Не страшны были здѣсь имъ ни Татары, ни Турки, ни преслѣдо-

---

1648 году они возмущились и одержали побѣду на поляхъ Корсувскихъ.» *Белланъ, Опис. Укр.* 25, 26.

(8) Тамъ же: «Увѣряють, что козаки скрываютъ множество пушекъ въ протокахъ Войсковой Скарбницы, во гдѣ именно, никто изъ Поляковъ вамъ не скажетъ, ибо они въ тѣхъ мѣстахъ не бывають... Козаки скрываютъ подъ водою не только пушки, отбиваемыя у Турковъ, но и деньги... Каждый козакъ имѣетъ на островахъ свой тайный уголокъ. Возвратясь съ поисковъ нахъ Турками, они дѣлаютъ въ Скарбникѣ добычу и все, что ни получить, скрываютъ подъ водою, исключая вещей повреждаемыхъ оною.»

ванія Польскаго правительства: одни козаки знали дорогу въ этомъ лабиринтѣ и только ихъ плоскодонныя челны могли ходить по неглубокимъ протокамъ. (7) Самая Сѣчь, или укрѣпленный лагерь, съ деревянными *куреньями* (казармами) козацкими и съ площадью, на которой происходила войсковыя рады, расположена была на одномъ изъ большихъ острововъ. (8) Туда исконнымъ обычаемъ запрещалось, подъ смертною казною, вводить женщинъ. Одинокое, отроженное отъ всѣхъ общественныхъ связей бурлачество, это случайное условіе козаковъ Московскихъ, сѣверскихъ и другихъ, вытекающее изъ бѣднаго бездомнаго ихъ быта, здѣсь получило форму закона.

(7) Тамъ же: «Преслѣдуя ихъ одиноки на возвратномъ пути съ Чернаго моря, Турецкія галеры проникли до самой Скарбинцы; но тамъ, въ лабиринтѣ острововъ, запутались и не могли найти выхода. Козаки грянули къ нимъ изъ ружей съ челновъ, закрытыхъ камышами, потопили многія галеры и такъ напугали Турковъ, что они съ тѣхъ поръ не смѣютъ входить въ Дибирь далѣе 4 или 5 миль отъ устья.»

(8) Трудно сказать, на которомъ именно: козаки перемѣняли мѣсто для Сѣчи нѣсколько разъ. См. *Ист. о Козак. Запор.*, 3, 6, въ *Чтен. Общ. Ист. и Др. Р.* 1847, гень. Иногда они собирались держать рады и на открытыхъ урочищахъ. См. *Боплана, Опис. Укр.*, 17.

Составясь болѣею частью изъ вольныхъ и невольныхъ отверженцевъ общества, козаки Запорожскіе утвердили неразрывность своего братства на обычай, противоположномъ главному его основанію. Никто не зналъ числа ихъ: каждый приходилъ въ Сѣчь, козакъ, козакъ, сколько хотѣлъ, оставался, или уходилъ назадъ, — братство объ этомъ не заботилось. Запорожцы были народъ, размножающійся не изъ самого себя, а извнѣ, народъ, который, по замѣчанію Миллера, во всякіе тридцать лѣтъ почти исчезалъ и дѣлался новымъ. Отъ этого въ немъ, смотря по политическимъ обстоятельствамъ, обнаруживались тѣ или другія стремленія и притязанія (11); отъ этого въ самомъ его составѣ, по временамъ, преобладали разныя элементы, соразмѣрно числу тѣхъ или другихъ выходцевъ.

Въ описываемое мною время сильно звучала на Запорожьи рѣчь Сѣвернорусская, и Отрешевъ нашелъ много людей, готовыхъ идти съ царевичемъ

---

(11) Вспомнимъ, напримѣръ, гетманство Дашковича, враждебное Россіи, и потомъ предложенія другого предводителя ихъ, Дмитрія Вишневецкаго, Іоанну IV; вспомнимъ участіе ихъ въ войнахъ Малороссіи съ Польшою и потомъ враждебныя дѣйствія въ отношеніи къ Гетманщинѣ.

Димитріемъ, для полученія гражданскихъ правъ, или для мести тѣмъ, кто ихъ преслѣдовалъ законно, или незаконно, а большая часть, разумѣется, для добычи (12). Онъ поступилъ въ число козаковъ, составлявшихъ курень отамана Герасима Евангилка, и, съ помощью этого старшины, захотѣлъ къ походу въ Московское государство нѣсколько другихъ козацкихъ куреней.

Изъ Запорожья Отрешевъ прошелъ къ берегамъ Дона (13), гдѣ кочевала вольница, подобная Запорожцамъ. Она пошла отъ одного съ ними корня во вре-

(12) Есть основаніе думать, что Отрешевъ объявилъ себя царевичемъ еще на Запорожьи. Въ январѣ 1601 года нѣкто Тирфельдъ писалъ изъ Нарвы къ Абовскому командиру, что «сынъ Іоанна Мучителя живъ и здоровъ, находится у козаковъ и старается овладѣть престоломъ.»

(13) Основываюсь на томъ же замекѣ Бера, стр. 32: Отрешевъ возвратился (изъ Литвы) въ Россію, прошелъ въ землю козаковъ (Запорожцы считались козаками Литовскими, значить — въ землю козаковъ Донскихъ) и началъ тамъ разглашать, и пр. Петрей, повторяя почти вслѣдъ слова Беровой лѣтописи, выясняетъ это мѣсто такъ: «одинъ чернокушжикъ возвратился въ Россію и возбунтовалъ Донскихъ козаковъ.» (Сказ. Совр. о Дим. Сам. 1, пр. 32.) Нѣтъ надобности здѣсь до имени, перепутанныхъ обоимъ вѣжно обстоятельство, конечно, записанное по слухамъ

мена, темныя для исторiи⁽¹⁴⁾, и пополнялся выходцами, по преимуществу Сѣвернорусскими, разрознилась въ течение вѣковъ, какъ и весь народъ Московскiй, въ языкѣ и въ некоторыхъ обычаяхъ съ своими Южно-Русскими соплеменниками. Донцы еще въ XVI столѣтiи считали своимъ государемъ царя Московскаго, но въ то же время не пропускали случая пограбить Русскихъ купцовъ на Азовской дорогѣ, захватывать въ

---

(14) Ригельманъ пишетъ (*Ист. о Донск. Кол. I, 2*), что у Донцовъ существовало преданiе о происхожденiи ихъ отъ какого-то зѣрлова, совершенно сходное съ такимъ же преданiемъ Запорожцевъ о происхожденiи ихъ общины. На стр. 8 и 9 своей Исторiи онъ говоритъ: «Первоначальное жъ жителство ихъ было неотмѣнно подобно визовымъ Запорожскимъ казакамъ, потому что избы ковчьи и до вышѣ называются также, куренями, и построениемъ подобны онымъ.... а въ главному городѣ Черкасскѣ станицы одна отъ другой отдѣлены и каждая своимъ околоткомъ состоитъ. Они сперва жителствомъ, нравомъ и поведениемъ своимъ совсѣмъ Запорожскимъ казакамъ подобны были. Ибо съ самаго тутъ начала пребыванiя своего, какъ сказываютъ сами, такъ какъ Сѣверскiе, не имѣли жемъ и терпѣть ихъ не могли; но какъ стали за добычью отходить, то въ промыслахъ своихъ доставали отъ Турокъ, Кумыкъ, Крымцовъ, Кубанцевъ, Черкесъ, отъ разныхъ горскихъ Татаръ и изъ прочихъ мѣстъ, всякую панить и людей, въ томъ числѣ и женской пола, оныхъ стали брать за себя и сожителствовать съ ними.»

пѣтъ даже царскихъ разсыльныхъ, для позиранія въ степяхъ Татаръ, и набѣгать на Русское пограничье. Между тѣмъ ихъ безпрестанныя войны съ невѣрными были очень полезны для государства. Цѣня это, цари Московскіе смотрѣли сквозь пальцы на ихъ злодѣйства, часто снабжали ихъ военными припасами, одаряли жалованьемъ и устремляли ихъ набѣги, куда требовала политика. Въ царствованіе Феодора они однажды отняли у Русскаго посланника царскіе дары султану и, когда посланникъ потребовалъ, именемъ царя, отпустить безъ окупы плѣнниковъ, султанскаго чауша съ шестью Черкесскими князьми, они въ досадѣ отсѣкли одному изъ нихъ руку и кричали на сходкѣ: «Мы вѣрны царю бѣлому, но кого беремъ саблею, того не освобождаемъ даромъ!» Такъ Донцы, только именемъ Русскіе подданные, существовали до воцаренія Годунова. Годуновъ рѣшился обуздать эту вольницу, преслѣдовалъ Донцовъ, какъ разбойниковъ, вездѣ гдѣ они ни показывались, заключалъ въ темницы, не позволялъ приходить въ пограничные города для продажи добычи и покупки необходимыхъ вещей⁽⁸¹⁾. Донцы кипѣли злобою и

(81) Маржереть, стр. 63: «Государь даетъ имъ небольшое содержаніе; за то они ищють право своевольничать.

ждали только случая илнить ее из Годунова. Слухъ объ Угличскомъ царевичѣ взволновалъ все ихъ станицы и, еще задолго до появленія Самозванца въ Московскихъ предѣлахъ, Дочцы, разбивъ царскаго троюроднаго брата, Степана Годунова, на пути его къ Астрахань, отправили нѣсколько плѣнниковъ къ Борису и приказали объявить ему, что скоро будутъ въ Москвѣ съ царевичемъ Димитріемъ.

Соединяя, такимъ образомъ, въ безсознательный союзъ безпокойную Литовскую шляхту, удалыхъ наѣздниковъ Днѣпровскихъ и злобствующихъ на Годунова Донскихъ козаковъ, Отрепьевъ навлекалъ и другую для себя пользу изъ пребыванія своего за Порогами и на Дону: учился владѣть коньемъ, попадать на всемъ скаку въ цѣль, дѣйствовать саблею; ходилъ съ козаками на море, твердо вѣруя, что Богъ, избравъ его орудіемъ своего промысла, не погубитъ въ плѣнящейся пучинѣ; разѣзжалъ съ ними по степямъ, подъ прикрытіемъ подвижнаго табора; тучи стрѣлъ Татарскихъ свистѣли надъ головой его не-вередно, и мечтательный юноша убѣждался еще

какъ хотять; временемъ могутъ приходить въ пограничные города, продавать тамъ добычу и покупать необходимыя для себя вещи.»

богѣ въ предопредѣленіи славной судьбы своей. Во всю жизнь сохранилъ онъ фатализмъ, свойственный вообще Русскимъ, и въ особенности развитой на Запорожьи, — дерзко, отчаянно бросался на всѣ опасности и наконецъ погибъ жертвою своего легкомыслія.

Усвоивъ себѣ искусство наѣздника, ознакомившись съ правами и обычаями людей, которыми готовился предводительствовать, Огрещевъ возвратился на Волинь и вступилъ въ службу къ князю Адаму Вишневецкому. Польскіе и Литовскіе паны обыкновенно содержали на своемъ жалованьи толпу *деорлязъ*, которые, подъ громкими коронными именами *маршалковъ двору*, *старостъ*, *канцлеровъ* и прочія, представляли дворъ королевскій въ маломъ видѣ; сами паны межъ ними казались королями. Обширныя земли, легко приобретаемыя магнатами, какъ главами республики, въ пожизненное и потомственное владѣніе, давали имъ возможность содержать также при своемъ дворѣ множество, собственно такъ называемыхъ, слугъ⁽¹⁶⁾ и по нѣ-

(16) См. сочиненіе Мащевскаго: *«Polska aż do połowy XVII wieku»*, II, 246 — 248: «Эти люди вели праздную жизнь.... Часто самъ панъ не звалъ слугъ своихъ.... Для легкой услуги бѣжало ихъ нѣсколько разомъ, а отъ та-

скольку тысячъ воиновъ, набранныхъ въ имѣнїяхъ, или привлеченныхъ въ панскіе драгуны и рейтары, изъ разныхъ низшихъ сословій, жалованьемъ (17). Съ этими ополченїями паны являлись подъ знамена королевскія и защищали свои помѣстья отъ Татарскихъ набѣговъ. Дворяне исправляли у нихъ должности офицеровъ. Въ мирное время при панскихъ дворахъ происходили безпрестанно конскія ристалища, стрѣльба изъ ружей въ цѣль и разные маневры тогдашней тактики. Для Польской и Литовской молодежи панскіе дворы были школою рыцарства и свѣтской обра-

жею обязанности всѣ уходили, какъ отъ огня. Когда панъ плюнетъ, трое слугъ затирали его плаванье: когда отъ умывался, четверо подавало ему утиральникъ. Среди многочисленной зааги слугъ часто нельзя было дожидаться услуги, такъ что Польскіе паны... говаривали: «Приказалъ панъ и долженъ былъ сдѣлать самъ; мы за то лишь платимъ слугамъ, чтобъ разомъ съ нами ѣздъ...» Одинъ негодяй, во время раздачи жалованья, былъ спрошенъ: неужели и онъ служить? «Да», отвѣчалъ онъ, «и я служу, кѣшая то, что другіе, т. е. ѣмъ и пью.»

(17) См. *Литов. Самое.*, 10: «Князь Вишневецкій... нѣючи при себѣ кляквалдцать тысячъ люду военного грошового, окроць драгунѣй и выбранцовъ, которыхъ съ подданныхъ своихъ начинялъ-былъ по всѣхъ городахъ нешлѣчоную рѣчь», и пр.

званности. Богатые отцы посылали дѣтей своихъ служить въ *дружинахъ* знатнаго пана на собственномъ содержаніи; тамъ они усвоили себѣ тонъ высшаго общества и понятія объ общественныхъ отношеніяхъ. Строгая почтительность къ особѣ пана, требуемая аристократическою гордостью, была закономъ для дворянъ. Возвратясь утромъ велѣдъ за своимъ господиномъ отъ обѣдни, они у дверей ожидали панскихъ приказаній. Панъ однихъ призывалъ къ себѣ для сокращенія времени разговоромъ, другихъ разсылалъ съ разными порученіями, третьимъ велѣдъ ожидать своего зову. Тамъ они, по словамъ старинныхъ поэтовъ Польскихъ, стоя подпирали панскія двери плечами и со скуки дули на перья, забавляясь ихъ летаньемъ по воздуху, или побрякивали подковами своихъ сапоговъ, какъ лошади. Одни изъ дворянъ держались панами только за умѣнье балагурить, другіе за расторопность въ исполненіи приказаній.

Познавъ въ это новое общество, Отрешевъ, отъ природы рѣчистый, а по образу жизни, богатый наблюденіями надъ разными странами и сословіями, скоро обратилъ на себя вниманіе князя Вишневецкаго. Физическая сила, опытность и ловкость въ охотѣ, въ конномъ рытаніи и въ разныхъ воинскихъ упражненіяхъ также отличили его между дворскою моло-

дежью. Но ему мало было теперь обыкновеннаго вниманія вельможнаго пана и отличія въ кругу товарищей. Своля къ концу свои планы, онъ былъ равнодушенъ къ похваламъ и наградамъ; часто видала его задумчивымъ и грустнымъ, когда другой на его мѣстѣ былъ бы въ восторгѣ; онъ удалялся отъ шумныхъ пирушекъ дворняжескихъ; ему не льстили связи съ юношествомъ изъ самыхъ знатныхъ фамилій. Все это сдѣлало его въ кругу дружины и дворянъ княжескихъ лицомъ характеристическимъ и загадочнымъ. Но загадка скоро объяснилась. Отрешевъ слегъ въ постель и потребовалъ къ себѣ духовника. Когда явился духовникъ, онъ объявилъ ему, что онъ не тотъ, кѣмъ его почитаютъ, что, отходя въ вѣчность, ему бы хотѣлось оставить о себѣ на землѣ память, и потому открываетъ на духу свое имя. «Нашиши, святой отецъ,» говорилъ онъ, «по моей смерти, въ православную Русь, что царевичъ Дмитрій умеръ на чужбинѣ; пускай творятъ обо мнѣ память съ отцомъ моимъ и братьями. Но, пока я живъ, заклинаю тебя, не открывать никому этой тайны.» Такая исповѣдь сильно встревожила духовника, и онъ сдѣлалъ то, чего желалъ Отрешевъ: немедленно довелъ князю, что въ его доль умираетъ Русскій царевичъ. Вишневецкій, подготовленный уже давно темными слухами о странствованіи Дмитрія

Угличскаго никогнито въ Литвѣ, сбѣшить къ постели умирающаго со всѣмъ участіемъ благороднаго ховяина. Тронутый до слезъ, Отрепьевъ сообщаетъ ему подробности повѣсть мнимаго своего спасенія и показываетъ драгоценный крестъ, подаренный ему воспріемнымъ отцомъ при крещеніи (12). И онъ не глгъ:

(12) Беръ (стр. 32, 33) рассказываетъ иначе отырытіе Отрепьева предъ кн. Вишневецкимъ; но упоминаемыя имъ обстоятельства несогласны съ объясненіями Польскихъ магистровъ. Любопытны подробности *Сказанія о Гр. Отрепьевѣ* (стр. 7, 9), не смотря на то, что жѣсть, лица и событія перепутаны и перемѣшаны съ баснословіемъ, какъ и въ другихъ разсказахъ этой лѣтописи. Извлеченія: «Приде (Отрепьевъ) во градь Самборъ, во нѣвніе великаго пана, Михаила Ратомскаго, и пана Александра и князь Юрья Самрскихъ, и пріять бысть ими радостно, и послаша его въ Стодольскій монастырь, идѣже у нихъ родители лежатъ, тамо жъ и костель вѣры Латинскія и мнхоль 40 и Язовить пять. Житіе же ихъ и причины имѣя, раски аки чюги преподаны, при грудяхъ бархатъ зеленъ, и амшнеть, и лзоревъ, и темносинь, и всякихъ разныхъ суколъ амошоти имѣяю около шен налы вѣло до плещу, и шапки съ пукомъ, а въ рукахъ четки. Сиде у мнхоль у Язовить.... Въ то же время той окаянный лютый змій.... пача излехогати, и рече игумену Пимеу, мнху сушу, да повелитъ ему пріяти въ болѣзни духовнаго отца по вѣрѣ своей кавалическія. Игуменъ же Пимешъ повелѣ ему пріяти отца по прошенію его; и приде къ нему его духовный отецъ, Гренъ

онъ повторялъ слова Шуйскаго, отъ котораго, можетъ быть, получилъ и крестъ вмѣстѣ съ открытіемъ своей царственности. Утѣшенія, обнадеживанія князя Адама

сущій, именовъ Арсеній, и исповѣда его. Во исповѣданіи же своимъ рече ему сей.... воликъ.... Угличскаго царевича воззая оказанный въ его царское имя: «Послушайте мене, отче Арсеніе! аще изволитъ Богъ по душу мою послати, ни по смерти же моеи не скрый, Бога ради, воспиеуй и на великую Россію къ Московскому государству о моей смерти, яко аще эдѣ, въ Самборѣ градѣ, въ Стодольскомъ монастырѣ, смерть мя постигнетъ; азъ же, отче Арсеніе, царскій сынъ, великаго царя Ивана Васильевича.... возвѣсти упо смерти моеи, дабы память сотворили на Руси со отцемъ моимъ и братьею; а нынѣ не возвѣсти никому, дождеже азъ есть въ живогѣ.» Отецъ же его духовной, Арсеній, сія слышавъ и усумняся, яко тако великій царь обнища, аще истина есть, и шель повѣда того къ монастыря игумену, Пимену, мнху сушу, иры же Латинскія, вся по ряду сказа, еже ему той оказанный возвѣсти; игумень же Пимень, сія слышавъ, и пріятъ сердцемъ своимъ, дождеже его князя пріидуть въ монастырь, молитамъ ради, да возвѣстятъ имъ о семъ. Егда же въ день медѣльный пріидоша князь Александръ и князь Юрій Свирскій, и видоша въ келію ко игумену Пимену, благословенія ради, онъ же имъ вся по ряду возвѣсти, и отца его духовнаго, Арсенія, свидѣтели постави, и потомъ поидоша по костельной молитвѣ на тронезу жети, бѣ бо паче Александръ угости братію всю, и поставъ на тронезѣ предъ столомъ, вятися со всѣми мнхи; обычай же тамо, егда кто вели-

Вишневецкаго и помощь медицины скоро поднимаютъ
мнимаго царевича съ одра болѣзни.

Между тѣмъ слухъ о немъ переходилъ изъ дома

кѣи и намышлѣннѣи павъ въ житаніи своемъ руку свою по-
лагаше сверху, а жнхи же полагаху руку свои сысподи,
да не подвигнутъ его на гибель. Той же трехглавнѣи левъ
и прінде, и житаяся съ паны, не востотъ руни своей по-
ложити сысподи, но сугубо руками житаяся съ паны. И
уразумѣвъ князь Александръ, яко непроста роду есть сій...
но обѣвъ же прінде ко игумену въ келію оба князя на
прохладѣ, и позва ту священно-инока Арсенія, Грека су-
ша, и посади его за запошь, и повелѣли возвати князя...
И воставъ князя оба противу его, и житаяся, повелѣ ему
сѣсти, и потомъ нача глаголати ему игумень: «Брате и
книжнѣи пане! повѣжда снѣвъ нашнѣи питателемъ и вели-
кимъ семитыремъ его же королевскія тайная думы и ви-
зшему Бернадниству, како ты изъ земли Русскія пересе-
лнся сѣмо, и како царскіи снѣвъ въ послѣднюю шншету
хуклоннся, и како престола своего царскаго лншнся; сви-
дѣтельствуеть о тебѣ отецъ твой духовнѣи, Арсеvіи.» Тако
же и князи вачаша его вопрошати о томъ; онъ же пер-
вѣе нача ротитися и со отцомъ своимъ духовнымъ свари-
тнся, и понося, и глагола къ нему, яко не учитель, но
губитель суть и тайнамъ объявитель. Отецъ же его ду-
ховнѣи пани нача предъ игуменомъ и предъ князи томе
глаголати; треокаяннѣи же левъ сій лютѣи, прелукавнѣи
еретикъ, нача съ рыданіемъ повѣдати и дорзнувъ нареши-
ся царевичемъ Дмитріемъ, и како избѣжа отъ руки Бо-
риса цзя, все лукавнѣи совѣтомъ, все по радку шрече.

въ домъ; паны желали видѣть странствующаго наследника Московскаго престола. Адамъ Вишневецкій былъ въ восхищеніи, что судьба предоставила ему честь быть покровителемъ высокаго странника и славу

Тогда же князи послушаше его и отпустиша во свою келію; по отшествіи же его, заповѣдавъ князи во всю седмицу по-Гречески поститися ему, въ день же недѣльный придуть князи и видать, аще истина есть, и сія рекъ, пойдоша князи во кѣліе свое; и тогда совершивъ окаанный постъ, въ день же недѣльный придоша князи въ монастырь и повелѣли анторгисати въ Рускій церкви святая мученицы Екатерины священнику Арсенію, бѣ бо та церковь отъ монастыря поприще, слобода Руская.... Егда же изнесоша изъ царскихъ дверей живодейтельное тѣло и кровь Господа нашего Исуса Христа, и придоста оба князи и близь стага, и сего волка призваша и вся мнѣти монастыря того, и Берладниства, и Язовиты на смотрѣніе придоста; и егда причащашу его и нача глаголати къ нему отецъ его духовной, Арсеній, и оба князи, и игумень Пимень: «Повѣдай намъ, брате и господине, предъ сею страшною и живодейательною трапезою, истинный ли ты еси царскій сынъ, или шѣсть?» Оумъ же съ клятвою нарекъ и крестныхъ знаменіемъ себе огради и зря на владычнѣ образъ дерзостно, рече: «На томъ принимаю тѣло Господне и кровь, яко истинный есмь царскій сынъ, царевичъ Димитрій имъ змов.» И сія рекъ, причастися окаанный безстудно; по совершеніи же Божественной анторгиса, облечеса окаанный въ мирскія ризы, по достоинію царску. На трапезѣ же

видѣть слугу своего на Московскомъ престолѣ. Гордый панъ не пожагѣлъ ничего, чтобы придать знаменитому бродягѣ какъ можно болѣе царственности: войска, отведенные для мнимаго Дмитрія, обѣщаны новыми Азіатскими коврами, къ его услугамъ отражены лучшіе люди княжескіе, богатая одежда, дорогие кони, экипажи, золотые и серебряные сосуды, все это предложено было въ даръ отъ хозяина гостю съ щедростью, какую только могла внушить аристократическая гордость. Самозванца возили изъ дома въ домъ, вездѣ оказывались ему царскія почести, вездѣ давали въ честь его праздники. Нашлись люди, видѣвшіе царевича во время его малолѣтства въ Угличѣ; имъ было выгодно засвидѣтельствовать, и они засвидѣтельствовали, что это истинный сынъ царя Іоанна ⁽¹⁰⁾. Отъ Князя Алама онъ былъ перерзанъ го-

---

предъ нимъ по чину царску предстолѣ оба князя, но рабы, и чрезъ день той веселяхуся и рыцарствоваху, и оттолѣ его пояста князи съ великою честью во градь свой.

(10) Въ антахъ упоминаются два свидѣтели. Одинъ былъ Юрій Петровскій или Петруша, Русскій выходець, слуга Литовскаго канцлера Льва Самбги. Онъ объявилъ, что Угличскій царевичъ имѣлъ приняты Самозванца: бородавку на носу воадѣ глаза и короткую руку. Другой былъ крестьянинъ Юрій Миншка, бывшій въ плѣну у Русскихъ во ар-

стить къ брату его Константину Вишневецкому, а отъ Князя Константина къ его зятю, воеводѣ Сендомирскому, Юрію Мнишку, въ Галицкій городъ Самборъ.

Не одво участіе къ необыкновенной судьбѣ паревича, но и политическіе виды заставляли пановъ ласкать Лжедмитрія. Россія вела издревле войны съ сосѣдней Литвою: возвести на Московскій престолъ царя, обизаннаго панамъ, какъ благодѣтелямъ, значило приобрѣсть въ немъ усерднаго союзника и примирить два враждующія государства. Давнія попытки католиковъ обратить Русскихъ къ Римской Церкви также входили въ соображенія покровителей Самозванца. Юрій Мнишекъ, ревностный католикъ, посредствомъ Францисканскихъ монаховъ легко убѣдилъ своего гостя, согласнаго на все для короны, въ истинности ученія Западной Церкви и съ торжествомъ далъ знать объ этомъ въ Крадовъ панскому нунцію, Рангони, находившемуся при королѣ Сигизмундѣ III, ревностномъ слугѣ паны и Іезуитовъ.

Но Рангони не вдругъ схватился за это новое орудіе къ распространенію католичества на востокъ, не смотря на письма къ нему Мнишка и самого Само-

званца. Онъ справился предварительно въ Москвѣ, есть ли надежда на успѣхъ Дмитрія въ исканіи престола. Тамъ съ безпокойствомъ и нетерпѣніемъ собирали боязливые слухи о полетѣ этого дикаго сокола на Днѣпровскіе и Донскіе берега; узнавъ теперь, что онъ попалъ на путь, о которомъ, можетъ быть, не мечтагъ и самъ Шуйскій, тайные покровители Самозванца передали папскому нунцію увѣреніе, что Дмитрій найдетъ себѣ усердныхъ слугъ и въ черни, недовольной Годуновымъ, и въ самой думѣ царской. Тогда Рангони предлагаетъ Юрію Минишку явиться съ своимъ высокимъ гостемъ въ Краковъ.

Пока они прибыли, нунцій успѣлъ расположить короля въ пользу искателя Московскаго престола. Сигизмундъ безъ труда далъ убѣдить себя, что этотъ случай посылается ему самимъ небомъ для распространенія «истинной вѣры въ неизмѣримыхъ странахъ востока» и что успѣхъ этого предпріятія сдѣлаетъ имя его равноапостольнымъ въ исторіи Христіанства. Досада на Годунова за расположенность его къ Карлу Шведскому и предлагаемая Самозванцемъ уступка Польшѣ половины Смоленскаго княжества съ частью Сѣверскаго также приняты были въ расчетъ Сигизмундомъ. Но положеніе его, какъ главы Польской аристократической республики, было та-

ково, что безъ согласія *намовъ рады* (совѣта) онъ не могъ предпринять ничего важнаго. А между радными панами лучшіе умы, Замойскій, Жолкѣвскій, князь Острожскій, были противнаго мнѣнія. Итакъ избрали средину: опредѣлили позволить панамъ, покровителямъ царевича, набирать для него изъ вольныхъ людей ополченіе и, предоставляя это дѣло суду Божию, проводить Димитрія до Русскихъ предѣловъ. Если Русскіе добровольно сдадутъ ему свои крѣпости, значить онъ истинный царевичъ; если же будутъ сопротивляться, паны должны оставить его на произволь судьбы и возвратиться отъ границы, чтобъ не нарушать мирныхъ договоровъ съ Московскимъ государствомъ.

Оставалось обратить внимаго Димитрія въ католическую вѣру и взять съ него обязательство, что онъ будетъ стараться ввести ее въ Московскомъ государствѣ. На то и на другое онъ согласился; но какъ, Русскіе строго держались православія, то положено было сдѣлать все это тайно. Самозванецъ, переодѣтый, явился, въ сопровожденіи Юрія Мишка (²⁹), въ

(²⁹) Въ *Annae Litterae Societatis Jesu*, аи. 1604, стр. 704, 703, сказано: «сопровождаемый однимъ Польскимъ вельможею.» Кому жъ другому быть этимъ вельможею,

Иезуитскій монастырь и тамъ, въ присутствіи многихъ особъ, далъ на словахъ и на бумагѣ клятву, что будетъ послушнымъ слугою папы; потомъ исповѣдывался у одного изъ Иезуитовъ и принялъ отъ нунція таинства причащенія и муропомазанія.

Вслѣдъ за тѣмъ Ронгоин представилъ мнимого царевича королю Сигизмунду. Король принялъ его довольно холодно, съ замѣтнымъ сомнѣніемъ въ истинности его притязаній. И въ самомъ дѣлѣ наружность Самозванца была нецарственная. Онъ былъ средняго, почти низкаго, росту, съ широкою грудью, съ толстыми членами; одна рука короче другой; на носу бородавка; волосы рыжеватые; лицо круглое и широкое, съ грубыми очертаніями. Въ этомъ лицѣ являлось, правда, что-то величавое, когда оно одушевлялось отвагою, или другимъ горячимъ чувствомъ; открытій видъ и рѣшительныя манеры также сглаживали природныя его недостатки. Но теперь Отрешевъ находился подъ вліяніемъ тягостныхъ чувствъ; не легко было ему, при всемъ его легкомысліи, дать

если не пану Мнишку, который у себя въ домѣ обратилъ уже Самозванца къ ученію Римской церкви, который списывался объ этомъ съ нунціемъ и былъ усерднѣйшимъ покровителемъ Московскаго претендента?

обязательство касательно введенія въ Россію католической вѣры; онъ зналъ Русь болѣе, нежели тѣ, кто этого требовалъ, и значить клялся въ томъ, чего не надѣялся выполнить. Опасенія, чтобъ Русскіе не свѣдали объ этомъ еще до его воцаренія, и неизвѣстность, какъ рѣшить судьбу его Сигизмунда, еще болѣе смущали его душу. Онъ стоялъ передъ королемъ, какъ преступникъ, ожидающій казни, или милости, и, положивъ руку на сердце, болѣе вздохами, нежели словами, убѣждалъ Сигизмунда къ покровительству. Выславъ его изъ кабинета, гдѣ происходила эта важная аудіенція, король нѣсколько минутъ говорилъ наединѣ съ нунціемъ. Между тѣмъ придворные удивлялись, куда дѣвалось краснорѣчіе Московскаго царевича и какъ изъ бойкаго, самоувѣреннаго юноши онъ сдѣлался вдругъ врачнымъ, задумчивымъ и неловкимъ! Наконецъ, убѣжденный доводами папскаго нунція, король, вѣря, или невѣря называющему себя Димитріемъ, позвалъ его опять въ кабинетъ и, приподнявъ шляпу, сказалъ съ веселымъ видомъ: «Князь Московскій Димитрій, да поможетъ вамъ Богъ! а мы, выслушавъ и разсмотрѣвъ всѣ ваши свидѣтельства, несомнительно видимъ въ васъ Юзьянова сына и въ доказательство нашего искренняго благоволенія опредѣляемъ вамъ ежегодно 40 тысячъ злотыхъ (54,000

ныишнихъ рублей серебромъ) на содержаніе и всякія издержки. Сверхъ того дозволяемъ вамъ, какъ истинному другу республики, спосылаться съ нашими панами и пользоваться ихъ помощью.» Отъ радости, или отъ другого чувства, Самозванецъ не сказалъ ни слова: нуишій благодарилъ за него короля.

Въ это время прибыли ко Лжедмитрію два атамана отъ Донскихъ козаковъ съ увѣреніемъ, что дѣятельныи молодцовъ готовы сѣсть на коней и лезть къ нему на службу въ назначенное время и мѣсто. Заставъ Самозванца въ Краковѣ, эти депутаты видѣли, какъ чествовать его вельможи и король, видѣли и Русскихъ выходцевъ, воздающихъ ему царскія почести, — всѣ сомнѣнія, если они были, разсѣлились, и козаки, возвращаясь на Донъ, вслѣдъ разглашали, что видѣли истиннаго царевича Московскаго. Посольство отъ Донской вольницы оживило упадшій духъ Самозванца: ему нуженъ былъ только видъ покровительства короля и вельможъ, — больше всего надѣялся онъ на козаковъ.

Была и другая причина мрачной его задумчивости, замѣченной всѣми въ Краковѣ. Гости въ Самборскомъ заняли у Сендожирскаго воеводы Мишика, онъ узналъ и полюбилъ дочь его, панну Марину. Красота, образованность и энергическая душа этой дѣвушки,

сами по себѣ, были очаровательны, а въ соединеніи съ нѣжнымъ участіемъ къ трогательной судьбѣ страждущаго царевича и съ притѣсью искуснаго кокетства, они совершенно обаяли пылкую душу Александра. Какъ однакожъ ни было нескромно выражено это участіе, гордая Поляка дала понять своему гостю, что только съ полученіемъ отцовской короны онъ можетъ пріобрѣсти ея руку. Теперь верховный санъ, къ которому онъ стремился, показался ему во сто разъ драгоценнѣе, и чѣмъ сильнѣе онъ его жаждалъ, тѣмъ больше терзали его душу опасенія и сомнѣнія въ успѣхѣ труднаго предпріятія. Сквозь эту призму всякое затрудненіе, всякой нескромный шопотъ пажовъ, всякой сомнительный взглядъ короля и его приближенныхъ казался ему страшными, готовыми уничтожить его на пути къ чарующей славѣ и еще болѣе чарующей любви. Только искренняя преданность Юрія Мишица, видѣвшаго въ его успѣхѣ возвышеніе собственнаго дома, подкрѣпляла его на этой, такъ еще новой для него, сценѣ. Какъ бы то ни было, важный шагъ къ успѣху въ будущемъ сдѣланъ: король, хотя и не открыто, принялъ его сторону противъ Годунова. Богатство и знатность Севомирскаго воеводы обѣщали устроить остальное. Въ Самборѣ и Львовѣ собиравлись уже охотники ратовать за Дмитрия.

рія. Правда, это былъ низкій сбродъ бездомной шляхты, привыкшей бродить изъ дома въ домъ, способной больше хвастать, нежели сражаться; однакожь между сподвижниками Самозванца мелькали имена Смирскихъ, Тишкѣвичей и другихъ знатныхъ Польскихъ и Литовскихъ домовъ. Явилось подъ знаменемъ Дмитрія нѣсколько челоуѣкъ и Русскихъ, бѣжавшихъ некогда въ Литву и надѣявшихся теперь отвоевать съ ними потерянные права гражданства и собственности въ отечествѣ. Но, возвратясь съ покровителемъ своимъ въ Самборъ, Дмитрій не столько радовался стекающемуся къ нему со всеѣхъ сторонъ ополченію, сколько благосклонности панны Марины. Отецъ извѣстилъ ее объ успѣхѣ царевича въ Краковѣ, совѣтовалъ ей не терять случая къ возвышенію, и честолюбивая Польшка повела дѣло такъ, что пламенный любовникъ осмѣлился просить руки ея. Отецъ и дочь были согласны, но бракъ отложенъ до вступленія его на отцовскій престолъ. Вслѣдъ за тѣмъ Дмитрій далъ будущему тестю записку, по которой обязывался жениться на паннѣ Маринѣ съ слѣдующими условіями: 1) Лишь только вступить на престолъ, выдать Юрію Минику милліонъ злотыхъ на путешествіе въ Москву и на заплату долговъ, сдѣланныхъ для собранія Дмитріева ополченія, а

Маринѣ прислать брилліанты и столовое серебро.
 2) Предоставить Маринѣ Великій Новгородъ и Псковь въ полное владѣніе, какъ владѣли прежніе цари, — съ неограниченнымъ правомъ судить и рѣшить въ нихъ, издавать законы, раздавать и продавать волости, строить католическія церкви и снабжать ихъ латинскими школами и духовенствомъ, а при дворѣ своемъ — держать Латинскихъ духовныхъ и отправлять безпрепятственно свое Богослуженіе. Эти области остаются за Мариной, хотя бы она и не имѣла потомства отъ Димитрія. Если жъ Димитріи не достигнетъ въ одинъ годъ престола, Марина можетъ не выдти за него вовсе, или, если захочетъ, обождетъ еще годъ.

Это обязательство сдѣлано было въ концѣ мая 1604 года. Предаясь сладкимъ мечтамъ о будущемъ величїи и унываясь любовью подъ шумъ южныхъ садовъ и плескъ фонтановъ Миншкова замка, Самозванецъ щедро раздавалъ то, чего не былъ еще обладателемъ. Изъ благодарности за ласки, за ширь, за льстивыя рѣчи, онъ скоро далъ будущему тестю особую запись, по которой княжества Смоленское и Сѣверское поступали въ потомственное владѣніе Юрія Меншка; а какъ половина Смоленскаго княжества и шесть городовъ въ Сѣверскомъ отоидуть въ Польскому коро-

лю, то все это додается Мишику изъ близъ-лежащихъ областей.

Между тѣмъ въ Москву приходили со всѣхъ сторонъ слухи о явленіи въ Польгѣ Угличскаго царевича. Самъ Годуновъ усомнился, дѣйствительно ли въ 1691 году была зарѣзана истинный царевичъ; сдѣлалъ новый розыскъ, удостовѣрился въ несомнѣнности его смерти и убѣдился, что Самозванецъ выдуманъ боярами (21). Ощутить подъ своими ногами тайные подкопы, устроенные въ то время, когда онъ считалъ себя въ совершенной безопасности, Борисъ ужаснулся (22). Теперь только онъ понялъ, на что можетъ рѣшиться злоба и какъ сильны враги его. Въ мученіяхъ предчувствія, онъ не зналъ, за какое ухватиться средство: аресты, попытки, ссылки и казни могутъ только ожесточить подданныхъ, которымъ давно уже ошестылило его подозрительное царствова-

(21) Беръ, 37: «Новые свидѣтельства въ смерти царевича наконецъ убѣдили его, что виновниками обмана были зложелители его, бояре.» Далѣе на стр. 43: «Онъ сказалъ князьямъ и боярамъ въ глаза, что это было ихъ дѣло — въ чемъ и не ошибся — что они извѣною и крамолами стараются свергнуть его съ престола.»

(22) Никон. Лѣт. VIII, 39: «Царь же Борисъ ужастень бысть.» Беръ, 34: «Эта новость его ужаснула.»

ніе. Въ виду соперника, перезывающего на свою сторону всѣхъ недовольныхъ, онъ не осмѣлился употребить жестокихъ мѣръ, и, стараясь казаться спокойнымъ, развѣдывалъ только, посредствомъ лазутчиковъ, кто этотъ опасный Самозванецъ и кто именно изъ бояръ навелъ его на мысль объявить себя паремичемъ. Подлинное имя мнимаго Дмитрія, уже ему знакомое, онъ узналъ скоро, но о его сообщникахъ могъ только догадываться. Вызвалъ въ Москву мать Угличскаго паремича, инокиню Марю, думая, не безъ основанія, что она могла быть въ заговорѣ съ боярами; допрашивалъ ее, вмѣстѣ съ патриархомъ, но ничего не вывѣдалъ. Тогда, для опроверженія ходившихъ повсюду слуховъ объ Угличскомъ паремичѣ, онъ обнародовалъ исторію Чудовскаго монаха; а между тѣмъ послалъ къ покровителямъ Самозванца, Польскимъ и Литовскимъ панамъ, родного дялю его, Смирнова-Отрепьева, чтобъ обличить обманщика; послалъ къ королю Огарева съ напоминаніемъ о недавнемъ договорѣ, — къ князю Острожскому, отъ имени патриарха, Афанасія Пальчикова съ убѣжденіемъ не помогать отступнику православія, — къ Польскому духовенству — особое убѣжденіе отъ имени всей Русской іерархіи, а къ Донскимъ казакамъ отправилъ дворянина Хруцова съ увѣреніемъ, что называющій себя

Димитріемъ есть низкій разстрига, Отрепьевъ. Ни одна изъ этихъ вѣръ не помогла: народъ склоненъ былъ вѣрить чудесной судьбѣ царевича и, не любя Бориса, желалъ пережѣны; Литовскіе и Польскіе вельможи не допустили Смирнова-Отрепьева до мнимаго царевича, подозрѣвая, вѣроятно, въ этой подсылкѣ хитрость Московскаго царя; князь Острожскій отправилъ Пальчикова безъ отвѣта; король объявилъ Огареву, что онъ не помогаетъ Димитрію и будетъ даже наказывать его помощникомъ; Польское духовенство молчало, а Донскіе козакки оковали Хрущова и отправили къ Самозванцу. Хрущовъ, едва увидѣлъ мнимаго царевича, тотчасъ призналъ его сыномъ Іоанна Грознаго и этимъ доказалъ, какъ мало Годуновъ зналъ, кто ему другъ и кто недругъ и какъ, въ самомъ дѣлѣ, ужасно было его положеніе.

Все государство, по рассказамъ современниковъ, было тогда встревожено ожиданіемъ великаго переворота. По вочамъ видны были на небѣ огненные столбы; сталкиваясь одинъ съ другимъ, они представляли воображенію зрителей кровавыя битвы. Иногда восходили, въ оптическомъ обманѣ, двѣ и три луны, два и три солнца вмѣстѣ. Страшныя бури валаи городскія ворота и колокольни. Женщины и животныя производили на свѣтъ множество уродовъ; не стало

рыбы въ водѣ, птицъ въ воздухѣ, дичи въ лѣсахъ. Мясо, употребляемое въ пищу, не имѣло вкуса, не смотря на всѣ приправы. Волки и собаки пожирали другъ друга, страшно выли въ той сторонѣ, гдѣ послѣ отерлась война, и рыскали стадами по полямъ, такъ что опасно было выходить на дорогу безъ толпы провожатыхъ. Показались орлы вблизи столицы; въ самой Москвѣ ловили руками бурыхъ и черныхъ лисицъ. Въ июнѣ 1604 года, среди бѣла дня, явилась на небѣ комета. Самъ царь ужаснулся этого знаменія, которое почиталось тогда зловѣщимъ; совѣтовался съ гадателями и получалъ въ отвѣтъ слова: «Тебѣ грозитъ великая опасность!»

Подъ такими-то предвѣщаніями готовился Самозванецъ къ походу въ отечество. Въ Галиціи онъ собралъ только 1,600 человекъ войска; но важная помощь ожидала его въ Московскомъ царствѣ, гдѣ его приверженцы разсыпали въ городахъ, въ селахъ и на большихъ дорогахъ подметныя письма отъ имени Димитрія царевича и гдѣ Сѣверскіе козакъ и другіе бродяги, нетерпѣливыми толпами, ждали его по-надъ границею (22). Въ концѣ августа 1604 года онъ высту-

(22) Беръ, 45: «Въ сентябрѣ собралось на Русской границѣ до 6 тысячъ козаконъ (положимъ, что это число и

пиль, вмѣстѣ съ Юріемъ Мишикомъ, въ походъ и направился черезъ Зборовъ, Хвостовъ и Кіевъ. На берегахъ Днѣпра къ нему присоединились двѣ тысячи Донскихъ козаковъ, и къ концу октября войско Самозванца вступило въ Сѣверскую землю, предназначенную быть театромъ борьбы между ницкимъ бродягою и самозластнымъ обладателемъ Московскаго государства. «Смѣху достойно сказаніе», говоритъ объ этомъ лѣтописецъ Палицынъ, «плача же велика дѣло бысть.»

преувеличено), по внушенію монаха Отрешьева (Леонид), который укрывалъ ихъ, будто бы законный Русскій царь живъ и скрывается въ Польшѣ, въ то же время далъ знать мнимому Дмитрію, что козаки ожидаютъ его на предѣлахъ, что они горятъ желаніемъ сразится за него съ Борисомъ, и пр.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Раздѣленіе украинскихъ городовъ. — Взглядъ на Сѣверскую область и ея население. — Моравскъ и Черниговъ поддаются Оутрѣбеву. — Осада Новгорода Сѣверскаго. — Мужество Басманова. — Поддача Путьиля и другихъ городовъ. — Монахъ Леонидъ. — Сокращеніе рати. — Проклятія Оутрѣбева. — Мстиславскій идетъ къ Новгороду Сѣверскому. — Битва. — Запорожцы. — Отступленіе царской рати.

Во время Самозванщины слово украинъ имѣло у Русскихъ и у Поляковъ значеніе пограничныхъ областей. Въ Польскомъ государствѣ украинною, или, вѣрнѣе говоря, *україною* называлась древняя земля *Кіевская*, составившая пограничье Рѣчи Посполитой ⁽¹⁾ отъ Татарскихъ стѣнъ, въ которыя глубоко врѣзался такъ называемый *Низъ*, или *дикія поля*, незаселен-

---

(1) Рѣчь Посполитая значить республика. Такъ называлось Польское королевство по своему конституціонному устройству.

ныя степи, составляющія соинительную собственность Татаръ, Запорожскихъ козаковъ и Польши. Все это вмѣстѣ составляло *украину Малороссійскую* (?). Въ Московскомъ государствѣ украиною вообще называлось пространство отъ береговъ Оки до при-Волжскихъ, при-Донскихъ и при-Днѣпровскихъ степей. Этотъ обширный полукругъ имѣлъ два главные раздѣленія: восточная часть его, по Татарскому рубежу, называлась *Польскою* украиною, а западная, широко въ обѣ стороны по рѣкѣ Деснѣ, называлась украиною *Литовскою*. Кромѣ того въ оффиціальныхъ бумагахъ второго десятилѣтїя XVII вѣка находимъ слѣдующее раздѣленіе украины Московскаго государства: 1) Собственно украинскими назывались города по Окѣ: Коломна, Серпуховъ, Алексинъ, Калуга; 2) далѣе, отъ центра государства въ степи, пошли города *Рязанскіе*: Переславль Рязанскій, Зарайскъ, Михайловъ, Провскъ, Рясскъ, Шацкъ, Сапожокъ, Гремячей, Таруса, Веневъ, Епифанъ, Дѣдлово, Донковъ, Боровскъ, Малой Ярославецъ, Лихвинъ, Перемышль, Бѣлевъ, Болховъ, Орелъ, Карачевъ, Чернь, Козельскъ, Мещевскъ; 3) еще дальше, на западъ города *Сѣ-*

(?) Такъ эти земли названы въ Белоцерновскомъ университетѣ Богдана Хмельницкаго.

сѣверскіе: Брянскъ, Стародубъ, Новгородъ Сѣверскій, Рыльскъ, Путивль; 4) на югъ, собственно степные города: Курскъ, Ливны, Воронежъ, Елецъ, Лебедянь, Валуйки, Бѣлгородъ, Осколь, и 5) на востокъ, города *ливные*: Касимовъ, Колома, Темниковъ, Казань, Тетюши, Курмышъ, Алаторъ, Самара, Царицынъ, Астрахань, Терки.

Уяснивъ себѣ, такимъ образомъ, географическую терминологию, обратимъ особенное вниманіе на область Сѣверскую, или Литовскую Украину, бывшую первымъ театромъ междоусобныхъ войнъ. Эта страна дѣлилась на двѣ почти равныя части прозрачною рѣкой Десною, которая протекаетъ по ней съ сѣвера на юго-западъ, принимая въ себя Черусу, Судость, Сеймъ, Сновъ и много другихъ, мелкихъ рѣчекъ. Съ правой стороны тянется по Деснѣ непрерывный рядъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ и мѣстами бѣляющихся меловыми обвалами; съ лѣвой вьются по ней широкіе дуга, изрѣзанные длинными озерами и собственными ея заливами.

Въ началѣ XVII вѣка Сѣверія была несравненно лѣсистѣе противъ нынѣшняго. Обширныя болота, еще не засушенные временемъ и трудами человѣческими, стояли и ржавѣли въ темнотѣ этихъ лѣсовъ, давая неприступныя убѣжища множеству птицъ и

лѣтей. Воды рѣкъ и озеръ разливались шире нѣбшиаго, какъ и во всей Русской землѣ. Обработанныхъ полей было мало. Вся страна представляла угрюмую картину запустѣнія и безлюдья. Немногіе города и села, разбросанные по рѣчнымъ взгорьямъ, по лѣсамъ и сырымъ низменностямъ Сѣверія, сообщались между собою извилистыми *шорами*. Ихъ протерли копыта животныхъ и ноги пѣшеходовъ; на колесахъ въ старину мало ѣзжали; товары перевозили лѣтомъ по водѣ, а зимой на саняхъ. Царь Борисъ Годуновъ дагъ повелѣніе взять вездѣ по дорогамъ деревья и устроить плотины, но это повелѣніе, по естественнымъ причинамъ, не было исполнено въ пограничной, дикой, малолюдной, вольной землѣ Сѣверской, и сама такъ называемая *большая Новгородская томмалъ дорожа*, пролегавшая чрезъ Новгородъ Сѣверскій въ Литву, была рядъ тошкихъ гатей, полуразрушенныхъ мостовъ, плохихъ перевозовъ и безчисленныхъ поворотовъ между болотъ и косматыхъ камышчатыхъ озеръ.

Въ народонаселеніи Сѣверія замѣтно было два главные состава. Восточную, болѣе степную половину страны, по рѣку Деску, занимали своими хатами-мазанками усатые Малороссы; на западной, по преимуществу лѣсистой сторонѣ Десны жили въ кур-

ныхъ бревенчатыхъ избахъ худощавые и клиноборо-
дые Бѣлорусцы. Не извѣстно, съ котораго времени
устоялось въ Сѣверѣ это разнохарактерное населе-
ніе: такъ ли оно было и въ оно темное время, когда
князья Давыдовичи облегали *пересыи* (валы) Новоси-
рода Сѣверскаго, или это уже въ эпоху Татарскую
Литвины Гедиминовы подвинулись изъ дремучихъ
лѣсовъ своихъ къ свѣтлой Деснѣ рѣкѣ? Знаемъ толь-
ко, что, со времени царя Іоанна IV, началъ прижи-
ваться сюда третій, Сѣверо-Русскій составъ. Не
говоря о бѣглецахъ, спасавшихся здѣсь отъ закон-
наго и незаконнаго преслѣдованія, многіе осѣлые
люди разныхъ сословій выселились въ Сѣверію только
страха ради, чтобъ не понасть подъ ударъ грознаго
владыки, однимъ махомъ опустошавшаго цѣлые го-
рода. При Борисѣ Годуновѣ эта прижѣсь продолжала
увеличиваться. А когда изданъ достопамятнѣйшій указъ
о закрѣпощеніи свободныхъ крестьянъ и слугъ за
владѣльцами земли и помѣщиками, какъ уже сказано,
начали прибирать къ своимъ рукамъ, вмѣстѣ съ про-
столюдинами, людей благородныхъ и всѣхъ, кто нра-
вился имъ художествомъ, рукодѣліемъ, ратнымъ ис-
кусствомъ, или дородствомъ, — въ землѣ Сѣверской
появились многіе поселенны, по-тогдашнему, обра-
зованые, или по крайней мѣрѣ бывалые, рѣшитель-

ные, отважные, словомъ — годные для поддержанія наступавшей борьбы, которой Самозванцы служили только знаменемъ, — борьбы между внутреннею Русью и украинцами, между боярами, дѣтьми боярскими, сословіемъ чиновнымъ и горожанами съ одной и между окочаченною нищею и безземельною чернью съ другой стороны.

Земское устройство пустынного Литовскаго пограничья сходствовало въ главныхъ чертахъ съ земельнымъ устройствомъ внутренней Руси. Здѣсь были государевы *села*; были *вогочинныя* земли, или *вогочины* боярскія, епископскія, монастырскія и церковныя; были *пожизненные* земли, жалованныя въ пожизненное владѣніе служилымъ людямъ; но болѣе всего было земель *черныхъ*, принадлежавшихъ собственно казнѣ, а еще больше — *ничьихъ* земель. Въ этомъ распредѣленіи недвижимыхъ имѣній въ Сѣверѣ, напрасно, однакожь, стали бы мы искать точныхъ постановленій для общинъ и отдѣльныхъ лицъ, ими владѣвшихъ. Однѣ слободы были ни что иное, какъ сборъ вольницы, присвоившей себѣ названіе черныхъ государевыхъ мужиковъ, но не знавшей никакой зависимости отъ казны. Жители другихъ городовъ называли себя бѣлошацами и не представляли сборщикамъ владѣтелей другихъ доказательствъ своей свободы, кро-

мѣ неприступной дерзости и открытой силы. Многіе початки и погосты были просто притоны разбойниковъ, державшихся здѣсь въ-дѣвъ, на зло земскимъ властямъ, какъ осы въ гнѣздѣ. Ихъ усиливали и защищали эти бездомные и одинокіе бурлаки-козаки, которые, не числясь ни по какимъ записямъ, слонялись изъ угла въ уголъ, нигдѣ неприписанные, никому неизвѣстные ни по имени, ни по званію. (Въ то время и во внутренней Россіи дѣлки съ товарищами и писцами, ѣздя по селеніямъ, записывали каждый дворъ съ именемъ только хозяина, не имѣя никакого дѣла къ его домохозянамъ, подсосѣдникамъ и захребетникамъ). Цари указывали украинскимъ воеводамъ ловить и вѣшать воровъ и разбойниковъ; воеводы очень усердно доносили царямъ о своей дѣятельности; въ самомъ же дѣлѣ, гроза ихъ имѣла значеніе только на бумагѣ, на дѣлѣ же они не рѣдко сами трусили тѣхъ, кого преслѣдовали. Эти савовники, или, лучше сказать, намѣстники ихъ и дѣлки (потому что сами воеводы большею частью жили въ Москвѣ, составляя царскій дворъ и думу), сидя въ укрѣпленныхъ замкахъ, разслѣанныхъ на большихъ разстояніяхъ по украинѣ, смотрѣли по неволѣ сквозь пальцы на сконища необузданной, нищей и дикой вольницы, а иногда старались съ ними даже ладить, какъ-будто

съ законными общинами. Губные станы и губные старосты, столь важные внутри государства, здѣсь были очень рѣдки и играли довольно смиренную роль. Они расправлялись за воровство и буйство съ безоружными только крестьянами; но, если сыщики приводили въ губной станъ зѣровиднаго бобыля, на котораго свистъ, того и жди, налетятъ товарищи, — старосты просто трусили и давали ему, ненарокомъ, средство къ побѣгу. При всемъ томъ, во взаимныхъ отношеніяхъ составовъ Сѣверскаго народонаселенія былъ какой-то ладъ; лодность Сѣверин хранилась отъ крайнихъ бѣдъ, отъ разсеянiя и гибели, равновѣсіемъ разнородныхъ массъ; религія, обычаи и вещественная сила воеводъ, общинъ, каждой законной и незаконной артели и даже каждой отдельной личности поддерживали здѣсь нѣкоторый порядокъ. Но все это держалось вмѣстѣ такъ шатко и ненадежно, что готово было взволноваться при первомъ потрясеніи государства и грозило ему страшными бѣдствіями.

При такомъ состоянiи страны, немудрено было Самозванцу имѣть успѣхъ въ ниспроверженіи здѣсь власти правительства. Между тѣмъ какъ Годуновъ рассчитывалъ, какъ бы овладѣть опаснымъ бродягою безъ

шуму, посредствомъ подкуповъ ⁽²⁾ и дружескихъ сношеній съ лукавымъ союзникомъ, Сигизмундомъ III, соучастники Ижедмитрія разсылали, изъ пограничнаго Литовскаго города Остра ⁽³⁾, подметныя письма въ Сіверію и тайно кошили сборница козаковъ вокругъ царскихъ вѣрностей. Еще Самозаванецъ не дошелъ до рубежа, какъ жители крайняго къ Литвѣ Русскаго города, Моравска, привели къ нему въ станъ (18 октября 1604 года) связанныхъ воеводъ своихъ. Въ слѣдующіе два дня, ополченіе Самозванца увеличивалось, по дорогѣ къ Моравску, толпами народа, нетерпѣливо ожидавшаго его прихода. Эхо лѣсовъ повторило восторженные клики: «Да здравствуетъ Московскій царь Дмитрій Іоанновичъ!» и Самозаванецъ, при великомъ новомъ успѣхѣ, съ умиленіемъ благодарилъ Бога за возвращеніе ему отцовскаго достоинства. Онъ не притворился: онъ больше всѣхъ былъ убѣжденъ въ спра-

(2) Въ *Сказ. о Гр. Отрѣпьевѣ*, 10: «Послани быша отъ царя Бориса многіе дары ко князю Коостянину Коостянтиновичу (Острожскому). Тамъ же, стр. 11: «Приидоша съ Москвы послы и принеслиша много златыхъ къ королю, яко да выдастъ сего брѣтня Борису царю.»

(3) Главные изъ этихъ соучастниковъ были Остерскій староста Ратомскій и два монаха, впрямую, Мисаилъ и Леонидъ. Ивницкичъ, кн. VI, 248.

ведливости своихъ притязаній и принимала изъясленіе вѣрнопопданства съ видомъ спокойнымъ и величавымъ, какъ подобающую себѣ дань.

Оставя въ Острѣ свой гарнизонъ и милостиво простивъ воеводамъ вѣрность къ похитителю престола, Борису, новый царь пошелъ къ Чернигову. Здѣсь также все было заблаговременно приготовлено къ сдачѣ города. Воеводы и стрѣльцы гарнизонные для того только оказали некоторое сопротивленіе послѣднимъ жителямъ и козакамъ Самозванца, чтобы, въ случаѣ его неудачи, оправдаться передъ царемъ безсиліемъ. 26 октября, Черниговъ призналъ государемъ Дмитрія. Триста стрѣльцовъ съ своими воеводами увеличили его войско, а найденная въ крѣпости казна доставила ему средства подкрѣпить усердіе его приверженцевъ.

Можетъ быть, такъ же поступилъ бы и Новгородъ Сѣверскій, но туда, во время, подоспѣли свѣжіе защитники (*) изъ Москвы подъ начальствомъ князя

(*) Борисъ подозревалъ, видно, воеводъ Сѣверскихъ въ сношеніяхъ съ приверженцами Отрѣьева: онъ именно къ нимъ изъ нихъ прислалъ новыхъ товарищей, которые потомъ оказались измѣнниками: въ Черниговъ, въ до-
бавокъ къ князю Татеву и князю Шаховскому, Басма-

Никиты Трубечкого и околичнаго Петра Федоровича Басманова. Последний отличался особенным усердіемъ къ царю Борису, которому обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ, изперекоръ мѣстничеству. Дѣйствуя, какъ главный начальникъ крѣпости, онъ употребилъ, къ ея защитѣ, самыя энергическія мѣры: велѣлъ стрѣльцамъ сжечь городской посадь и забралъ въ замокъ, волею и неволею, всѣхъ годныхъ къ военному дѣлу жителей. Между тѣмъ Самозванецъ шелъ отъ Чернигова, не встрѣчая сопротивленія ни на переправахъ черезъ рѣки Свилицу и Сновъ, ни въ деревняхъ и селахъ. Вездѣ имя Дмитрія было для жителей знакомъ къ сверженію прежнихъ властей и къ беззакланному своевольству. Ополченіе его увеличилось, подобно катищейся впередъ снѣжной глыбѣ, такъ что, вступивъ въ Россію менѣе нежели съ 4,000 воиновъ, онъ у Новгорода Сѣверскаго имѣлъ подъ своими знаменами уже 15,000.

Какъ, однакожь, ни велико было превосходство этой силы противъ 600 стрѣльцовъ, пришедшихъ туда

нова и князя Никиту Трубечкого (узнавъ, что Черниговъ во власти самозванца, они явились въ Новгородъ Сѣверскомъ), а въ Путивль, въ прибавку къ Рубцу Мосальскому, Михаила Михайловича Кривого-Салтыкова.

съ Басмановымъ, да нѣсколькихъ сотенъ стараго гарнизона и посадскихъ людей, но одинъ взглядъ на крѣпость Новгородъ-Сѣверскую могъ убѣдить всякаго, что взять ее приступомъ трудно. Крѣпость эта расположена была на высокой горѣ, надъ самой Десною. Глубокія провасти, образованныя природою, отдѣляли ее отъ другихъ возвышенностей гористаго рѣчнаго берега и, безъ всякихъ окоповъ и валовъ, служили ей надежною защитою. Басмановъ дѣлательно сторожилъ всѣ входы и не допускалъ никому изъ посадскихъ людей сноситься съ приверженцами противной стороны. Переметчики, обыкновенно прешествовавшие походу Отрепьева, возвращались оттуда безъ всякихъ извѣстій, или попадались въ руки воеводскихъ стрѣльцовъ.

Опасаясь засады, Отрепьевъ остановился за нѣсколько верстъ отъ Новгорода Сѣверскаго при Соленомъ озерѣ, у вершинъ обширныхъ лѣсистыхъ яружъ (*), обходящихъ издали весь городъ, и, для

(*) Мѣстное названіе природныхъ глубокихъ и широкихъ ровъ или ущельевъ, которыми изрѣзаны возвышенные берега Десны у Новгорода Сѣверскаго. Мѣсто стана Самозванцева означено жною по Коныскому (*Исторія Руссовъ*, 43), который, хотъ и баснословитъ въ описаніи Новгородъ-

обозрѣнія мѣстности, отрядилъ двѣсти козаковъ подъ начальствомъ Бучинскаго. Подѣхавъ на пушечный выстрѣлъ къ крѣпости, Бучинскій замѣтилъ, что она, какъ нельзя лучше, приготовлена къ оборонѣ. Деревяныя стѣны ея расположены были на высотахъ, недоступныхъ для поджога. Рѣка, протекающая подъ ея выстрѣлами, доставляла осажденнымъ неистощимый запасъ воды и была лучшимъ путемъ для подвоза съ луговой стороны съѣстныхъ привасовъ. Кроме стѣнъ по вершинамъ горъ, кроме насыпей и частвоволовъ въ ущельяхъ, разрѣзывающихъ занимаемую крѣпостью возвышенія, надъ крутыми скатами приготовлено было множество колодъ, которыя, въ случаѣ приступа, могли бы передавить осаждающихъ.

Въ крѣпости тотчасъ замѣтили отрядъ Бучинскаго; начали стрѣлять и бросать вверхъ шанки на

Сверской осылы, но вѣрно описываетъ мѣстность, почему и можно полагать, что у него были подъ рукою какія-нибудь исчезнувшія для насъ записки. — Паэрге, 8: «Дмитрій, подступивъ къ ней на 4 мили, выслалъ впередъ» и пр. Далѣе, стр. 8: «Царевичъ не рѣшился идти впередъ и двое сутокъ простоялъ на одномъ мѣстѣ.» — Въ Дневн. Акедмитрія записано: »¹¹/₂₁ (ноября) подъ Новгородкомъ; ¹²/₂₂ — ¹²/₂₂ тамъ же; ¹⁴/₂₄ подъ замкомъ палуба.» Всеу этому указаніе Кошскаго не противорѣчитъ.

переговоры. Бучинскій подѣхалъ къ укрѣпленіямъ съ одиннадцатью человекѣми. На высотѣ показался Басмановъ съ зажженнымъ фитилемъ въ рукѣ. На вопросъ его: что вамъ здѣсь нужно? Бучинскій сказалъ: «Я прислалъ монизъ всемогуществѣйшимъ государемъ, Дмитріемъ Іоанновичемъ. Онъ объявляетъ вамъ чрезъ меня, слугу своего, что, если вы, подобно жителямъ Моравска и Черингова, покоритесь ему и ударите челомъ, какъ законному государю, то будете помилованы; если же нѣтъ, то знайте, что всѣхъ васъ предастъ онъ смерти, мужей и женъ, старыхъ и малыхъ.» — «Государь нашъ, Борисъ, теперь въ Москвѣ», отвѣчалъ на это Басмановъ. «Онъ повелитель всей Россіи! а тотъ, о комъ ты говоришь, есть измѣнникъ и негодяй. Скоро онъ будетъ на колу со всѣми своими клеветами! Убирайся скорѣе туда, откуда пришелъ, если хочешь остаться живъ!» И вслѣдъ за этими словами раздался съ крѣпости грохотъ пальбы.

Получивъ отъ Бучинскаго извѣстіе о такомъ грозномъ приѣмѣ мирнаго предложенія, Отрешевъ призадумался. Два дня употребилъ онъ на развѣдыванье, нельзя ли принести средствъ къ овладѣнію крѣпостью посредствомъ своихъ приверженцевъ, находящихся въ составѣ гарнизона. Но неуспѣшная дѣятельность Басманова и вѣрность пришедшей съ нимъ дружины

заставили остальных пританься съ ихъ замыслами. Подсылки изъ стана въ крѣпость не имѣли ни какого успѣха: соблазнительей ловили на всѣхъ пунктахъ, или отгоняли прочь выстрѣлами.

На третій день Огребевъ велѣлъ подвезти къ укрѣпленіямъ пушки, взятыя въ Черниговѣ, и открыть пальбу. Въ слѣдующіе два дня и потомъ всю ночь, громъ пушекъ съ обѣихъ сторонъ не умолкалъ. Но все было напрасно. Попытки взять крѣпость приступомъ, или открыть въ нее дорогу тайнымъ подкопомъ и взрывомъ, оканчивались потерей людей. Выстрѣлявъ съ досады, въ теченіе послѣдней ночи, весь порохъ, Поляки, въ уныніи, начали совѣщаться, что дѣлать. Шляхта досадовала, что до сихъ поръ не сбылись надежды ея на богатую добычу, а сопротивленіе Подгородъ-Сѣверской крѣпости заставило ее думать, что въ глубинѣ Россіи отиоръ будетъ еще сильнѣе. На разсвѣтъ ихъ шумныя ватаги начали уже сѣмлатъ лошадей, чтобъ выступить въ обратный путь, какъ прискакали въ лагерь гонцы съ извѣстіемъ, что главный городъ Сѣверской области, Путивль, покорился добровольно и воеводъ его ведутъ уже къ царевичу. Это важное событіе возвратило Полякамъ прежнюю твердость.

Дѣйствительно, 19 ноября, привели Путивльскаго

воеводу, окольного Михайла Кривого-Салтыкова. Его предалъ товарищъ его на воеводство, князь Василій Рубецъ-Мосальскій. Узнавъ расположеіе стрѣльцовъ къ намѣнѣ, онъ, вмѣстѣ съ дьякомъ Сутуновымъ, успѣлихъ объявить себя за царевича Дмитрія и этимъ приобрѣлъ особенную его благосклонность. Черезъ три дня, въ теченіе которыхъ приходили въ лагерь извѣстія о перехватываньи приверженцами царевича Борисовыхъ стрѣльцовъ и вѣрныхъ еще городовыхъ козаковъ, пріѣхали Рымльчане съ уведомленіемъ, что городъ ихъ покорился царевичу Дмитрію, а вслѣдъ за ними явились посланцы изъ Комарницкой волости и привели своихъ воеводъ. Тогда и въ самой Новгородъ-Сѣверской крѣпости зашевелились измѣнники: не смотря на всю грозу Басмазова, восемьдесятъ человекъ перебѣжало къ мнимому Дмитрію. Декабря 1 получено извѣстіе о сдачѣ Курска; еще черезъ день — о поддачѣ крѣпкого города Кромы; а потомъ слыхали со стороны Татарскихъ степей, Борисовъ, Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки, Воронежъ, Ливны и Елецъ. Тамъ чернецъ Леонидъ, называя себя Отрепьевымъ, уничтожалъ вѣру въ обнародованную Годуновымъ исторію Чудовскаго діакона Отрепьева, а особый отрядъ войска, посланный Самозванцемъ въ ту сторону по Крымской до-

рогѣ, еще до вступленія въ Русскія области, поддерживалъ силою подготовленную Леонидомъ измѣну.

Принимая городъ за городомъ въ свое подданство, Отрепьевъ велѣлъ свозить со всѣхъ крѣпостей къ Новгородъ-Сѣверску тяжелую артиллерію. Съ одной стороны, ему не хотѣлось оставить въ тылу непокоренную крѣпость, съ другой — отчаянное сопротивленіе Басманова раздражило его гордый и нетерпѣливый духъ. Онъ рѣшился взять крѣпость во что бы ни стало; велѣлъ насыпать противъ нее новые окопы и открылъ пальбу изъ большихъ пушекъ. Нѣсколько дней Басмановъ еще крѣпился; наконецъ велѣлъ бросать вверхъ шапки на переговоры. Когда подѣхали Отрепьевы переговорщики, Басмановъ просилъ двухъ-недѣльнаго перемирія, въ теченіе котораго онъ надѣется получить извѣстіе о состояніи Москвы. Если Москва стоитъ не твердо, тогда онъ положитъ оружіе и предастъ себя милосердію Дмитрія. Отрепьевъ имѣлъ свои причины согласиться: онъ не хотѣлъ смущать сердца новыхъ подданныхъ и Поляковъ зрѣющимъ громозной борьбы съ небольшою крѣпостью и надѣялся, въ тишинѣ перемирія, склонить къ добровольному подданству Русскую рать, стоявшую у Брянска, подъ начальствомъ князя Дмитрія Ивановича Шуйскаго.

Этого можно было ожидать и по имени ея предводителя, и по самимъ его дѣйствиамъ. Въ то время, когда доблестный воевода Басмановъ съ горстью людей удерживалъ Отрепьева за Десною, онъ, начальствуя тремя полками, писалъ къ царю, что не можетъ выступить въ походъ безъ подмоги, и допустилъ многихъ изъ своихъ подчиненныхъ разойтись по домамъ, подъ предлогомъ собранія новыхъ запасовъ, испрошенныхъ во время долгаго стоянія^(?). Между тѣмъ въ южныхъ окраинахъ, по чертѣ отъ запада къ востоку, на пространствѣ 600 верстъ, жители городовъ и деревень признали государемъ Дмитрія. Власть Годунова имѣла дѣйствіе только въ среднихъ и сѣверныхъ областяхъ; но и тамъ шаткость умовъ до-

---

(?) См. *Собр. Гос. Гр. и Д.* II, № 78. Годуновъ, собирая подмогу Брянской рати, пишетъ къ патриарху и духовенству: «Войска наши весьма оскудѣша: овин, прельщеніи гнѣмъ ворожъ, къ нему предалися; многіе козаки, забывъ къ намъ крестное цѣлованіе, намъ измѣнили, а иные отъ долгаго стоянія нагурлились и испроторжились, въ дома разошлись, и тано воамъ нашимъ зѣло умалившимся, многіе же люди, имѣя великія помѣстья и отчины, а службы не служатъ ни сами, ни ихъ дѣти, ни холопи, и живутъ въ домахъ, не пекущесе о гибели царства и о святой церкви.»

шла до угрожающей степени. Пытки, произведенныя въ Смоленскѣ и въ другихъ городахъ надъ людьми свѣтскими и духовными за вредные толки ⁽²⁾, утверждали въ народѣ сомнѣнiе, ужь не въ самомъ ли дѣлѣ проявился въ живыхъ царевичъ Димитрій? иначе — какъ бы помогаль ему Польскій король? какъ бы пошли съ нимъ въ походъ гордые Литовскiе и Польскiе паны? какъ бы покорялся ему, мало не вся, украинна Польская и Литовская? какъ бы, до сихъ поръ, не нашелся человекъ, который бы призналъ его въ глаза обманщикомъ? Кто взглянетъ, на него, тотчасъ на колѣни и величаетъ царскимъ именемъ. Да и самъ чернецъ Отрепьевъ показывался во многихъ мѣстахъ на Татарскомъ рубежѣ. Стало быть, тотъ, кто стоитъ подъ Сѣверскимъ Новымъ городомъ, не Отрепьевъ, а Димитрій царевичъ. Такiе толки носились тайно даже между людьми твердыми въ вѣрности къ царю. Многие дворяне и боярскiя дѣти, подъ разными предлогами, оставались въ своихъ помѣстьяхъ и отчинахъ

(2) Тамъ же, стр. 173. Царь пишетъ выговоръ Смоленскимъ воеводамъ, зачѣмъ они совѣстятся пытать людей духовнымъ: «И вы то дѣлаете не гораздо, что такiя дѣла ставите въ оплошку, а пишете, что у діакона некому снять сумъ и затѣмъ его не пытали.... и вамъ бы вѣдѣти въ томъ пытать нарѣшно и огнемъ жечь.»

вѣтхнѣхъ, не шли въ царскую рать и не высылали своихъ холопей. Годуновъ, въ грамотѣ къ духовенству (*), называетъ ихъ людьми равнодушными къ гибели царства и къ святой церкви, но гораздо вѣроятнѣе, что они находились подъ тяжкимъ сомнѣніемъ, не поднимуть ли, въ рати Борисовой, меча на природнаго государя! (10).

Видя, со всѣхъ сторонъ, шаткость умовъ, недостатокъ усердія и готовность къ переходу на сторону страшнаго соперника, Годуновъ обратился къ помощи духовенства, на вѣрность котораго еще полагался. Но его грамотѣ, патриархъ и все вичальное духовенство, выслали къ Калугѣ, сколько могли набрать въ

(*) См. выше, примѣч. 7.

(10) Еще 17 августа, Хрущовъ, приведенный къ Отрешеву Донцами, на распросы его, говорилъ, что, идучи на Донъ, встрѣтился съ воеводами Петрохъ Шереметевымъ и Михайломъ Салтыковымъ, и тѣ его водили на обѣдъ, другой на ужинъ прѣслали; и тамъ Хрущовъ, отвѣдя (Шереметева) на сторону, упоминалъ о царевичѣ, сказавши, о чемъ ему съ Донскими козаками говорить вѣрно... Шереметевъ, пожавъ плечами, сказалъ: мы ничего не знаемъ... однако догадываемся, что противъ него, а не Перекопскаго Хана онъ (Борисъ) насъ отправилъ; и, если такъ, то трудно воевать противъ природнаго государя. (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 81.)

своихъ владѣнiяхъ, даточныхъ людей. Вмѣстѣ съ трехполковою Брянскою ратью, это новое ополченiе составило отъ сорока до пятидесяти тысячъ чело-вѣкъ. Главное начальство надъ войскою поручено князю Федору Ивановичу Мстиславскому, и войско на-конецъ двинулось противъ Самозванца, на помощь осажденному въ Новгородѣ Сѣверскомъ Басманову. Между тѣмъ духовенство въ церквахъ и на торжи-щахъ предаю Отрепьева проклятию и повѣстиво объ этомъ по всему государству. Но проклятiе Отрепьева не произвело желаннаго дѣйствiя на умы народа: Отрепьевъ и Димитрiи считались двумя разными ли-цами.

И Басмановъ, и Самозванецъ ожидали царскаго войска съ нетерпѣнiемъ: одинъ, заключая перемирiе, только и рассчитывалъ на эту помощь; другой на-дѣялся, что войско покорится добровольно, подобно жителямъ Сѣверской украины, и откроеть ему без-препятственный путь къ престолу. Наконецъ, 18 но-ября, сторожевой полкъ Мстиславскаго подошелъ, съ луговой стороны, къ Деснѣ и началъ переправляться верстахъ въ десяти отъ Самозванцева стана. Отрепьевъ, господствуя на гористомъ берегу, могъ бы поставить на высотахъ пушки и сдѣлать эту переправу очень затруднительною, но онъ не желалъ ожесточать вой-

ска Борисова и, вмѣсто артиллеріи, отправилъ къ мѣсту переправы легкій отрядъ стрѣлковъ, да и то не для помѣхи, а для прикрытія людей, которые побѣгутъ къ нему изъ царской раги. Ожиданіе его, однакожь, на этотъ разъ не исполнилось: во время переправы передалось Отрепьеву только трое боярскихъ дѣтей ⁽¹¹⁾. Прочіе на крикъ: «Да здравствуетъ царевичъ Дмитрій!» отвѣчали пальбою изъ ружей, и Отрепьевцы, обмѣнявшись съ ними нѣсколькими выстрѣлами, отступили.

Мстиславскій расположился станомъ на Черниговской дорогѣ, такъ что непріятель очутился между нимъ и крѣпостью. Казалось, такому многочисленному войску стоило только ударить на враговъ и, отгнѣсивъ ихъ подъ крѣпостныя выстрѣлы, уничтожить за одинъ разъ. Но предводимая Мстиславскимъ рать собрана была только самыми строгими мѣрами ⁽¹²⁾: она вошла въ страну, наполненную привер-

(11) Въ Дневн. Лжед. они названы боярами, но это, видно, произошло оттого, что Поляки не знали различія между боярами и боярскими дѣтьми. Бояръ въ войскѣ Мстиславскаго было не много, и всѣ они извѣстны наперечетъ (см. Арцыбашевъ. Кн. V, пр. 493).

(12) Беръ, 46: «Кто не слушался (указа о походѣ), былъ

женцами мнимого Дмитрія; въ виду предводителей, изъ нея передалось Огрепьеву трое значительныхъ людей; каждый воевода и каждая дружина смотрѣли другъ на друга съ недоувѣрчивостью, подозрѣвая всюду предательскіе замыслы. Сверхъ того множество шпионовъ, шныравшихъ между обѣихъ становъ, смущали умы людей простыхъ и начальныхъ. Вотъ почему Мстиславскій, имѣя пятьдесятъ тысячъ воиновъ противъ пятнадцати, не рѣшался на битву и ожидалъ подкрѣпленія. Между тѣмъ Огрепьевъ, въ нетерпѣніи, вздиралъ его мелкими стычками. Борисова рать какъ-будто нехотя отражала наскоки Польской и Довской конницы, и въ такихъ схваткахъ прошло нѣсколько дней. Въ теченіе этого времени Огрепьевъ нашелъ, видно, средства условиться съ Дмитріемъ Шуйскимъ, какъ обратить въ бѣгство Московское войско. Этимъ только объясняется дерзость, съ которою онъ началъ знаменитую Новгородъ-Сѣверскую битву. Она произошла 31 декабря 1604 года.

сказавъ: иныхъ лишили помѣсть, другихъ сажали въ тюрьму, иныхъ сѣкли плетями, такъ что на спинѣ у нихъ не оставалось и столько цѣлаго мѣста, гдѣ было бы можно уколоть иглою. Сіи строгія мѣры привудили всѣхъ идти къ войску.»

Передъ началомъ сраженія Самозванецъ произнесъ къ своимъ сподвижникамъ слѣдующую рѣчь: «На-
 конецъ, мои добрые, вѣрные товарищи, настало вре-
 мя, когда всемогущій Богъ разсудитъ меня съ Бори-
 сомъ и рѣшитъ мое дѣло... Онъ вѣдаетъ, какими вѣ-
 роломствомъ, какою смертоюсною измѣною Борисъ
 овладѣлъ моею прародительскою державою! Я увѣ-
 ренъ — и никто не будетъ въ томъ сомнѣваться, что
 одинъ Богъ хранилъ меня до сего времени. Пускай
 Борисъ не призываетъ Его правосудія и могущества;
 промыселъ Всевышняго располагаетъ всѣми дѣлами
 человеческими, и ничто не совершается безъ Его
 воли. Итакъ, мои вѣрные товарищи, возьмемъ оружіе
 и мужественно, радостно ударимъ на вѣроломныхъ
 измѣнниковъ! Не страшитесь ихъ множества: поле
 битвы остается не за тѣмъ, кто сильнѣе, но кто му-
 жественнѣе и добродѣтельнѣе. Много такихъ примѣ-
 ровъ есть въ исторіи. Меня не обманетъ надежда
 возвратити наслѣдіе отцовъ моихъ, а васъ ожидаетъ
 безсмертная слава — изъ всѣхъ наградъ самая сла-
 достная!» Потомъ, воздѣвъ руки и глядя на небо,
 воскликнулъ: «Боже! порази, сокруши меня громомъ
 небеснымъ, если обижаяю мечъ неправедно; но по-
 щади кровь Христіанскую! Ты зришь мою невин-

ность: пособи миѣ въ дѣлѣ правомъ! А Ты, Царица небесная, будь покровомъ миѣ и моему воинству!»

Одупева такую рѣчью свое войско, Отрепьевъ выслалъ впередъ небольшой отрядъ и велѣлъ завязать съ неприятелями перестрѣлку, къ которой тѣ уже привыкли; потомъ, вышедъ изъ лагеря со всеми силами, оставилъ значительную часть ихъ въ запасѣ, а самъ, съ тремя лучшими Польскими хоругвами, бросился на правое крыло Московской рати, предводительствуемое Дмитриемъ Ивановичемъ Шуйскимъ. Взметая сильныя вихри и поднявъ страшный крикъ, Поляки неслись впередъ, очертя голову. Русскіе дрогнули; ряды ихъ смѣшались. Шуйскій не поддержалъ бодрости своихъ воиновъ, и все правое крыло, обратя тылъ, метнулось на средину войска, опрокинуло ее и произвело страшное смятеніе. Мстиславскій употребилъ все усилія остановить враговъ. Сожмнувъ вокругъ себя вѣрнѣйшую дружину, онъ бился какъ простой воинъ, получилънадцать ранъ и палъ на груди труновъ. Стрѣльцы съ трудомъ вывели его изъ побоища. Но зато другіе сражались такъ, какъ-будто у нихъ не было рукъ. Ведѣ давая неприятелямъ тылъ и бѣжали опрометью. Очевидецъ этого дѣла говорить, что только неопытность въ военномъ искусствѣ капитановъ Отрепьева

спасла Московскую рать отъ совершеннаго пораженія. Если бь другія хоругви ударили во время на лѣвое крыло, то нѣтъ сомнѣнія, что все тогда обратилось бы въ бѣгство. Но этого не было сдѣлано. Отрепьевцы, пробившись до самого воеводскаго знамени, опрокинули главную силу, гнали и сѣкали огромное сонмище срединнаго войска, смѣшаннаго съ правымъ крыломъ ⁽¹²⁾, а лѣвое, между тѣмъ, оставалось забытымъ. Черезъ часъ дѣйствіе приняло иной характеръ: Отрепьевцы устали поражать многочисленнаго непріятеля; возбужденный въ нихъ первымъ успѣхомъ пылъ началъ остывать; а тутъ Басмановъ вышелъ изъ крѣпости и ударилъ имъ въ тылъ. Самозванецъ увидѣлъ опасность своего положенія и долженъ былъ прекратить битву. Тутъ лѣвое крыло, нетронутое его нападеніемъ, могло бы взять надъ нимъ рѣшительный верхъ; но царская рать еще не опомнилась отъ перваго замѣшательства и съ радостью увидѣла от-

(12) «И до самого стяга и знаменія воеводскаго добирашеся и много безчисленно людей падоша.... и воины Борисовы побѣгоша; они же ихъ девять версть и больше гваша сѣкуше: труну жь человека яко лѣсу поронивша, и яко мость на 9 версть поместиша.» (Изъ Хронографа, у Карамз. XI, пр. 272.)

ступление смѣлаго непріятеля. Со стороны Мстиславскаго пало 4 тысячъ воиновъ; уронъ Отрешьева былъ незначительный.

Однакожь послѣ битвы, въ обоихъ станахъ поселилось уныніе. Поляки, хоть и хвалились побѣдою и четырьмя тысячами убитыхъ непріятелей, но почувствовали, что къ престолу Годунова трудно пробиться сквозь толстыя стѣны Московскаго войска. Зимнее стояніе въ лагерѣ и скудость извѣстны Отрешьева охладилъ усердіе въ нему шляхты, имѣвшей въ виду только деньги и рассчитывавшей на силу имени царевича въ Россіи. Многие явно ронгали. Отрешевъ слышалъ это съ стѣсненнымъ сердцемъ. Обстоятельства его готовы были принять губительный оборотъ. Къ утѣшенію его, на другой день пришло четыре тысячи Запорожцевъ. Онъ встрѣтилъ ихъ на значительномъ разстояніи отъ своего стана, расточилъ имъ всевозможныя ласки и благодарилъ за исполненіе обѣщанія.

Въ Московскомъ стану, между тѣмъ, смущеніе умовъ было несравненно сильнѣе. Главный коевода, Мстиславскій, весь израненный, лежалъ безъ памяти. Прочіе, съ одной стороны, страшились гнѣва царскаго, съ другой опасались измѣны войска, такъ слабо стоявшаго въ битвѣ; а когда пришли къ Отрешьеву

на помощь Запорожцы, они такъ боялись другого нападенія, что не осмѣлились оставаться долѣе подъ Новымгородомъ Сѣверскимъ и отступили къ Стародубу. Тамъ они положили къ себѣ на подмогу свѣжихъ полковъ, собиравшихся у Брянска, и медленно готовились къ другому походу противъ Самозванца.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Посылка Бориса къ войску. — Неудовольствія Поляковъ. — Удаленіе большей части ихъ въ отечество. — Почести Басманову. — Василий Шуйскій главный начальникъ въ войскъ. — Дѣло при Добрыничахъ. — Большая часть Запорожцевъ оставляетъ Оутреньева. — Бѣгство его въ Путивль. — Новая помощь съ Дону. — Казнь Сѣверянъ. — Кручина отъ царя войску. — Осада Крокъ. — Подсылка въ Путивль отравительки. — Смерть Бориса Годунова. — Присяга Феоодору Борисовичу. — Перемена воеводъ. — Возвѣна Басманова и всего войска. — Оутреньева идетъ къ столицѣ. — Измѣна Москвитинъ. — Сверженіе Феоодора съ престола. — Присяга Димитрію. — Заточеніе Патриарха и Годуновыхъ. — Царевнѣство и его истинные виновники.

Никто изъ начальныхъ людей не дерзнулъ довести царю о неудачной битвѣ подъ Новымгородомъ Сѣверскимъ. Царь узналъ это частнымъ образомъ и отправилъ въ войско чашника Вельяминова-Зернова, съ рѣчью и съ милостивымъ словомъ. Вместе съ нимъ послалъ онъ къ Мстиславскому для леченія ранъ медика и двухъ аптекарей. Вельяминовъ-Зерновъ говорилъ такъ, по наказу, Мстиславскому: »Государь и сынъ его жалуютъ тебя: велѣли

тебя о здоровьи спросить.» Потомъ, говоря отъ лица самого царя, продолжалъ: »Ты подвизался въ битвѣ доблестно и сдѣлалъ то, памятуючи Бога и крестное цѣлованіе, что еси пролилъ кровь свою за Бога и за пречистую Богородицу, крѣпкую нашу помощницу, и за великихъ Чудотворцевъ, и за святыхъ Божіи церкви, и за насъ, и за всѣхъ православныхъ Христіанъ; и когда, дастъ Богъ, службу свою повершишь и увидишь образъ Спасовъ и пречистыя Богородицы и великихъ Чудотворцевъ, и наши царскія очи, — и мы тебя, за твою прямую службу, пожалуемъ великимъ своимъ жалованьемъ, чего у тебя и на умѣ нѣтъ.» Это была должная дань храброму воину, хоть и плохому полководцу; но ласки, расточенныя войску, были не по заслугамъ. Оно сражалось нехотя и заслуживало гнѣва царскаго; но Годуновъ чувствовалъ непрочность всеобщей вѣрности, боялся строгостью ускорить измѣну и велѣлъ сдѣлать ему такой привѣтъ, какъ-будто оно одержало блистательную побѣду. Еще недавно могущественный и самовластный царь, онъ теперь опаздался робкимъ бойрикомъ, сидящимъ на престолѣ по милости вооруженной части Русскаго населенія.

Отрешевъ не разсудилъ за благо, въ виду непокорной Новгородъ-Сѣверской крѣпости, дожидаться

прихода парскаго войска съ свѣжими силами. Черезъ нѣсколько дней онъ переправился на луговую сторону Десны и направился въ Комарницкую волость, гдѣ на большое пространство кругомъ жители признавали его парсачемъ.

Между тѣмъ намѣреніе Поляковъ оставить его и возвратиться домой утвердилось по прибытіи Заворожневъ. Эта демократическая вольница не могла имѣть дружескихъ сношеній съ своими союзниками, шляхтичами. Взаимная ненависть и презрѣніе обнаруживались безпрестанно въ ѣдкихъ сарказмахъ, которыми козаки, стоя своимъ кошемъ, или таборомъ, въблизи окоповъ Польскихъ, безпрестанно перебранивались съ задорными Ляхами. Доходило не разъ и до драки, особенно въ разѣздахъ для фуражировки и во время похода по лѣвой сторонѣ Сѣверин. Къ этимъ непріятностямъ присоединилась у Поляковъ память прежней обиды. Еще до Нозгородъ-Сѣверской битвы, разѣздныя дружины Отрешьева перехватили казну Борисову, которую кучцы везли въ медовыхъ бочкахъ къ начальникамъ Сѣверскихъ городовъ: одну часть ея онъ отправилъ въ Литву къ Вишневецкому и Рожинскому для набора новыхъ сподвижниковъ, а другую роздалъ Сѣверскимъ козакамъ, которые были въ жалкомъ состояніи: босые, нагіе и голодные, они

имѣли только сабли при боку, ножи за поясомъ да еще кой-какое оружіе (1). Не смотря на то, что онъ воступилъ въ этомъ случаѣ, какъ добрый полководецъ, шляхта, считавшая всю службу за собою, сильно на него вознегодовала, и только, въ ожиданіи будущихъ благъ, затанца свой роготъ. Теперь же, раздраженные холодомъ, походными трудами, враждою съ Заворожцами и, видя впередъ одни сраженія съ Борисовымъ войскомъ, безпрестанно подкрѣпляемымъ, Поляки начали покрикивать буйно, какъ на своихъ сеймахъ и конфедераціяхъ. На походѣ, во время роядыха въ лѣсу, произошла однажды сильная тревога въ войскѣ (2), и Отрешевъ съ трудомъ успѣлъ уговорить Поляковъ остаться у себя въ службѣ, но не надолго. Когда, продолжая походъ, остановились недалеко отъ Путивля, надъ озеромъ, прискакали

(1) Тановы были козани и во время Пожарскаго, поль Москвою: «овин убо боси, овин же нази, токмо едино оружіе имуще въ рукахъ своихъ и мечъ при бедрѣ своей». (Арх. Палицынъ, 277). Въ началѣ Самоозащитны имъ не отъ чего было быть въ лучшемъ состояніи.

(2) Дневн. Лжед. 2³/₁₃ (января). Въ лѣсу при деревнѣ. Тревога. Тревога эта не могла быть по случаю открытія неприятеля, потому что онъ оставленъ далеко за Десною. Видно, это была тревога внутренняя.

къ Юрію Мишке отъ короля, говецъ съ предписаніемъ возвратиться немедленно въ отечество. Двоядушный Сигизмундъ, дѣйствуя теперь какъ вѣрный союзникъ Московскаго царя, исполнилъ свое обѣщаніе, данное ему черезъ Огарева, и послалъ въ Сѣверію это предписаніе, можетъ быть, съ противоположнымъ тайнымъ наказомъ, или, по крайней мѣрѣ, съ увѣренностью, что Мишекъ и его шляхта не разстанутся съ Димитріемъ. Полякамъ была не новость ослушаться королевскаго приказа (?); но теперь они имѣли много причинъ показать себя вѣрными подданными. Самъ Юрій Мишекъ разувѣрился въ легкости завоеванія престола для своей дочери, а Смоленскаго и Сѣверскаго княжествъ для себя. Онъ увѣрилъ Отрешьева, что возвратится съ новыми силами, и немедленно разѣхался съ нимъ, взявши дорогу мимо Путивля на Цыринь, Яготинь, Переяславъ и Кіевъ. Прощанье шляхты съ Самозванцемъ было не такъ дружественно: многіе разгорячились за недоплату жалованья; одинъ прямо сказалъ ему: «Ужъ быть тебѣ на висѣлицѣ!» а другіе сорвали съ него даже

(?) Какъ и было доказано черезъ три дня, когда 400 Польскихъ всадниковъ опять возвратились къ Самозванцу (Паэрле, 47.)

шубу. На третій день, однакожь, четыреста Польскихъ воедниковъ, не желая лишиться чести посадить на Московскій престолъ своего товарища, возвратились къ Огреневу съ обѣщаніемъ вѣрно служить ему (?). Съ этими сотнями, да съ Сѣверскими, Дѣпровскими и Донскими козаками, Самозванецъ расположился въ Комарницкой волости, занялъ Чемдинскій острожокъ, вербовалъ поселянъ и пріучалъ ихъ владѣть оружіемъ.

Между тѣмъ Годуновъ вызвалъ Басмавова въ Москву и, для поощренія другихъ воеводъ къ вѣрности, осыпалъ его милостями неслыханными. На встрѣчу ему высланы знатнѣйшіе князья и бояре, съ привѣтственною рѣчью отъ имени царя. Онъ ѣхалъ по геролу до самого дворца въ царскихъ саняхъ: провожали его такъ точно, какъ государя. Во дворцѣ онъ получилъ изъ рукъ самого Бориса золотое блюдо, вѣсомъ въ 6 фунтовъ, насыпанное червонцами, сверхъ того 2 тысячи рублей, множество столоваго серебра изъ казны, помѣстье съ крестьянами и санъ думнаго боярина. Но и тутъ Годуновъ ошибся въ раз-

---

(*) Пазрле, 17. Начальники этихъ четырехъ сотенъ были: Остерскій староста Мих. Рагомыскій и Тишкевичъ съ ротмистрами. (Караулъ, XI, стр. 276.)

счетъ. Во-первыхъ, удержавъ Басманова при себѣ, какъ вѣрнѣйшаго человека въ угрожавшей опасности, онъ лишилъ войско лучшаго полководца; во-вторыхъ, чрезмѣрность награды возбудила негодование въ родовитыхъ боярахъ, тѣмъ болѣе, что князь Никита Трубецкой, сидѣвшій въ осаду вмѣстѣ съ Басмановымъ, получилъ награду несравненно меньшую.

Еще пуще того ошибся Годуновъ нарядя князя Василія Шуйскаго главнымъ воеводою на мѣсто раненнаго Мстиславскаго. Борисъ приказалъ ему усилить главную рать запасными полками, стоявшими у Кромъ и у Брянска, и преслѣдовать Самозванца неутомимо, а самъ безпрестанно молился и давалъ обѣты путешествовать по монастырямъ. Но войско, предводимое Василіемъ Шуйскимъ, преслѣдовало Отрепьева, по замѣчанію очевидца, такъ медленно, какъ будто не имѣло охоты сражаться съ нимъ: долго блуждало безъ пользы по лѣсамъ и дубровамъ и приблизилось, наконецъ, къ неприятелю, давши ему довольно времени усилиться.

Отрепьевъ былъ тогда въ Сѣвскѣ. Узнавъ о приближеніи Борисовой рати, онъ совѣтовался съ начальниками своихъ дружинъ, что дѣлать. Рѣшено было идти врагамъ на-встрѣчу, потому что, если бы они окружили крѣпость, то, при своей многочислен-

ности, имѣли бы средства вѣсть ее приступомъ, или принудить къ сдачѣ голодомъ.

Выступивъ изъ Сѣвска, Отрепьевъ скоро узналъ отъ передового отряда козаковъ, что рать Борисова гѣспителъ въ деревнѣ Добрыничкахъ такъ, что не можетъ двигаться въ порядкѣ. Онъ ускорилъ походъ и хотѣлъ навестъ на нее ночью, въ распахъ. Жители взялись подвести его незамѣтно къ деревнѣ скрытыми путями и зажечь ее въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Но дозоры замѣтили поджигателей, и войско царское всю ночь держалось въ готовности къ отраженію непріятеля.

На разсвѣтѣ 21-го января 1605 года, воеводы Борисовы вывели свои полки изъ деревни на равнину и устроили ихъ къ битвѣ. У нихъ было отъ 60 до 70 тысячъ человекъ, у Отрепьева не болѣе 15 тысячъ. Однакожъ онъ не струсилъ: вѣра въ предопредѣленіе судьбы придавала ему духу. Произвеса, по своему обыкновенію, во всеуслышаніе молитву и засвидѣтельствовавъ предъ Богомъ и предъ людьми правоту своего дѣла (²), онъ началъ сраженіе неболь-

(²) Де-Ту, 135: «Димитрій находилъ, по словамъ его, сильнѣйшую опору въ своей совѣсти: обыкновенно передъ

шою стычкою. Когда загремѣли съ обѣихъ сторонъ пушки и клубы дыму затмили одну часть боевого поля, лежавшую подъ вѣтромъ, Отрешевъ спустился съ Польскою конницею въ лощину, чтобы пройти незамѣтно подъ дымомъ и отрѣзать Русскихъ отъ деревни. Это движеніе не укрылось отъ Метиславскаго, который, не смотря на раны, выѣхалъ въ поле. Онъ двинулъ, на-перерѣзъ Полякамъ, правое крыло, съ двумя отрядами иноземной гвардіи. Не смутясь, отъ этого препятствія, Отрешевъ, на каромъ аргамакѣ, съ обнаженною саблею, поскакалъ впередъ своихъ хоругвей на правое крыло, предводимое все-таки Дмитріемъ Шуйскимъ, и ударилъ такъ стремительно, что, послѣ нѣкотораго сопротивленія иноземцевъ, оно обратилось въ бѣгство. Остановилъ преслѣдованіе, Отреш-

в началѣ битвы онъ молился усердно, такъ чтобы всѣ его слышали, и воздвѣя руки, обративъ глаза къ небу, восклицалъ: «Боже правосудный!» (и пр. какъ передъ Новгородскою битвою). Если дѣйствительно такъ было (замѣчаетъ Де-Ту) и если сей человѣкъ, зная ложь своихъ рѣчей, не боялся обманывать съ такою увѣренностію: ему надлежало быть самымъ безстыднымъ плутомъ; если же онъ, похвальною ложью неосновательной, дѣйствительно считалъ себя царевичемъ: нельзя не подивиться, какъ жестоко играла имъ судьба....»

евъ повернулъ вправо къ селу, на самую большую массу Русской пѣхоты, которая, не понимая, что передъ нею дѣлается, стояла неподвижно, въ какомъ-то безчувственномъ оцѣпенѣніи. Увидя несущіяся на себя, подобно вихрю, Польскія хоругви, она допустила ихъ довольно близко и вдругъ грянула залпомъ изъ десяти, или двѣнадцати тысячъ ружей. Облака дыму покрыли конницу Отрепьева. Многіе пали на мѣстѣ; остальные, объятые ужасомъ, поворотили коней и спасались бѣгствомъ. Между тѣмъ Запорожскіе казаки, оставленные для поддержанія удара, воображивъ, что дѣло кончено, повеселись на дымъ къ деревнѣ и столкнулись на-бѣгу съ Поляками. Отрепьевъ хотѣлъ сдѣлать съ ними отпоръ. Московскія ратни, двинувшейся его преслѣдовать; но замѣшательство, произведенное въ ихъ лавахъ бѣгущими, брань и упреки со стороны шляхты и жаркая нальба отъ наступившей Русской пѣхоты — все это, присоединясь къ народной ихъ враждѣ къ шляхтѣ и невольствію на самого Отрепьева, пристрастнаго любителя Ляховъ, заставило ихъ отступить и спастись бѣгствомъ, предавъ Самозванца и его Польскія хоругви на произволъ судьбы. За ними побѣжали и Донцы, шедшіе для поддержанія битвы. Конь подъ Отрепьевымъ былъ раненъ въ ногу и едва имѣлъ силы

вынести его изъ-подъ огня. Отрепьевъ здѣсь непремѣнно достался бы, живой или мертвый, въ руки преслѣдующимъ; но у него, къ счастью, въ значительномъ разстояніи отъ боевой равнины, стоялъ за горою сильный отрядъ Сѣверскихъ плѣнныхъ козаковъ и оковаченныхъ поселанъ, съ тяжелымъ снарядомъ. Этотъ отрядъ, не чая себѣ пощады отъ земляковъ, рѣшился лучше пасть въ битвѣ, нежели отдаться въ плѣнъ. Встрѣтя наступившіе полки пушечными выстрѣлами, Сѣверяне вступили потомъ въ рукопашный бой, сражались отчаянно и долго, удерживая свою позицію; на конецъ, подавленные превосходствомъ силъ, отступили и, будучи разорваны, дрались поодиначкѣ. Немногіе достались въ плѣнъ; всѣ прочіе пали на мѣстѣ. Этотъ отпоръ, вынужденный безнадѣжнымъ отчаяньемъ, приостановя преслѣдователей, спасъ остальное войско Отрепьева отъ истребленія и самого его отъ плѣна.

Окруженный немногими Поляками, Самозванецъ къ ночи прискакалъ на равномъ конѣ въ Сѣвскъ; но, убѣжденный, что Русскіе не замедлятъ подступить къ этому городу, въ ту же ночь бѣжалъ съ остатками своей дружины далѣе, въ Рыльскъ. На другой день пришли туда и Запорожцы; но Самозванецъ назвалъ ихъ предателями и не пустилъ въ

городъ. «Добрые молодцы» поворотили коней и отправились во-свои, какъ ни въ чемъ не бывало. Но курени ихъ, собравшіеся изъ разсѣванія, послѣ оставлены Отрепьевымъ на службѣ. Видя потомъ, что не безопасно ему оставаться и въ Рыльскѣ, онъ перешелъ въ пограничный городъ Путнавь, надежно укрѣпленный. Но Московская рать не торопилась его преслѣдовать. Тамъ были люди, нежелающіе гибели Отрепьеву. Рассказываютъ, что даже, во время самого пораженія его войска, воеводы, вѣроятно Шуйскіе, удержали Нѣмецкія дружины отъ преслѣдованія, посылая къ нимъ гонца за гонцомъ, съ приказаніемъ прекратить бесполезное кровопролитіе, потому-де, что ужъ «попался куръ во щипъ». Какъ бы то ни было, но Отрепьевъ потерялъ подъ Добрышичами почти всю свою пѣхоту, 15 знаменъ и штандартовъ и 13 орудій. Кромѣ плѣнныхъ, онъ оставилъ на мѣстѣ 6 тысячъ убитыми (*). Русскіе плѣнные были повѣшены среди войска, а Поляки отправлены въ Москву, вмѣстѣ съ трофеями побѣды и съ вѣстью, что Само-

---

(*) Съ противной стороны пало только 360 человекъ. (Петрей, у Арцыбашева кн. V, пр. 330.) Поляки, взятые въ плѣнъ, были: Тишкевичъ, нѣсколько ротмистровъ и шляхты. (Карамз. XI, пр. 287.)

званца нѣтъ на свѣтѣ. Годуновъ былъ въ церкви, когда узналъ объ этомъ. Онъ тотчасъ приказалъ пѣть молебствіе и звонить въ колокола, а вѣстника пожаловалъ окольнымъ. Плѣнниковъ, вмѣстѣ съ знаменами, трубами и барабанами Самозванца, торжественно водили по Москвѣ. Царь отправилъ Добрыничскимъ воеводамъ золотыя медали, 10 тысячъ рублей жалованья войску и писалъ, что ждетъ вѣрныхъ вѣстей о концѣ мятежа. Онъ не смѣлъ вѣрить, что грозный соперникъ болѣе не существуетъ.

Послѣ несчастливой битвы, войско Отрепьева сосредоточилось въ Кромахъ, въ Рыльскѣ и въ Путивлѣ. Считая свое дѣло проиграннымъ, онъ хотѣлъ-было удалиться въ Польшу; но Путивляне, зная, чего имъ должно ожидать изъ Москвы за измену, удержали его силою, обѣщая умереть за него до послѣдняго человѣка и грозя, въ случаѣ отказа, выдать его Борису, чтобъ заслужить его прощеніе. Отрепьевъ остался по неволѣ и скоро убѣдился, что отчаяться еще нечего. Съ одной стороны, пришло къ нему въ Путивль свѣжихъ 4 тысячи Донцовъ, а съ другой, новыя письма, разосланныя имъ во всѣ стороны по Сѣверю, привлекли къ нему новыя толпы севрюковъ и даже воиновъ изъ царской рати.

Узнавъ, что воеводы Борисовы осадили Рыльскъ,

Отрепьевъ послалъ значительный отрядъ Донцовъ и Сѣверянъ на выручку вѣрнаго ему города. Отрядъ этотъ, наткнувшись вечеромъ на сторожевой нарскай полкъ, ударилъ на него стремительно, по тактикѣ Отрепьева, опрокинулъ и потянулъ къ городу. Воеводы, услышавъ отъ бѣглецовъ, что Самозванецъ идетъ съ новыми силами, и боясь бѣшеннаго его нападенія, немедленно отступили отъ города, подъ прикрытіемъ ночной темноты, и удалились въ Комарницкую волость. Тамъ они, вѣроятно не безъ умысла, занялись, вмѣсто дѣла, казною жителей, помогавшихъ Отрепьеву. Не было пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ; всѣхъ безъ разбора вѣшали за ноги на деревьяхъ и стрѣляли въ нихъ изъ ружей. Эти жестокости довели приверженность Сѣверянъ къ Самозванцу до фанатизма: несчастные переносили муки, слава царевича и считая самую смерть за него торжествомъ; прочіе бѣжали къ мнимому Димитрію и требовали только оружія, чтобъ умереть въ битвѣ съ мучителями.

Между тѣмъ царь, огорченный ложнымъ слухомъ о смерти Отрепьева и бездѣйствіемъ войска, послалъ къ воеводамъ гонца съ кружкою, выговаривая имъ, что они, разбивъ Самозванца, до сихъ поръ не поймали его. Это сильно оскорбило бояръ: отношенія ихъ къ Годунову такъ перемѣнились съ началомъ

свугъ, что они считали и то уже заслугою, если до сихъ поръ не измѣнили бывшему своему товарищу. Возвышеніе Басманова и другихъ незнатнаго рода людей, на-верекоръ мѣстничеству, также лежало у нихъ на сердцѣ. Вѣря, или не вѣря Отрешеву, они готовы были служить лучше храброму пришлецу, нежели старому сопернику, который возвысился надъ ними одними кознями и держится на царствѣ посредствомъ наемщиковъ. Дворяне, боярскіе дѣти и люди даточные выслушали кручину также съ неудовольствіемъ: каждый сознавалъ, что сражался нехотя, прятался за другихъ и охотнѣе смотрѣлъ назадъ, нежели впередъ; каждый боялся царскаго гнѣва и думалъ, какъ бы переимѣнить Бориса на Дмитрія (?). Всѣ эти мысли были, однакожъ, у воиновъ болѣе въ сердцѣ, нежели на языкѣ. Еще сохранялся наружный видъ вѣрности. Воеводы отписали царю, что отступили въ Комарницкую волость для отдыха, необходимого изнуренному войску, и получили отъ него строгое предписаніе осадить Кромь, гдѣ засѣлъ съ

(?) Никон. Лѣт. VIII, 63: »Бояре же и вся рать оскорбшася, въ рати же стало мнѣніе и ужась отъ царя Бориса; съ тою жъ поры многіе начаша думати, какъ бы царя Бориса избыти, а тому окаянному служити Гришкѣ.«

удѣлявшими отъ битвы при Добрыничахъ Донцами атаманъ Корела.

Осада Кромъ была явнымъ доказательствомъ нерадѣнія воеводъ и всей рати. По словамъ очевидца, они занимались, во время этой осады, дѣлами, достойными одного смѣха. Довольно сказать, что восемьдесятъ тысячъ человекъ, имѣя множество пушекъ, не могли взять земляной крѣпости съ деревяннымъ острогомъ, защищаемой шестью стами Донцовъ и немногими Кромцами. Въ командованіи войскомъ не было никакого порядка: въ одну изъ важныхъ минутъ, когда осаждающіе подъ выстрѣлами взошли на валъ, тайный приверженецъ Отрепьева, Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ, самопроизвольно велѣлъ имъ отступать. Послѣ того воеводы не рѣшились на новую попытку взять крѣпость приступомъ и ожидали, чтобъ голодъ заставилъ ее сдать. Но обложеніе устроено было такъ небрежно, что 500 козаковъ Отрепьева, среди бѣла дня, прошли въ крѣпость и провезли съ собою безъ всякаго препятствія сто возовъ съ съѣстными припасами. Цѣлыя шесть недѣль войско Борисово стояло подъ Кромами, истратило множество огнестрѣльныхъ снарядовъ и ничего не сдѣлало. Въ великій постъ, отъ сырой погоды, по-

явился въ немъ моръ; присланныя изъ Москвы лекарства, съ трудомъ, остановили истребленіе народу.

А Самозванецъ, между тѣмъ, усиливался и, видя вездѣ колебаніе вѣрности къ Борису, писалъ къ нему, чтобъ онъ добровольно отказался отъ несправедливо присвоеннаго сана, избралъ любой монастырь для мирнаго окончанія жизни и пощадилъ государство отъ бѣдствій междоусобной войны. Въмѣсто отвѣта, Борисъ прибѣгнулъ, еще разъ, къ средству, оказавшемуся неудачнымъ въ Польшѣ: подослалъ въ Путивль тайныхъ отравителей. То были три монаха, которымъ поручено было передать ядъ слугамъ Отрепьева, тайно свосившимся съ Борисомъ. Монаховъ схватили, и одинъ изъ нихъ купилъ себѣ пощипованіе открытіемъ ужасной тайны; два другіе преданы въ жертву разъяреннымъ Путивльцамъ.

Скоро разнеслась вѣсть, что самъ Борисъ умеръ отъ яду, приготовленнаго собственными руками. Извѣстно, что Годуновъ, съ самого вступленія Отрепьева въ Россію, не домогалъ и волочилъ ногу, разбитую параличомъ. 13 апрѣля 1605 года онъ засѣдалъ еще въ думѣ; потомъ принималъ Датскихъ пословъ. Вдругъ полилась у него кровь изъ носу и изъ ушей; онъ гранулся объ полъ, и черезъ два часа его не стало. Онъ едва имѣлъ время ложиться, то есть, исповѣ-

даться, приобщиться и постричься, передъ смертію, въ монахи, какъ было тогда въ обычаѣ.

Такъ внезапно разстался этотъ честолюбецъ съ величіемъ, котораго добивался, не шадя народныхъ и человѣческихъ правъ, и которое было для него источникомъ безчисленныхъ страданій. Предсмертныя минуты его были, можетъ быть, минутами самаго горькаго сожалѣнія о напрасныхъ усиліяхъ и тяжкихъ заботахъ въ лучшую пору жизни. Если бы онъ умиралъ, вмѣсто Золотой Палаты, въ курной избѣ земледѣльца, тогда бы во сто кратъ ему было легче разставаться съ жизнью и съ дѣтьми: удѣломъ ихъ былъ бы потовой трудъ и мирная покорность своей участи. А теперь, на шаткой высотѣ престола, что ожидаетъ ихъ посреди бояръ, ненавистниковъ племени Годунова, и народа, обаяннаго вымышленнымъ царевичемъ? Борисъ кѣжно любилъ дѣтей своихъ, и въ особенности сына, въ которомъ видѣлъ родоначальника безконечнаго рая царей, Годуновыхъ; воспитывалъ его съ особенною заботливостію^(*), приучалъ заранѣе къ правленію, лаская называлъ себя его слугою и рабомъ, по одному его слову много-

(*) Доказательствомъ осталась известная карта Россіи, начертанная царевичемъ Феодоромъ.

валъ преступниковъ и исполнять всякую просьбу, поданную на его имя, а въ указахъ и грамотахъ писалъ: «Божіею милостию, мы Великій Государь, Царь и Великій Князь Борисъ Феодоровичъ всеа Русіи Самодержецъ, и сынъ нашъ, Царевичъ Князь Феодоръ всеа Русіи.» Такъ онъ старался внушить къ сыну любовь, которой самъ не свискалъ у народа, и утвердить за нимъ величіе, пріобрѣтенное неправдою. Все было напрасно!

Москва сильно почувствовала смерть Годунова: жертвому многое прощается, помнить одни его достоинства и сожалѣютъ объ утратѣ. Многие тогда оцѣнили государственныя способности Бориса и плоды его повечительной дѣятельности. Прелесть перемены правленія исчезла для сердецъ, при видѣ сильнаго человѣка, наивнаго, подобно всякому смертному. Столица мирно присягнула пятнадцатилѣтнему Феодору. Въ присягѣ вѣдлись «не приставать къ вору, который называется княземъ Дмитріемъ Углицкимъ», но уже не называли его Отрепьевымъ: такъ дѣйствія монаха Леонила убѣдили народъ и самое правительство, что Самозванецъ не Отрепьевъ. Къ областнымъ воеводамъ разосланы грамоты, въ которыхъ велѣно каждому жителя приводить къ присягѣ, такъ, чтобы не осталось ни одного неприсягнувшаго

Но особенное вниманіе обращено новымъ правительствомъ на Кромской станъ: немедленно отозвали подозрительныхъ Шуйскихъ и больного Мстиславскаго въ Москву,¹ подъ предлогомъ, что юный царь нуждается въ мудрыхъ совѣтникахъ. Главнымъ воеводою назначили туда князя Котырева-Ростовскаго, но это для того только, чтобъ не нарушать устава мѣстничества; дѣйствительную же власть надъ войскомъ вручили испытанному въ вѣрности и мужествѣ, Басманову, назначивъ его вторымъ воеводою большого полка. А чтобъ присяга сильнѣе запечатлѣлась въ душахъ воиновъ, отправили, вмѣстѣ съ воеводами, Новгородскаго митрополита, Исидора.

Ничто, однакожь, не излечило рати отъ обуявшей ее наглѣны: войско присягнуло, но, по выраженію современника, соблюдало эту присягу такъ, какъ голодная собака соблюдаетъ постъ. Басмановъ скоро убѣдился, что большая часть начальныхъ людей держитъ сторону Отрѣьева, а простые ратники хранили видъ послушанія оттого только, что каждый бонтелся первыи обзавить себя за Дмитрія. Тутъ и его вѣрности представилось искушеніе, котораго не въ силахъ былъ онъ побѣдить. Ему должно было выбрать немедленно одно изъ двухъ: или защищать законныя права Феодора, съ немногими прямодуш-

ными людьми и погибнуть съ ними, въ неравной борьбѣ противъ измѣнниковъ, или признать Отрепьева царевичемъ и упрочить для себя навсегда высокую ступень, на которую онъ взошелъ при Годуновѣ. Мужество его не можетъ (такъ думалъ онъ) спасти молодого царя, окруженнаго родовыми врагами; а если бъ и спасло, то неужели родственники царствующаго дома дадутъ ему первенствовать у престола? Гораздо благопріятнѣе для его еще такъ новой знатности будетъ царствованіе безроднаго удалца, снискавшаго, подобно ему, возвышеніе личною храбростью. Можетъ быть, и то приходило Басманову въ голову, что Отрепьевъ все равно воцарится и безъ его содѣйствія; но тогда государство лишится пользы, какую можетъ сдѣлать на высокомъ мѣстѣ человекъ съ сильнымъ характеромъ и добрыми наклоненіями. Какъ бы то ни было, но Басмановъ рѣшился на измѣну, низкую во всякомъ случаѣ. Согласясь съ давними врагами Годунова, князьями Іоанномъ и Васильемъ Голлицыными, да съ бояриномъ Михаиломъ Глѣбовичемъ Салтыковымъ, онъ, 7 мая, торжественно объявилъ войску, что истинный царь есть Димитрій Іоанновичъ. Его поддержали, приготовленные заблаговременно къ этой сценѣ, боярскіе дѣти городовъ Рязани, Тулы, Алексина и Каширы;

вслѣдъ за ними загрѣмѣлъ голоса всего войска: «Да здравствуетъ Димитрій!» Остались вѣрными только главный воевода, князь Котыревъ-Ростовскій, другой князь, Телятевскій, да немногіе дворяне и дѣти боярскіе съ своими дружинами. Ужаснувшись внезапнаго оборота дѣлъ, они поспѣшили уйти въ Москву, оставя въ лагерьѣ свои пожитки и казну. Съ ними ушли и иноземные воины, отличившіеся преданностью царю, пока они были живы. Войско, между тѣмъ, присягнуло Димитрію, и князь Иванъ Голицынъ, съ другими сановниками, отправленъ съ вѣстью объ этомъ къ Отрепьеву, въ Путивль.

Идутъ, что спутники Голицына, увидя новаго царя на тронѣ, узнали въ немъ тогда же Чудовскаго діакона; но имъ нужна была пережѣна правительства, и они ударили челомъ бродягѣ. Торжествующій скиталецъ принялъ ихъ милостиво и величаво, не обнаруживая ни восторга, ни благодарности. На другой день, онъ выступилъ изъ Путивля, въ сопровожденіи Польскихъ своихъ хоругвей и козаковъ Донскихъ, Діфровскихъ и Сѣверскихъ. Не доходя до Кромъ, онъ былъ встрѣченъ Басмановымъ и другими воеводами, принялъ ихъ, какъ можно было ожидать, очень милостиво, потомъ, въѣхавши въ Кромской лагерь, великодушно простилъ войско за измѣ-

ну, распустить подмосковное ополчение по домам для отдыха, а прочим полкамъ велѣлъ идти къ столицѣ и ожидать его у Орла, гдѣ, какъ было слышно, не всѣ признавали его царевичемъ. Выступя, велѣлъ за толпами войска, въ сопровожденіи своихъ сподвижниковъ, Поляковъ и козаковъ, Отрепьевъ подвигался впередъ медленно, чтобъ дать народу освоиться съ дивною новостью, которую разносили повсюду воины, распущенные во-сволси. Нигдѣ не встрѣчалъ онъ непокорныхъ; жители, единодушно, выражали восторгъ свой, потому что толпа любитъ возвышающихся счастливыхъ и охлаждаетъ къ нимъ только тогда, когда они, достигнувъ своей цѣли, перестаютъ давать новую пищу ея удивленію. Въ самомъ Орлѣ число непокорныхъ было незначительно, ибо въ сѣбѣ мало людей, способныхъ стоять за истину въ виду неминуемой гибели. Обличителей Самозванца тотчасъ перехватывали и разослали по темнищамъ.

Стоя лагеремъ подъ Орломъ, надъ рѣкой Плавой, Отрепьевъ посылалъ къ Москвичамъ грамоту за грамотою, требуя покорности законному царю, какимъ онъ почиталъ себя. Но посланные не возвращались изъ столицы. Въ Москвѣ было еще много людей, ифр-ныхъ присягѣ; гонимовъ Отрепьева дожили и сажали въ темницы. Это, однакожь, мало помогло правитель-

ству. Въ самомъ его составѣ таились могущественные враги его. Князь Василій Шуйскій, пользовавшійся, какъ мы уже знаемъ, довѣренностью Московскихъ купцовъ, нелюбившихъ Годунова, нашелъ средства увѣрить ихъ, что въ Угличѣ убитъ священнической сынъ, а теперь явился Димитрій истинный (?). Получивъ отъ нихъ обѣщаніе поддержать мнимого царевича, онъ далъ тайно знать объ этомъ Самозванцу. Отрешевъ написалъ къ Москвичамъ новую грамоту и отправилъ съ нею Плещеева и Гаврила Пушкина, уже не въ самую столицу, а въ Красное село (16), въ которомъ жили тогда купцы и богатые ремесленники. Красносельцы, выслушавъ грамоту, огласили воздухъ восклицаніями: «Да здравствуетъ царь Димитрій»

(?) Шаумъ, *Труд. Дет.-Москов.* 11: «Простой народъ, неумѣвшій самъ съ собою посоветоваться, приступилъ къ... Василью Ивановичу Шуйскому, умолялъ его не утратить правды, точно ли онъ похоронилъ Димитрія, законнаго сына Іоанна Васильевича, даю бы въ Угличѣ убитаго. Тогда Шуйскій... показалъ, что Димитрій спасся отъ помянутъ Бориса, а вмѣсто его убитъ сынъ одного священника и погребенъ по великокняжески, и что теперь явился настоящій Димитрій.» (См. также Петрея, котораго сочиненіемъ, какъ видно, Шаумъ руководствовался).

(16) Теперь оно составляетъ одну изъ частей Москвы.

Юанновичъ!» и повели Плещеева и Пушкина въ самую столицу.

Узнавъ объ этомъ, правительство послало отрядъ войска схватить клеветовъ Самозванца, но, видно, Красносельцы заблаговременно припасли себѣ оружіе, или, еще вѣроятнѣе, отрядъ былъ выбранъ по волѣ Шуйскаго. Заслышавъ издали буйныя клики мятежниковъ, онъ, въ истинномъ, или притворномъ ужасѣ, прибѣжалъ обратно. Толпа, между тѣмъ, увеличивалась безпрестанно; къ ней приставали воины, боившіеся за свою оплошность смерти, приставали жильцы Московскіе и правдыя ватаги нищихъ, размноженныхъ въ столицѣ самимъ же Годуновымъ и готовыхъ возводить на царство ежедневно новаго царя, хоть бы для того только, чтобъ поживиться разсыпаемыми, во время торжества, деньгами и всенароднымъ угощеніемъ. Когда толпа достигла лобнаго мѣста, гдѣ съ возвышенія обыкновенно обнародывались важныя государственныя событія, и когда прочтена была во всеуслышаніе грамота мнимаго Димитрія, — ни одинъ голосъ не раздавался противъ него. Всѣ восклицали хоромъ: «Да здравствуетъ Димитрій! Мы были во тмѣ кромѣшной; красное солнце наше восходитъ!».

Напрасно патріархъ Іовъ посмалъ бояръ унять буйныя возгласы черни и вразумить ее въ истину:

болре, одни отъ страха, другіе изъ лукавства, говорили какъ не своимъ языкомъ и распорядились такъ, что даже ворота въ Кремль не были заперты. Толпа ворвалась во дворецъ, овладѣла царемъ, матерью, сестрою его и заперла ихъ въ прежнемъ Борисовомъ домѣ подъ крѣпкою стражею. Родственниковъ царскихъ, Годуновыхъ, Сабуровыхъ, Бельяниновыхъ, также схватили и, раздѣвъ донага, отправили въ навозныхъ телегахъ въ загородныя темницы. Нищія черни, обрадовавшись безначалію, разломала дома несчастныхъ узниковъ, а холопи ихъ и крѣпостные крестьяне разграбили господскія помѣстья.

Тутъ снова выступаетъ на сцену гордый и мстительный воспитанникъ правленія Іоанна IV, Богданъ Бѣльскій, возвращенный, можетъ быть, по совѣту Шуйскихъ, изъ ссылки послѣ смерти Бориса Годунова. Называясь воспитателемъ новаго царя, онъ властвовалъ теперь надъ умами черни и направилъ ее злобу и жадность на дома Нѣмецкихъ врачей, которыхъ ненавидѣлъ смертельно за выщипанную Шотландцемъ Габріелемъ бороду. Толпы черни бросились на беззащитныя дома Нѣмцевъ, опустошили погреба ихъ и разграбили все, что ваши въ домахъ, гдѣ, кромѣ ихъ собственности, хранились пожитки постороннихъ лю-

дей, вывезенные, для безопасности, въ это смутное время изъ помѣстьевъ.

Народъ, присягнувъ на имя царя Димитрія Иоанновича, отправилъ къ нему съ повинною князя Телатевскаго, который бѣжалъ изъ-подъ Кромъ, князя Ивана Михайловича Воротынскаго и другихъ депутатовъ. Депутаты наши его уже въ Тульѣ, и новый царь, окруженный буйвою толпою чванливой шляхты и грубыхъ козаковъ, показался имъ счастливымъ атаманомъ разбойниковъ. На первыхъ порахъ, все въ его Тульскомъ дворцѣ представляло видъ разграбленнаго каравана. Туда Донцы пригнали ему въ даръ табуны степныхъ коней своихъ, Астраханцы прислали Турецкія ткани и Персидскіе ковры, иноземные куншы, торговавшіе въ Россіи, тѣмъ съ дорогими сукнами и бархатомъ, Москвичи — серебрянную посуду, богатая одежда и драгоценности. Царь повзвалъ къ рукѣ сперва Донцовъ, а потомъ уже представителей столицы. Когда они приблизились къ престолу, окруженному смуглыми и наменьшими лицами соратниковъ счастливаго удалца, онъ встрѣтилъ ихъ грозвою рѣчью за долгое сопротивленіе законному царю. Присутствовавшіе при аудіенціи козаки, бывшіе холопи и крестьяне, съ своей стороны, подкрѣпили его выговоръ самою грубою бранью. Димитрію, по-видимому, нравилось такое униженіе вы-

скаго сана депутатовъ Москвы: онъ мстилъ боярамъ за униженіе, которое претерпѣлъ, добиваясь престола, и допустилъ козаковъ до такого неистовства, что они едва не убили до смерти князя Телятевскаго за бывшее усердіе его къ Годунову.

Это было время тусныхъ злодѣйствъ, безъ которыхъ не обходится ни одинъ государственный переворотъ, совершаемый по расчету эгоистовъ. Мало было для бояръ лишить царя престола. Они знали самозванство Дмитрія лучше кого бы то ни было, знали, что существуютъ безчисленные удичители невольнаго обманщика, предвидѣли, даже, можетъ быть, обдумывали уже его паденіе и боялись, чтобъ тогда сынъ царя Бориса не былъ возведенъ народомъ снова на поколебанный престолъ. Итакъ смерть Феодора была для нихъ необходима. Что касается до Дмитрія, который воображалъ себя сыномъ Іоанна Грознаго, то не такого былъ онъ характера, чтобы бояться соимѣстничества своего подданнаго, какимъ онъ почиталъ Феодора Годунова. Еще до прибытія въ Тулу Московскихъ депутатовъ, онъ отправилъ Голицына, Рубца-Мосальскаго и дѣка Сутупова для приведенія въ порядокъ взволнованной бунтомъ столицы, а Басмазова съ войскомъ для поддержанія ихъ распоряженіи силою; но ничто не доказываетъ, чтобъ эти сановники

имѣли отъ него порученіе истребить Годуновыхъ (11). Если бы это было такъ, то они постарались бы немедленно исполнить волю новаго царя. Напротивъ, Голицынъ и другіе прожидя въ Москвѣ болѣе недѣли, лишили Юва патриаршаго сана и съ безчестіемъ заточили въ Старикій монастырь, родственниковъ царя Бориса разослали по гурьмамъ и нѣкоторыхъ тайно удавили; но низверженнаго царя еще не рѣшились коснуться; наковецъ, видно, такъ же какъ и объ Угличскомъ царевичѣ, «совѣтомъ начальнѣйшихъ людей», положено было умертвить Теодора и его мать, оставить въ живыхъ только Ксенію, на имя которой не было присяги. Для совершенія царубійства, всегда ужаснаго для ума мыслящаго, Голицынъ и Рубецъ - Мосальскій выбрали двухъ чиновниковъ, Молчанова и Шеремедникова, да трехъ стрѣльцовъ, закоренѣлыхъ въ злодѣяніяхъ, и вошли съ ними въ домъ, гдѣ беззащитныя си-

---

(11) Сказано въ Разрядной книгѣ (у Карамз. XI, пр. 342), что Лжедмитрій «велѣлъ цареву Борисову жену и сына ея убить»; но кто и когда писалъ эту книгу? Неужели боярамъ и дьякамъ надо было написать въ ней свою неповѣдь? Тоже подтверждено и въ Никои. Лѣт. VIII, 68; но смѣлъ ли лѣтописецъ, если бы и зналъ истину, изобличить бояръ въ царубійствѣ? Гораздо безопаснѣе было сложить вину на мертвца Отрепьева.

роты, у груди матери, ожидали вѣроятной смерти. Несчастныхъ развели по разнымъ комнатамъ. Царю Марию задушили немедленно, но шестнадцатилѣтній Феодоръ, одаренный силою не по возрасту, долго боролся съ четырьмя убійцами; наконецъ одинъ изъ нихъ лишилъ его жизни самымъ отератительнымъ образомъ. Если бъ это убійство было произведено по приказу Дмитрія, не нужно было бы таить ее передъ народомъ: царь, небоавшійся предать публичному поруганію представителей столицы, уже ли побоялся бы казнить похитителей престола? Бояре могли бы прямо объявить, что измѣнники казнены по указу государю, и никто бы не называлъ воли царской незаконною. Но дѣло въ томъ, что нужно было увѣрить сперва народъ, а потомъ и самого царя, что Годуновы, съ отчаянья, приняли дѣль. Игакъ выставлены были на общее позорище тѣла замученныхъ: народъ видѣлъ на нихъ явные знаки удавленія, толковалъ объ этомъ то и другое, да боярамъ мало было до этого дѣла: они однимъ ударомъ извлекли для себя дѣль выгоды — обезопасили себя на будущее время и внушили народу первое невыгодное для Самозванца впечатлѣніе. Дмитрій, между тѣмъ, ничего еще не зналъ: убійство совершено было 10 іюня, а онъ 11-го писалъ грамоты къ областнымъ начальникамъ о своемъ возвращеніи и

въ условіяхъ присяги заставлялъ общать не слюбитъ-ся съ князьмиками, Бедькою, Борисовыми сыномъ, Годуновыми и его матерью. Усердіе работящихъ бояръ къ новому властителю и ненависть къ старому не пощадил даже праха того, передъ кѣмъ, еще такъ недавно, они изгибались: вырыли тѣло Бориса изъ царской могилы, положили въ деревянный гробъ и погребли, запросто, вмѣстѣ съ женой и сыномъ, при убогомъ Варсонофьевскомъ монастырѣ, на Устрѣтенской улицѣ.

Грустно подумать, что въ это время беззаконія, какъ-будто не было доблестныхъ людей въ Россіи: такъ все благородное было подавлено большинствомъ кромѣшниковъ и страхомъ безвѣстной гибели.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Первые распоряжения новаго царя. — Басмановъ и родовитые бояре. — Вступленіе Димитрія въ Москву. — Образованіе совѣта. — Милости опальнымъ Борисова времени. — Пошла Голуновыхъ. — Новыи патриархъ. — Царица Марта. — Выѣздъ. — Правительственная дѣятельность Димитрія. — Отпускъ иноземной дружины. — Отступленіе отъ Русскихъ обычаевъ. — Образъ жизни Димитрія. — Внутренній волею народу. — Неудовольствія. — Василій Шуйскій. — Новыя обличенія. — Иноземные тюѳхранители.

Не выѣзжая еще изъ Тулы, Димитрій началъ державствовать, и первая грамота, разосланная по государству, была о прекращеніи мятежей, которые тогда кишѣли повсюду, въ низшихъ сословіяхъ, противъ помѣщиковъ и законныхъ властей. Новыи царь накрѣпо приказывалъ, «чтобъ не было въ людяхъ шатости, убійства и грабежу», а кто на кого имѣетъ неудовольствіе, то писалъ бы къ нему. Такъ, возвысясь на пре-

столь посредствомъ вражды черни къ высшимъ сословіямъ, Дмитрій не хотѣлъ, однакожь, терпѣть ея самоуправства. Въ то же время онъ заботился уже и о государственномъ богатствѣ. Зная, что все въ Россіи, такъ сказать, сдвинулось съ своего мѣста, онъ опасался, чтобъ черныя и другія земли не уклонились отъ податей, а казначен не утанили старыхъ суммъ, подь шумъ и тревоженіе государства, и потому строго повелѣвалъ не выпускать изъ казны денегъ, беречь ихъ крѣпко и собирать подати безъ всякой отсрочки и послабленія. Посреди суматохи первыхъ дней, когда толпы за толпами приходили въ Тулу изъ окрестныхъ городовъ и селъ видѣть сына Іоанна Грознаго, когда вельможи пріѣзжали изъ Москвы бить ему челомъ и, одинъ передъ другимъ, выказаться съ вѣрноподданностью, когда гонцы скакали съ грамотами и наказами во всѣ концы Россіи и обратно, Дмитрій не упустилъ также изъ виду и политико-торговыхъ интересовъ своего царства. Узнавъ, что посолъ Англійскаго короля Іакова, Тома Смитъ, и агентъ по торговлѣ, Джонъ Меррикъ, возвращаются на Архангельскъ въ отечество, онъ велѣлъ возвратитъ ихъ, взять у нихъ грамоты Борисовы и обѣщать, своимъ именемъ, заключеніе дружественнаго союза съ королемъ Іако-

вомъ и новыя торговыя выгоды въ Россіи для Англійскихъ купцовъ.

Устроивъ дѣла, ветерившія отлагательства, новый царь двинулся, наконецъ, къ Москвѣ, но не спѣшилъ вступать въ нее. Басмановъ, вошедшій, послѣ Кромской измѣны, въ кругъ сановныхъ крамольниковъ, не могъ не замѣтить, что Дмитрій былъ для нихъ только орудіе къ низверженію Годуновыхъ и что въ душахъ ихъ кроется замыселъ погубить его при первой возможности. Для родовитыхъ бояръ и князей это было выгодно: однимъ тогда очистилося бы право на престолъ, другимъ представились бы новыя средства къ возвышенію; но для Басманова низверженіе Самозванца не представляло никакой пользы, и потому онъ рѣшился быть вѣрнымъ новому царю и защищать его отъ зависти аристократовъ. По его-то донесеніямъ, Огреневъ не вступилъ прямо въ столицу и простоялъ у села Коломенскаго, на лугахъ Москвы-рѣки, два дня (1), пока получилъ отъ него вѣрныя извѣстія, что

(1) Карамзинъ говоритъ (т. XI, стр. 122), что Самозванецъ расположился ставомъ, на лугахъ Москвы-рѣки, 16 іюня, но этого числа нѣтъ въ источникахъ, на которые онъ ссылается въ примѣчаніи 356. По Карамзину, Огреневъ простоялъ четыре дня передъ Москвою, а Беръ именно говоритъ, на 59 стр.: «Здѣсь онъ пребылъ двое сутокъ.»

явной намѣны нигдѣ не замѣтно. Туда явились къ нему Московскіе граждане съ хлѣбомъ-солью и дарами, а потомъ вельможи и власти ^(?) съ царскою утварью изъ Кремлевской казны, явились также и начальники Нѣмецкой дружины съ просьбою не гнѣваться на нихъ за дѣло подъ Добрыничами, гдѣ они сперва дали ему сильнѣйшій отпоръ, а потомъ безпощадно разили его войска на побѣгѣ. Виксто гнѣва, новый царь принялъ ихъ чрезвычайно ласково, хвалилъ ихъ мужество и вѣрность къ прежнему царю, надѣлся и себѣ отъ нихъ того жъ усердія и сказалъ, что вѣрнѣе имъ больше, нежели своимъ Русскимъ. Потомъ спросилъ: «Кто былъ знаменосцемъ въ Добрынской битвѣ?» и когда этотъ выступилъ впередъ, Димитрій, потрепавъ его по щекѣ и по груди, сказалъ: «Сохрани насъ, Боже, отъ зла!»

Наконецъ, 20 іюня, Димитрій вступилъ въ Москву. Лѣтній день сіялъ во всей красѣ. Столица представляла зрѣлище шумной радости; улицы, заборы, кровли домовъ, башни и колокольни покрыты были народомъ, какъ роями пчелъ; яркіе цвѣта праздничныхъ одеждъ

(?) Подъ именемъ властей, въ современныхъ писаніяхъ, разумѣются архіереи и знатнѣйшіе архимандриты. См. Арцыбашевъ, кн. V, стр. 579.

дѣлали видъ этотъ великолѣпнымъ. И велѣлъ раздвигалось имя Димитрія, который ѣхалъ медленно, на бѣломъ конѣ, въ царской одеждѣ, въ драгоценномъ ожерельѣ. Вокругъ него — 60 бояръ и князей, передъ нимъ — стройныя дружины Полаковъ, въ полномъ вооруженіи, съ трубами и литаврами, за нимъ — ряды иностранцевъ, козаковъ и стрѣльцовъ. Ведѣ Москвичи падали передъ нимъ ницъ и восклицали: «Здравствуй, отецъ нашъ! государь и великій князь Всероссійскій! даруй тебѣ, Боже, многія лѣта! да осѣнитъ тебя Господь на всѣхъ путяхъ жизни чудесною милостію, которою онъ спасъ тебя въ семь мѣрѣ! Ты наше солнце красное!» Димитрій, ознакомясь съ обычаями Польскаго дворянства, не любилъ Восточныхъ поклоненій, хоть и радовался выраженію любви народной. Онъ отвѣчалъ на привѣты привѣтами и велѣлъ вставать простертымъ на землѣ подданнымъ, и молиться за него Богу. Но, не смотря на видимый восторгъ Москвы, впереди всего поѣзда ѣхалъ отрядъ хорошо вооруженныхъ трубачей и литавриковъ для раздѣлыванья, не таясь ли гдѣ намѣна. Гонимы скакали, въ улицы въ улицу и возвращались къ царю съ успокоительными донесеніями. Случилось, однакожъ, нѣчто несприятное: когда Димитрій въѣхалъ на площадь черезъ живой мостъ и Москворѣцкія ворота, вдругъ поднялся такой

страшный вихрь, что всадники и кони чуть не поиздали. Пыль взвилась столбомъ и на вѣсколько минутъ всѣхъ ослѣпила. Москвичи ужаснулись и, творя крестныя знаменія, говорили другъ другу: «Господи, спаси насъ! быть бѣдѣ и несчастію!»

На добномъ мѣстѣ ожидало царя духовенство съ крестами и хоругвями. Поѣздъ остановился. Дмитрій сошелъ съ коня и подошелъ ко крестамъ. Здѣсь Благовѣщенскій протоиерей, Терентій, произнесъ къ нему рѣчь, униженно моли о пощадѣ народа, который былъ во тѣхъ и теперь только увидѣлъ свѣтъ, уподобляя царя Богу и прося не слушать людей, подвигающихъ его на гнѣвъ «неподобными» слухами. Потомъ пѣли молебствіе; и въ то время, какъ Русскіе, въ благоговѣйномъ молчаніи, внимали церковному клиру, Поляки продолжали играть въ трубы и въ бубны. Дмитрій не узналъ ихъ, по разсѣянности ли, среди новой для него роли, по вольнодумству ли и пристрастію къ иноземнымъ обычаямъ, но только это обстоятельство, на которое горько жалуется набожные лѣтописцы, зачлось ему, въ умахъ народа, на черныи день его. Еще сильнѣе оскорблено было православное чувство Русское, когда, вслѣдъ за царемъ, вошли въ Успенскій и Архангельскій соборъ «поганые католики и Люторы», не знаменуясь крестомъ, не поклоняясь

образанъ, на все глядя безъ благоговѣнiя, съ гордымъ и насмѣшливымъ видомъ. Народъ, однакожъ, тронуть былъ искреннымъ чувствомъ, съ какимъ Димитрiй палъ на гробъ своего мнимаго отца, Юанна Грознаго, плакалъ и вспоминалъ свое сиротство и гоненiя.

Изъ храмовъ новый царь отправился во дворецъ, гдѣ иѣкогда, стоя въ толпѣ дворянъ боярскихъ, завидовалъ блеску и величiю Годунова и простодушво отгадывалъ, гдѣ скитается парекичъ Димитрiй. Теперь онъ, чудной игрой обстоятельствъ, самъ очутился на сценѣ, прежде доступной только удивленiю его, но былъ ли оттого счастливѣе, неизвѣстно. По крайней мѣрѣ, на пиру красворѣчiе его шло потокомъ. Этими даромъ онъ былъ похожъ на мнимаго отца своего, любимаго витiйствовать и на духовныхъ соборахъ, и въ верховной думѣ, и въ перепискѣ съ своимъ безпощаднымъ судьей, Курбскимъ. Много было у новаго царя предметовъ для застольной бесѣды. Онъ говорилъ о недавнихъ своихъ сраженiяхъ, описывалъ ихъ съ увлекательною живостью, приводилъ для сравненiя прижѣры изъ исторiи разныхъ народовъ, вспоминалъ приключенiя скитальческой своей жизни; но осторожно избѣгалъ намековъ на свое монашество. При всей вѣрѣ въ царственное свое про-

исхожденіе, онъ зналъ, что для Русскихъ тяжело было бы видѣть на престолѣ растригу, хоть бы и сына царскаго. Постриженіе въ монахи уничтожило у нихъ право царствовать. Эта осторожность была необходима, потому что, во время шествія, многіе узнали въ царѣ Чудовскаго монаха.

По окончаніи шествія, сочтено за нужное выслать къ народу на доброе мѣсто Богдана Бѣльскаго съ окончательнымъ увѣреніемъ, что царь — истинный сынъ Іоанна Грознаго. Засвидѣтельствовавъ это, какъ человѣкъ, которому былъ порученъ надворъ за младенцемъ Димитріемъ и который потому болѣе всякаго другого могъ узнать истину, Бѣльскій славилъ Бога за спасеніе царя и убѣждалъ Москвитенъ быть вѣрными сыну Іоанна Васильевича; потомъ связъ съ груди крестъ, съ изображеніемъ Чудотворца Николая, поцѣловалъ его и воскликнулъ: «Храните и чтите своего государя!» Народъ отвѣчалъ въ одинъ голосъ: «Богъ да сохранитъ царя и погубитъ всѣхъ враговъ его!»

Новый царь немедленно приступилъ къ устройству двора своего, подражая въ названіяхъ сановниковъ обычаямъ двора Польскаго: появились въ Россіи великій дворецкій, великій оружничій, великій мечникъ, надворный подскарбій и прочая. Совѣтъ его составили

четыре разряда сановниковъ: сановники духовные, бояре, околыничіе и думные дворяне. Въ размѣщеніи вельможъ по степенямъ Димитрій придерживался родовой знатности, однакожь возвелъ дяковъ Василія Щелкалова и Аѳонасіа Власьева въ санъ околыничихъ, недоступный прежде для людей канцелярскихъ. Тутъ кстати упомянуть, что Василіи Щелкаловъ, слѣбанный, по смерти брата своего Андрея (около 1595 года), печатникомъ, впасть при Борисѣ въ немилость и удалень отъ дѣлъ. На немъ лежало тяжкое подозрѣніе Годунова въ содѣйствіи Отрешеву, и самъ Отрешевъ подтвердилъ справедливость темныхъ догадокъ его, когда называлъ, за границею, дяковъ Щелкаловыхъ въ числѣ тайныхъ своихъ покровителей. Теперь онъ возвратилъ его изъ опалы и пожаловалъ саномъ, выше котораго не въ состояніи былъ ничего дать ему.

Политика, а можетъ быть, и иныя побужденія заставили его оказать милости и всѣмъ другимъ опальнымъ Борисова времени. Возвращены изъ ссылки и оставшіеся въ живыхъ Романовы. Монахъ Филаретъ, возведенный, еще по приказанію Годунова, въ архимандриты, слѣбаны теперь Ростовскимъ митрополитомъ; сынъ его Михаилъ, будущій царь, поселился съ матерью въ Пятъевскомъ монастырѣ, близъ Ке-

стромы, а братъ, Иванъ Никитичъ Романовъ, получилъ мѣсто въ царскомъ совѣтѣ. Призваны ко двору и царь Касимовскій, Симеонъ; сыну Юяна Грознаго не страшны были права его на престолъ, какъ боярину Годунову. Что касается до мнимыхъ родственниковъ новаго царя, Нагихъ, то не только живые, Михайло и Григорій Теодоровичи, Михайло и Аванасій Александровичи, извлечены изъ темницъ и получили мѣста въ царскомъ совѣтѣ, но и мертвымъ воздана почестъ: тѣла ихъ перевезли изъ дальнихъ пустынь въ Москву и погребли съ почетомъ, рядомъ съ предковскими гробами. Даже Годуновы пощажены отъ опалы; имъ роздали воеводскія мѣста въ Сибири и въ другихъ отдаленныхъ областяхъ: царь велъ себя великодушно, не унижаясь до преслѣдованія падшихъ. Новое доказательство, что умерщвленіе Теодора и его матери было не его дѣло.

На четвертый день по приѣздѣ въ Москву, Дмитрій поставилъ новаго патриарха, на мѣсто сверженнаго Юва. Ему нужно было покорное орудіе въ замышляемыхъ имъ преобразованіяхъ, а онъ зналъ, что Русскіе святители строго держатся преданій старины, противась всѣми зависящими отъ нихъ средствами каждому нововведенію, и потому избралъ въ патриархи Всероссійскіе Грева, Пгнатія. Этотъ архіерей,

спасаясь отъ гоненія Турковъ, бѣжалъ изъ отечества въ Римъ и жилъ тамъ нѣсколько времени; потомъ, при царѣ Феодорѣ Иоанновичѣ, пріѣхалъ въ Россію, умѣлъ понравиться Годунову и поставленъ, въ 1603 году, Рязанскимъ архіепископомъ. Игнатій встрѣтилъ Дмитрія въ Тулѣ, какъ сына Іоанна Грознаго. Дмитрію замѣтилъ въ немъ свободу мыслей, касательно уставовъ Церкви, и поспѣшилъ возвести его въ санъ патріарха, торопясь освятить свою власть царскимъ вѣнчаніемъ.

Къ этому важному дѣлу вельза, однакожь, было приступить безъ послѣдняго и самаго главнаго доказательства, что царь есть сынъ Іоанна Грознаго. Еще жива была царица Марѳа, мать Угличскаго Дмитрія. Послѣ безполезнаго допроса, сдѣланнаго ей Годуновымъ, она жила въ пятистахъ верстахъ отъ Москвы, въ Выксинскомъ монастырѣ. Какъ доброй сынъ, Дмитрій немедленно вызвалъ бы ее въ столицу и возвратилъ бы ей царскія почести; но это было опасно для его совѣтниковъ, которые знали о его самозванствѣ и боялись погибнуть, вмѣстѣ съ нимъ, если бы Марѳа отреклась отъ него всецѣлѣю. Страшая, можетъ быть, самого царя ея щекотливостью касательно монашескаго обѣта, уничтожающаго право престолонаслѣдія, они удерживали его цѣлый мѣсяцъ отъ вызова

ее въ столицу и употребили это время на тайныя сношенія съ опасною монахиней, которой предоставлено было на выборъ — или притворство и царскія почести, или истина и насильственная смерть. Къ Марѣ, во все это время, не допускали никакихъ людей, которые могли бы подкрѣплять ея твердость и вредить убѣжденіямъ совѣтниковъ Димитрія ⁽²⁾; а когда, наконецъ, она согласилась дѣйствовать заодно съ начальными людьми, посланъ былъ за нею одинъ изъ Шуйскихъ, именно князь Михаилъ Васильевичъ, прозванный Скопнымъ: ни на кого другого придворные крамольники не смѣли положиться въ дѣлѣ, требующемъ величайшей осторожности и ловкости.

Юля 18, Марѣа приблизилась къ Москвѣ. Димитріи встрѣтилъ ее въ селѣ Тайнинскомъ. Народъ нетерпѣливо ожидалъ свиданія царя съ матерью: тутъ долж-

---

(2) По смерти Ажедимитрія, Марѣа, по волѣ царя Василія Шуйскаго, говоритъ въ грамотахъ: «И онъ, вѣдая свое воровство, по насъ не посылалъ многого времени, а прислалъ къ намъ своихъ совѣтниковъ, а велѣлъ того беречи накрѣпно, чтобы къ намъ никто не приходилъ, и съ нами бы объ немъ никто не разговаривалъ.... и говорилъ намъ съ великимъ прещеньемъ, чтобы мы его не обличили, претя намъ и всему нашему роду смертнымъ убивствомъ.» (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 146.)

но было разсѣяться и послѣднѣе сомнѣніе, что онъ — истинный сынъ Грознаго. И надо отдать справедливость смѣшности бояръ: они, употреба предварительно всѣ мѣры предосторожности, въ эту важную минуту не побоялись допустить свиданіе въ-явь предъ всѣми зрителями (*). Увѣренный въ своей царствен-

(*) Маржереть, 87: «Онъ встрѣтилъ ее за версту отъ города; поговорилъ съ сыномъ около четверти часа, въ присутствіи всѣхъ вельможъ и гражданъ, она сѣла въ колесницу, и пр. — Беръ, 61: «Увидѣвъ другъ друга, они обнялись, изъявляя радость неописанную. Старая царица весьма искусно представляла вѣжную мать, хотя на душѣ у нея было совсѣмъ другое.... Димитрій вѣшкомъ провожалъ ее карету.» — Пазрле, 34: «Царь встрѣтилъ ее пышно, со многими князьими, воеводами и боярами, почти на полчаса пути отъ города: тамъ онъ слѣлъ съ воя. Мать и сынъ увидѣли другъ друга съ такою радостью, что не только они, но и многіе изъ присутствовавшихъ при свиданіи ихъ, плакали отъ умиленія. Димитрій проводилъ ее до дворца.» Изъ этихъ выписокъ видно, что ни Беръ, ни Маржереть, которые могли быть свидѣтелями этого свиданія, ни Пазрле, любящій описывать всѣ принадлежности церемоній, не упоминаютъ о шатрѣ, въ которомъ, по словамъ грамоты Шуйскаго, отъ лица Маромъ (*Собр. Гос. Гр. и Д. П.*, № 146) и записки объ отвѣтахъ Польскихъ пословъ (*Карамз.* XI, пр. 383), будто бы Отрешевъ видѣлся наединѣ съ Марою и «претилъ ей смертнымъ убивствомъ, чтобъ его не облачати.» Слишкомъ былъ бы онъ простъ,

ности, Димитрій, едва завидѣвъ мнимую мать свою, соскочилъ съ коня, прошелъ нѣсколько шаговъ пѣшкомъ и со слезами бросился къ ней на шею. Марѳа, прижимая его къ груди своей, также плакала, можетъ быть отъ притворства, а можетъ быть и отъ горькой мысли, что сынъ ея въ могилѣ, а его царство досталось темному бродягѣ! Какъ бы то ни было, свиданіе мнимаго парезича съ матерью, послѣ столькихъ приключеній, страшныхъ и таинственныхъ, растрогало зрителей до слезъ, и многіе готовы были присягнуть, что онъ истинный сынъ царицы Марѳы. Послѣ короткаго разговора, состоявшаго изъ радостныхъ восклицаній и нѣжныхъ ласокъ, царица сѣла въ карету, а Димитрій пошелъ подлѣ нея пѣшкомъ, съ открытою головою; бояре также не сядились на коней и провожали царицу-мать, съ открытыми головами, до самаго дворца. Но тамъ жила она лишь нѣсколько дней, пока отдѣлали для нея комнаты въ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Такъ и для царской матери непреложенъ былъ иноческій обѣтъ, отчуждающій человека отъ блеска и величія мірскаго. Понят-

---

если бъ, зная обманъ свой, выбралъ такое время и мѣсто для прещенія!

но, почему Димитрій долженъ былъ скрывать свое монашество и утѣрять народъ, что воспитывался въ Бѣлоруссiи (?). Помѣстивъ миную мать свою въ монастырь, Димитрій все-таки не могъ вѣрится ея скромности, касательно этого обстоятельства, и по совѣту бояръ, имѣвшихъ опасенiя гораздо важнѣйшія, окружилъ ее преданными себѣ людьми, которые берегли накрѣшко, чтобъ никто изъ постороннихъ не разговаривалъ съ царницею о ея сынѣ безъ свидѣтелей (?). Самъ онъ посѣщалъ ее каждый день и оказывалъ ей самую вѣжную почтительность. Наконецъ, іюля 21, совершилось и послѣднее утвержденіе Димитрія на пре-

---

(?) Беръ, 49: »Димитрій объяснилъ подробно (къ разсказаннымъ изъ Путилы по Россiи грамотамъ), сколько ему было лѣтъ, когда хотѣли его умертвить, кто замыслилъ на жизнь его, кто былъ его спасителемъ, крестнымъ отцомъ, какъ воспитывали его въ Бѣлоруссiи, какъ помогали ему Польскіе вельможи и какииъ образомъ, за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, онъ пріѣзжалъ съ Польскииъ посломъ, великимъ канцлеромъ Сапѣгою, въ Москву, гдѣ вѣдалъ на прародительскомъ престолѣ злодѣя своего, Бориса.«

(*) *Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 146*: »Посадилъ меня въ монастырь, и приставилъ ко мнѣ потому жъ своихъ со-вѣтниковъ и остерегати того велѣлъ на-крѣшко, чтобъ его морозство было не явно.«

столи: онъ былъ вѣнчанъ на царство патриархомъ Исидоромъ, въ Успенскомъ соборѣ. Дмитрій принялъ корону, скипетръ и державу съ величавымъ спокойствіемъ, какъ законное свое достоиніе; даже пышность обрядовъ при вѣчаніи была имъ уменьшена, только дорогу отъ двора до церкви устлали по красному сукну Персидскою парчою да, по выходѣ изъ собора, разсыпали народу небольшія золотыя монеты, вычеканенныя на память этого торжества.

Съ самого вступленія своего въ Москву, онъ дѣлательно занимался дѣлами правленія. Постоянно, въ каждую среду и субботу, принималъ самъ на красномъ крыльцѣ челобитныя; ежедневно присутствовалъ въ совѣтѣ; въ облегченіе бѣдниковъ, изнуряемыхъ долговременными тяжбами, побуждалъ приказы рѣшать дѣла безъ всякихъ посуловъ, а для прекращенія дороговизны, какъ Русскимъ, такъ и иноземцамъ, далъ свободу торговли и промышленности. Онъ былъ милосердъ до слабости и щедръ до расточительности. Во время скитальческой жизни, глядя на страданія народа отъ подозрительности Борисовой и отъ кабальныхъ притѣсненій, онъ далъ обѣтъ Богу, когда слѣдуютъ царемъ, не проливать Христіанской крови. Теперь онъ говорилъ своимъ приближеннымъ, что есть два средства удержать подданныхъ въ повиновеніи:

одно — держать ихъ въ грозѣ и страхѣ, а другое — привлекать ихъ щедрыми наградами, и что онъ избралъ послѣднее. На этомъ основаніи, онъ подтвердилъ духовенству старыя льготныя грамоты и далъ новыя, велѣлъ записать все суммы, взятыя при Грозномъ у людей разнаго званія, въ видѣ государственнаго займа, и удвоилъ жалованье служилымъ людямъ. Но особенно озаботился Димитрій тѣмъ сословіемъ, на которомъ преимущественно основывается матеріальная сила и богатство государства. Кратковременность его царствованія не позволила ему распутать узлы, затянутыя Борисомъ, однакожь начало было сдѣлано. Во-первыхъ, ограничено было право высшихъ сословіи брать служилыя кабалы, такъ, чтобы бѣднякъ, тѣснимый нуждою, не могъ закабалить себя разомъ отцу и сыну, дядѣ и племяннику, старшему и меньшему брату вмѣстѣ, но только одному изъ родственниковъ (?).

(?) *Акты Истор.* II, № 63: »Приговорили бояре: которые дѣти боярскіе и приказные люди учнутъ имати на людей кабалы, а въ кабалехъ напишутъ: занялъ у него да у сына его деньги и кабалу имъ на себя даетъ, — и тѣхъ кабалъ, отцу съ сыномъ, писати и въ книги записывати не велѣти, а велѣти писати кабалы порознь, отцу опроченная кабала, а сыну опроченная кабала, и сыну съ отцомъ, и брату съ братомъ, и дядѣ съ племянникомъ, на

Во-вторыхъ, освобождены были отъ преслѣдованій помещичьихъ крестьяне, перебѣжавшіе во время голода къ другимъ землевладѣльцамъ для прокормленія, а холопы, закрѣпощенные насильно, получили право возвращать свою вольность. Но возстановить по-прежнему Юрьевъ день было невозможно: начались бы новыя замѣшательства, беспорядки и безконечныя расправы между слабымъ и сильнымъ, какъ было при Борисѣ; а новому царю нуженъ былъ повсемѣстный миръ, для утвержденія на престолѣ. Притомъ же онъ замыслилъ войну противъ Турковъ и нуждался въ ратномъ сословіи: если бѣ разрѣшить крестьянамъ вольный переходъ изъ помѣстья въ помѣстье, вся земледѣльческая часть народонаселенія пришла бы въ движеніе, и тогда наборъ даточныхъ людей былъ бы очень затруднителенъ: многіе землевладѣльцы могли бы не явиться въ войско подъ предлогомъ опустѣнія помѣстій, покинутыхъ крестьянами. Волею и неволею,

---

людей кабалъ писати и въ книги записывати не велѣти. А которые люди, отецъ съ сыномъ, или братъ съ братомъ, на которыхъ людей, по служилымъ кабаламъ, учнутъ холопъстаа искати, — и гѣмъ истцомъ, по гѣмъ кабаламъ, отназывати; а гѣхъ людей, на кого они кабалы положатъ, освободити отъ индѣ на волю.»

Димитрій долженъ былъ отложить уничтоженіе Борисова закона до преобразованія военныхъ силъ государства.

Итакъ въ дѣлахъ правленія все шло съ обвѣщенной силою. Сознавая свои заслуги, видя всеобщее довольныя лица, слыша униженные благодаренія народа, Димитрій пересталъ опасаться тайныхъ недоброжелателей и отпустилъ Нѣмцевъ и Поляковъ, помогавшихъ ему въ завоеваніи престола. Каждый изъ нихъ получилъ за весь походъ щедрое жалованье; но все осталось очень недовольны. Этотъ сбродъ разгульныхъ удалцовъ смотрѣлъ на царя, какъ на атамана, который долженъ подѣлиться своею добычею съ храбрыми товарищами. Они думали, что достигли наконецъ блаженной жизни, какой только можетъ желать гудакъ на землѣ. Неистощимая полнота кармановъ, непрерывныя пирушки и вѣчести за великіе подвиги, поль знаменами Димитрія — вотъ что представляла имъ будущность; вмѣсто того, ихъ увольняютъ отъ службы, какъ наемниковъ, кончившихъ свое дѣло. Забѣлки не хотѣли вѣрить такой, какъ они называли, неблагодарности, взяли жалованье и продолжали жить въ Москвѣ; держали по десяти слугъ, одѣтыхъ въ дорогое платье, — денежные игры и пиры, съ приправою чванства доблестными дѣлами на поляхъ битвъ,

поглощали незамѣтно ихъ праздное время. Доширо-
жавшись, наконецъ, до пустыхъ кармановъ, они при-
ступили къ царю съ просьбою пополнить ихъ. Но у
царя были заботы благороднѣйшія; онъ холодно от-
казалъ своимъ соратникамъ-гулякамъ, и они, собравъ
остатки нажитого въ службѣ имущества, уѣхали во-
своица, проклиная неблагодарнаго счастливица (*).

Дѣйствуя, такимъ образомъ, въ духѣ царя истинно
Русскаго, ненуждающагося, среди своего народа, въ

(* *Legende de la vie et de la mort de Demetrius*: «При
немъ было нѣсколько тѣлохранителей изъ Нѣмецкихъ аз-
лебардшиковъ, которыхъ онъ привелъ съ собой изъ Польш-
ни.... они были немедленно отпущены, равно какъ и всѣ
воины иноземные.» — Бучинскій писалъ къ Димитрію изъ
Польшни объ этихъ гулякахъ слѣдующее: «А обѣщавъ ты
(Димитрій) имъ (Полякамъ), какъ придеши на Москву,
на-завтрае того дати имъ по колку тысячь золотыхъ, и
ты, де, имъ того не давъ, а давъ только по колку сорока
соболей, да по колку сотъ золотыхъ.... И язь противу
того сказалъ.... что имъ все поплачено: гусаромъ, кото-
рые служили три четверти году, да по сороку золо-
тыхъ на одинъ конь; а которые служили одинацать не-
дѣль, или болши, Питягорцы, и тѣмъ дню за пять чет-
вертеі году, по тридцати по семи золотыхъ.... давано имъ
корму много і она не могли его переѣсти, ажъ то про-
давали. І виделъ то язь самъ і слышалъ, что взяли иные
чаны за кормъ по тысяче золотыхъ....»

иноземной стражѣ, Дмитрій былъ не намѣренъ, однако, соблюдать въ точности родные обычаи, отъ которыхъ отвыкъ, во время пребыванія своего въ чужеземномъ обществѣ: такъ, напримѣръ, ввелъ за столомъ музыку и пѣніе, не умыналъ рукъ послѣ обѣда; вставши изъ-за стола, не ложился спать, противъ обычая прежнихъ царей, и въ то время, когда вся Москва удегалась въ постели, какъ вочью, онъ, самъ-другъ съ кѣмъ-нибудь изъ приближенныхъ, выходилъ изъ дворца, осматривалъ казну и посѣщалъ аптеки и лавки Нѣмецкихъ мастеровъ, которые, подобно ему, въ это время не спали. Эти удивительныя прогулки вовсе не были похожи на царственное поведеніе, къ которому Москвичи издавна привыкли. Прежніе цари не иначе переходили изъ одной комнаты въ другую, какъ съ толпою князей и бояръ, которые вели ихъ подъ руки, или, лучше сказать, переносили; въ церковь отправлялись въ громадной, раззолоченой колымагѣ, а если ѣздили верхомъ, то взбирались на сѣдло, ступивши сперва на скамейку, которую два боярина подставляли имъ подъ ноги, между тѣмъ какъ другіе держали коня и подавали поводья. Дмитрій для своихъ развѣдовъ выбиралъ самыхъ горячихъ жеребцовъ; слѣдуя наѣздническимъ урокамъ, полученнымъ на Запорожьи, едва бралъ въ руку поводья,

уже былъ на сѣдлѣ, веселился бѣшенными скачками своего коня, и ни одинъ ѣздокъ не могъ сравниться съ нимъ въ искусствѣ и ловкости. Въ охотѣ онъ не оставался празднымъ зрителемъ; пылкая его натура вездѣ требовала жаркой дѣятельности. Онъ завелъ себѣ превосходныхъ соколовъ, собакъ борзыхъ и гончихъ, а для медвѣжьей травли Англійскихъ договъ; съ ними гонялся по полямъ и лѣсамъ, презирая усталость и опасности; а однажды, не смотря на возраженія своихъ совѣтниковъ, велѣлъ спустить съ цѣпи, въ селѣ Тайнинскомъ, огромнаго медвѣдя и вышелъ противъ него самъ, держа въ рукѣ рогатину. Тогда сердца у однихъ затрепетали отъ надежды, что великій ударъ положить, можетъ быть, конецъ ненавистному господству отважнаго пройдохи, а у другихъ отъ опасенія, чтобы излишняя самовадѣливость не прекратила жизни государя благотворительнаго и дѣятельнаго. Но Димитрій обладалъ силою рѣдкою и хорошо владѣлъ оружіемъ: свирѣпый звѣрь палъ подъ его ударомъ, среди восклицаній восторга и удивленія зрителей. Въ конскихъ рыстаніяхъ и примѣрныхъ сраженіяхъ онъ былъ всегда среди дѣйствующихъ, самъ пробовалъ новыя пушки и стрѣлялъ изъ нихъ съ необыкновенною жѣткостью, самъ училъ воиновъ наѣздничеству и фехтованью, велѣлъ строить, штурмо-

вать и защищать вѣрности, бросался въ свалку и смѣлся, когда, въ замѣшательствѣ, его сшибали съ ногъ и давили. Однимъ словомъ, говорить современникъ иностранецъ, его глаза и уши, руки и ноги, рѣчи и поступки — все доказывало, что онъ былъ герой, воспитанный въ доброй школѣ, много видѣвшій и много испытавшій. Но тогдашніе Русскіе, и особливо простолюдины, не въ состояніи были цѣнить горячей дѣятельности молодого царя, — его называ къ воинскимъ трудамъ и забавамъ, его опытности въ ратномъ искусствѣ. Всѣ эти свойства для нихъ казались странностями, несомѣстными съ достоинствомъ особы государя.

А завистникамъ царя того и хотѣлось. Не говоря о Шуйскихъ, этихъ благодѣтеляхъ Дмитрія, никогда непитавшихъ любви къ своему питомцу, онъ опротивѣлъ и другимъ придворнымъ, какъ человѣкъ, несогласный съ ними ни въ образѣ мыслей, ни въ привычкахъ, ни во вкусѣ къ удовольствіямъ. Особенно досадно имъ было, что Дмитрій приблизилъ къ себѣ нѣкоторыхъ Поляковъ и двухъ изъ нихъ, братьевъ Бучинскихъ, избралъ даже въ тайные свои секретари. Тяжело запали также имъ въ душу и его насмѣшки надъ ихъ необразованностью. Отличая иностранцевъ за ихъ познанія, Дмитрій безъ церемоній говаривалъ

сановитымъ боярамъ, что они ничего не видали, ничему не учились, и общалъ посылать ихъ въ чужія земли, гдѣ бы они могли хоть сколько-нибудь образоваться. Разжигаемые завистью и оскорбленнымъ самолюбіемъ, придворные начали дружно работать надъ разрушеніемъ благоденствія царя, возведеннаго на престолъ ими самими. Они внушали тайно народу, что человекъ съ такими скомороховскими, Лишскими ухватками и обычаями не можетъ быть сыномъ великаго государя Іоанна Васильевича; рассказывали, что онъ ѣстъ Богопротивную телатину, вовсе не моетъ въ банѣ, держится тайно Латинской ереси, да и всѣхъ Русскихъ хочетъ обесурменать; что въ казѣ недочету уже болѣе семи милліоновъ рублей; что все это онъ роздалъ своимъ вѣсичамъ, которые у него вмѣсто поповъ, да Полякамъ и Нѣмцамъ, а потомъ наворачиваетъ новыми поборами съ простонародья; что и жениться онъ думаетъ не на православной, а на безбожной Латинкѣ и Луторкѣ, за которую и послалъ уже дьяка Власьева. По всему выходило, говорили бояре, что онъ не царскаго племени, а, видно, впрямь незаконный растрига Отрепьевъ.

Эти внушенія не остались безъ дѣйствія. Къ нимъ присоединилось неблагопріятное для царя впечатлѣніе, произведенное на народъ буйными Поляками, ко-

торые, какъ уже сказано, долго не выѣзжали изъ Москвы и позволяли себѣ съ горожанами всякія наглости, вообразить, что оказанная царю услуга даетъ имъ на то право. Теперь представилось народу въ ужасающемъ видѣ и то, что царь далъ Іезуитамъ обширный домъ въ самомъ Кремлѣ и позволилъ служить Латинскую обѣдню; тайные враги его истолковали это началомъ введенія въ Россію Римской вѣры, вмѣсто православія, хотя, какъ мы увидимъ послѣ, Димитрій былъ очень далекъ отъ исполненія своего обѣщанія папѣ, вынужденнаго обстоятельствами. Многіе ревностные сыны Церкви горько тужили о предстоящей, какъ они думали, гибели родной вѣры и не скрывали своихъ сѣтованій даже предъ соратниками царскими, Донскими, Дибровскими и Сѣверскими козаками, изъ которыхъ многіе оставлены Димитріемъ на службѣ въ Москвѣ и, подобно Полякамъ, обходились презрительно и нагло съ горожанами. Козаки не думали разувѣрять ихъ въ подозрѣніяхъ касательно уничтоженія предковѣчнаго православія; напротивъ, еще подсмѣивались надъ благочестивыми сѣтованіями Москвичей и называли ихъ Жидами. «Что вамъ до этого за дѣло?» говорили они. «Когда царю угодно, чтобы у васъ было Латинство, творите царскую волю, да и все тутъ. Пу-

скай царь дѣлаетъ, что ему полюбится, а вы, Жиды, чего тужите?» (9)

Возвращеніе умовъ часть отъ часу усиливалось. Одинъ монахъ рѣшился всенародно объявить, что знаетъ Дмитрія съ дѣтства, подъ именемъ Отрепьева, что даже училъ его грамотѣ и жилъ, вмѣстѣ съ нимъ, въ одномъ монастырѣ. Монаха схватили и, если вѣрить летописцу, тайно умертвили въ темницѣ. Но возмущеніе этимъ не кончилось. Торговые люди, давнѣе приверженцы Шуйскихъ, сильно шумѣли и, можетъ быть, рѣшились бы на какое-нибудь отчаянное дѣло, если бы не предупредила ихъ бдительность Басманова. Его полиція слѣдила за клеветами боярскими, и скоро онъ узналъ, что главою возмутителей народныхъ былъ князь Василій Іоанновичъ Шуйскій. Шуйскаго съ братьями взяли въ крѣпость за пристава (10). Улики были ясны: Шуйскій повинился. Но Дмитрій такъ убѣжденъ былъ въ своей царственности, что не хотѣлъ изречь ему

(9) Азр. Палицынъ, 28: «Враги же, его возведши козакъ, веселыхуся о погибели Христіанской, и плачущимъ въ бѣдахъ и всѣмъ скорбящимъ прещаху и Жиды нарицаху ихъ, глаголюще: яко царю угодно, тако и творите. вы же, Жидове, вскую о томъ сѣдуете?»

(10) Т. е. посадили подъ стражу.

собственного приговора и отдалъ своего обличителя на судъ народа. Созванъ былъ соборъ изъ людей всѣхъ чиновъ и званій, представлявшій собою государство, которое признало Димитрія истиннымъ сыномъ Грознаго. Это былъ моментъ, въ который Русскіе могли бы загладить совершенное надъ Борисовымъ дономеъ царубійство всевароднымъ признаніемъ своего заблужденія; но — или снѣлость поступка Димитріева въ этомъ дѣлѣ обезоружила многихъ его недоброжелателей, или представители сословіи опасались другъ друга, только соборъ единодушно признавалъ Шуйскаго лжецомъ и преступникомъ, достойнымъ смертной казни. Такимъ образомъ вся земля Русская, уже не въ волненіи мятежа, не въ страхѣ отъ иноземнаго покровительства Димитрію, но въ покоѣ и посреди собственной семьи народной, подтвердила ему снова наследственное право царствовать. Димитрій торжествовалъ и, въ избыткѣ великодушія, хотѣлъ показать Россіи, что не боится никакихъ вожделателей и желаетъ властвовать милостью, а не грозюю. Когда Шуйскаго вывели на добное мѣсто и уже палачъ взялъ въ руки топоръ, чтобъ снять ему съ плечь буиную голову, — появился изъ Кремля гонецъ и крича: «Стой!» показывалъ царскую грамоту. Въ грамотѣ было сказано, что царь, по просьбѣ своей матери и близкихъ особъ, да-

руеть преступнику жизнь. Шуйскихъ лишили только имущества и разослали въ Галицкіе пригороды; но еще съ дороги возвратили, отдали имущество и прежнія мѣста при дворѣ. Такимъ великодушіемъ, внушеннымъ, вѣроятно, благодарною памятью о прошломъ, Дмитрій думалъ покорить себѣ на-вѣки строптивыя души старыхъ крамольниковъ; но ювенческое чувство жестоко обмануло его, и нѣкоторые изъ придворныхъ тогда же предсказали, что Василій Шуйскій не оставитъ его въ покоѣ.

Не подѣйствовала также эта неумѣстная милость Дмитрія и на другихъ его обличителей. Въ Галичѣ еще живы были мать, дядя и братья его. Подущаемые монахами, которые больше всего боялись введенія новой вѣры, они, въ религіозной ревности, забывали опасность и гласно объявили, кто былъ мнимый сынъ Іоанна Грознаго. Дядю сослали въ Сибирь, прочихъ заключили. Въ самой Москвѣ нашлись люди, рѣшившіеся лучше пострадать смертію, нежели быть служителями Антихриста, какъ называли они Дмитрія. Явная улика Галичанъ, необыкновенное возвышеніе Дмитрія изъ бѣднаго мовзха до самодержца Всероссійскаго, не-православные его обычаи, любовь къ иноземцамъ, покровительство Іезуитамъ и даже — пустое по себѣ, но важное въ глазахъ невѣжества об-

стоятельство — жѣдный трехглавый черберъ, поставленный имъ на Москвѣ-рѣкѣ, противъ его палаты, устрашавшій народъ бряцаніемъ челюстей и прозванный адомъ⁽¹⁴⁾, все это вмѣстѣ заставило думать многихъ горячихъ поборниковъ вѣры, что царь есть истинное изчадіе ада, посланное на гибель святой Руси и Христіанства. И вотъ двое отважныхъ людей, дворянинъ Петръ Тургеневъ и мѣщанинъ Ѳедоръ Калачникъ, среди Москвы торжественно провозгласили, что царь — обманщикъ и орудіе сатаны. Ихъ схватили и подвергли пыткамъ, но ни въ мукахъ истязаній, ни даже въ послѣдній часъ, когда вели ихъ на казнь, они не перестали громко обличать Димитрія и пророчествовать

---

(14) Карамз. XI, пр. 402: «Сотвори себѣ (Ажедмитрія) въ сей жизни на погѣху, а въ будущей вѣкъ знаменіе превѣчнаго своего домовища, его же въ Россійствѣхъ изречеи ни въ иныхъ, кромѣ подземнаго, никто не видѣ: адъ преведникъ зѣло, имѣющъ у себя три главы, и содѣла обоклу челюстей его отъ жѣли бряцаніе велие; егда же раззерзеть челюсти своя, и изовнутрь его яко пламя» (то есть, подобіе, а не сажое пламя) «предстонищеиъ ту извалется... зубы же ему имѣюще ослабленны и ногти, яко готовы на ухваленіе, и изо ушю яко же пламени распалившусь; и постави его оиъ, проклятый, прамо себѣ на Москвѣ-рѣкѣ, себѣ на обличеніе, дабы ему изъ презысочайшихъ обиталищъ своихъ зрѣти ванъ повсегдѣ», и проч.

гибель отъ него всѣмъ Христіанамъ. Ихъ слѣпая ревность къ вѣрѣ производила, однакожь, мало вліянія на народъ, довольный вообще правленіемъ дѣятельнаго, правосуднаго и щедратаго царя. На ихъ возгласы толпа холодно отвѣчала: «По дѣломъ погибаете!» и призывала справедливость царскаго суда.

Видя такъ много недоброжелателей, старающихся посорить его съ народомъ, Димитрій пересталъ довѣряться Русскимъ стрѣльцамъ и учредилъ себѣ почетную стражу изъ трехъ сотъ Нѣмцевъ, подъ начальствомъ трехъ капитановъ. Старшимъ изъ нихъ считался капитанъ первой сотни, Французъ Яковъ Маржереть, хорошо образованный человѣкъ, оставившій намъ драгоцѣнное описаніе современной Россіи. Капитаномъ второй сотни былъ Ливонецъ Кнутсенъ, а третьей — Шотландецъ Альбертъ Вандеманъ. Первая сотня имѣла ружья и, сверхъ того, бердыши съ золотымъ царскимъ гербомъ; древки бердышей, обтянутые краснымъ бархатомъ, были усажены серебряными позолочеными гвоздями, увиты серебряной проволокою и украшены серебряными и золотыми кистями. Воины этой сотни получали такое жалованье, что могли, большею частью, носить бархатные плащи, обшитые золотымъ позументомъ и вообще одѣваться очень богато. Вторая сотня имѣла алебарды съ цар-

скимъ гербомъ, по обѣимъ сторонамъ, и носила кафтаны фиолетоваго цвѣта, обшитые красными бархатными шнурами, а рукава у кафтановъ были изъ красной камки. Третья сотня не отличалась оружіемъ отъ второй, но на исподнемъ платьи и на кафтанахъ носила зеленую бархатную обшивку, а рукава изъ зеленой камки. Каждый воинъ получалъ, сверхъ помѣстья, отъ 40 до 70 рублей годового жалованья и гордился своимъ званіемъ передъ дворянами. Эта гвардія раздѣлялась на двѣ половины, поочередно охранявшія царя днемъ и ночью. И какъ прежде Москвичи чудились безпечности и простотѣ обычаевъ царя, который часто выходилъ изъ дворца такъ, что придворные должны были отыскивать его у художниковъ и аптекарей, такъ теперь ужасались, когда въ быстрыхъ его разбѣгахъ, вокругъ него гремѣла толпа всадниковъ, вооруженныхъ блистающими алебардами (17). Еще досаднѣе сдѣлалось Москвичамъ,

(17) Авр. Палицынъ, 26: «И въ ходженіи и исхожденіи царскаго дому и по граду всегда со многими воинствомъ ѣзда же, спереди же и сзади его во бронѣхъ текуще съ протазаны и алебарды, и со иными многими оружіи; единъ же онъ токмо посреди ихъ, вельможн же и бояре далеко отъ него бѣху; и бѣ страшно видѣти множество оружіи блестящихся.»

когда Димитрій, часто опрометчивый въ своихъ распоряженіяхъ, привудилъ Арбатскихъ и Чертольскихъ священниковъ уступить гвардейцамъ ихъ дома, находящіеся вблизи двора, для того, чтобъ, въ случаѣ надобности, имѣть подъ рукою вѣрныхъ тѣлохранителей.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Сношенія съ Польшею, Римомъ и другими иноземными государствами. — Обрученіе съ Маріною Мишицкѣ. — Тайныя сношенія воевъ съ королемъ. — Медлительность Мишицка. — Бсннн. — Приготовленія къ войнѣ съ Турками. — Маневры. — Казнь стрѣльцовъ и дѣлка Ошнова. — Гибель многихъ людей за толки о самозванствѣ царя. — Самозванецъ Петръ. — Татищевъ. — Путешествіе Мишицка. — Представленія Мишицка въ Золотой Палатѣ. — Пиръ. — Въездъ Марины въ Москву.

Между тѣмъ какъ въ Москвѣ сила боролась съ силою, мысли Дмитрія растекались по иноземнымъ государствамъ, изъ которыхъ Польша, Римъ и Турція особенно его заботили. Съ Польшею связывала его любовь къ дочери Сивомирскаго Воеводы, Маринѣ Мишицкѣ, съ которой желалъ онъ раздѣлить престолъ свой; расположенность Римскаго папы нужна была ему для соединенія Христіанскихъ державъ къ войнѣ противъ Турціи, торжествомъ надъ которою онъ надѣялся возвысить свое имя въ мірѣ и угодиться, въ

глазахъ народа, своему мнимому отцу, завоевателю Казани и Сибири. Съ своей стороны, Польша и Рим влеклись къ Московскому царю интересами сильными. Польскій король надѣялся, что Димитрій, изъ благодарности къ нему за покровительство, въ бѣдственное время его жизни, долженъ согласиться на всѣ требованія Рѣчи Посполитой, а папа въ женитьбѣ царя изъ дочери ревностнаго католика видѣлъ вѣрный залогъ введенія въ Россіи Римскаго исповѣданія. И тотъ, и другой, однакожь, ошиблись. Димитрій перемѣнилъ теперь съ королемъ тонъ, объявилъ своимъ боярамъ, что не уступитъ Литвѣ ни одной пяди земли, и на требованія королевскихъ пословъ — отдать Польшѣ Сѣверскую землю, заключить съ Польшею вѣчный союзъ, позволить Іезуитамъ и прочему католическому духовенству свободу Богослуженія во всемъ Московскомъ государствѣ, и помочь Сигизмунду возвратить Шведскій престолъ — отвѣчалъ: »Земли Сѣверской не отдамъ, а дамъ за нее денежную сумму; союза съ Польшею отъ души желаю; церквей Латинскихъ и Іезуитовъ не хочу; возвратитъ Швецію помогу деньгами.« Димитрій не отрекся рѣшительно отъ своихъ обѣщаній потому только, что отъ короля зависѣло отпустить и не отпустить въ Москву панну Марину, дочь Юрія Мишкевъ. Съ панною велъ онъ переговоры о пред

полагаемой, войнѣ съ Турками, являлся привѣтственными грамотами и подарками, но не сказалъ ни слова ни въ официальныхъ письмахъ, ни въ тайныхъ посольскихъ наказахъ о введеніи въ Россію католичества. Не смотря на равнодушіе свое къ православію, онъ понималъ, что перемена вѣры въ государствѣ есть дѣло невозможное и великое. Пана надѣялся, что пана Марина будетъ, какъ онъ выражался въ письмахъ своихъ, первымъ апостоломъ католическимъ въ Москвѣ, и всѣми средствами торопилъ Юрія Мишка и короля къ ускоренію ея замужества (1), а Димитрій, между тѣмъ, требовалъ черезъ посла своего въ Краковѣ, чтобъ сама она наружно выполняла уставъ Церкви Греческой: такъ ясно понималъ онъ выгоду не прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ съ Русскими несконными понятіями и такъ охладѣлъ, со времени возвращенія на родину, къ вѣрѣ католической. За то и самъ онъ достигъ своей цѣли — образовать противъ Турковъ союзъ изъ Польской республики и Имперскихъ княжествъ. Поляки уклонялись отъ этого тягостнаго предпріятія народною враждою между ними и Пѣмца-

(1) По его желанію, Польскій дворъ уполномочилъ патера Славичаго обвѣщать Димитрія съ Мариною въ великій постъ. Тамъ же, № 63.

ми; король, безъ содѣйствія пановъ, не смѣлъ нападать на сильную тогда Турецкую имперію и условливался воевать съ одними Татарами; но это было для того только, чтобъ не сдѣлать прямого отказа. Дмитріи долженъ былъ ограничиться собственными силами да помощью непримиримаго врага Турковъ, Персидскаго шаха Аббаса, съ которымъ велъ дружескія сношенія.

Пока тянулись эти переговоры, 12 ноября произошло въ Краковѣ, въ присутствіи самого короля, обрученіе панны Марины съ Московскимъ царемъ, котораго лицо въ этомъ обрядѣ представлялъ его надворный подскарбій (прежде дьякъ) Аванасій Власьевъ. Этотъ уполномоченный сановникъ не могъ, или не хотѣлъ, приваровиться къ обычаямъ иноземнымъ и поступалъ, въ кругу Поляковъ, какъ на Руси. Такъ, во время молитвеннаго колѣнопреклоненія, онъ стоя слушалъ пѣніе непонятнаго для него Латинскаго псалма. На обычный при обрученіи вопросъ кардинала: «Не давалъ ли Дмитріи обѣщанія другой невѣстѣ?» онъ простодушно отвѣчалъ: «А мнѣ какъ знать? о томъ ничего мнѣ не наказано!» а когда потребовали отъ него точнаго отвѣта, онъ сказалъ: «Если бѣ обѣщаль другой невѣстѣ, то и не слалъ бы меня сюда.» Далѣе, отказался надѣть на палецъ, въ качествѣ представи-

тела жениха, обручальный перстень, а принялъ его въ дорогую матерію для доставленія царю. Отказался, также, взять царскую невесту просто за руку, а обертывалъ прежде свою руку въ чистый платокъ и вслѣдствіи старался, чтобъ одежда его не коснулась платья панны Марины. Потомъ, на пиру, изъ уваженія къ царской невестѣ и къ королю, не хотѣлъ сѣсть за столъ и, на приглашенія королевскія, отвѣчалъ, что не годится ѣсть холопу вмѣстѣ съ монархами, довольно ему и смотрѣть на нихъ; а послѣ обѣда отказался танцевать съ обрученною, говоря, что недостойно дотрогнуться до царицы. За то, когда она стала на колѣни передъ королемъ, чтобъ благодарить его за всѣ милости, Власевъ горло выразилъ негодованіе на униженіе, въ ея лицѣ, достоинства своего государя.

Узнавъ объ обрученіи, Дмитрію послалъ съ благодарностью къ королю и Юрію Мишкю Ивана Безобразова и торопилъ нареченнаго тестя скорѣйшимъ выѣздомъ въ Москву. Но, сверхъ его чаянія, выѣздъ этотъ задержался цѣлыми мѣсяцами. Дѣло въ томъ, что Безобразовъ былъ усердный клеветъ враждебныхъ Дмитрію бояръ и тайно передалъ королю ропотъ на него князей Шуйскихъ и Голицыныхъ за содѣйствіе распутному, злобному и легкомысленному бродягѣ въ достиженіи Московскаго престола. Бояре,

не надѣясь поднять на Самозванца большинство простонародныхъ, вообще преданныхъ царю, старались поднять на него бурю извѣстий, подъ шумъ войны, опрокинуть престолъ ненавистнаго своего воспитанника. Для этого они хитро задѣли самую чувствительную струну Сигизмунда: Безобразовъ сообщалъ ему намѣреніе ихъ свергнуть Дмитрія съ престола и возвести на него королевича Владислава. Король отбѣчалъ, съ лицемѣрною скромностью, что онъ не увлекается честолюбіемъ и сына своего научаетъ той же умеренности, предоставляя все волю Божіей, но тутъ же объявилъ, что не станетъ препятствовать боярамъ въ ихъ предпріятіи. Сигизмундъ давно понялъ свою ошибку касательно Дмитрія; горьки ему были упреки вельможъ, что онъ потерялъ случай выторговать у покойнаго Бориса всевозможныя уступки въ пользу республики, и онъ радъ былъ поправить теперь свою ошибку, содѣйствуя боярамъ. Онъ сообщилъ Московскія вѣсти Юрію Миншку, и это-то обстоятельство было причиною медленности его выѣзда въ Москву. Миншекъ сталъ внимательнѣе прислушиваться къ неблагоприятной молвѣ о Дмитріи, котораго уже не въ одной Россіи, но и въ Литвѣ и Польшѣ многіе называли бѣглымъ монахомъ и пророчили скорое его паденіе. Эту молву провеселитамъ, большею частью, Поляки, воз-

вратившіеся съ обманутыми надеждами изъ службы при Московскомъ царѣ. Новые слухи, приходившіе отъ поры до поры въ Краковъ, подтверждали ее. Юрій Мишкевъ медлялъ, подъ разными предлогами: то говорилъ, что не имѣеть денегъ на уплату долговъ и на подъемъ въ дальнюю дорогу; то поставлялъ важнымъ препятствіемъ къ выѣзду послѣднее въ Польшѣ слухи, что царь живетъ въ предосудительныхъ связяхъ съ дочерью покойнаго царя Бориса ⁽²⁾. Дмитрій въ ожиданіи невѣсты, дѣйствительно взялъ къ себѣ Ксенію и этимъ поступкомъ доказалъ искорченность нравовъ, общую ему съ тогдашнимъ вѣкомъ. Любовь къ блистательной Полькѣ была, однакожь, такъ въ немъ сильна, что, получивъ намекъ отъ нареченнаго тестя, онъ немедленно удалилъ отъ себя несчастную Ксенію въ Бѣлозерскій монастырь, гдѣ она и была пострижена, подъ именемъ Ольги. Что касается до денегъ, то Дмитрій не шадилъ для тестя и для невѣсты ничего и посылалъ въ Самборъ суммы за суммами. Не смотря, однакожь, на все это, Юрій Мишкевъ медлялъ и ожи-

(2) *Собр. Гос. Гр. и Д.* II, 243: «И поелику (писалъ Мишкевъ) извѣстна царица, Борисова дочь, близко насъ находится, то благоволите В. Ц. В., внявъ совѣту благо-разумныхъ съ сей стороны людей, отъ себя ее отдалить.»

далъ страшной вѣсти о гибели Самозванца, а вмѣстѣ съ нимъ и о гибели собственныхъ блистательныхъ надеждъ. Между тѣмъ Авдасій Власьевъ, посланный въ Слонимъ съ многочисленною свитою и лошадьми, для встрѣчи и провожанія царской невесты въ Москву, томился скукою безконечнаго ожиданія, надерживался и боялся гнѣва Дмитріева за медленность порученныхъ его заботамъ гостей. О Дмитрія и говорить нечего: онъ дошелъ до высшей степени нетерпѣнія и посылалъ къ Мишкину письмо за письмомъ, то съ сердитыми упреками за медленность, то съ покорными мольбами не мучить его долѣе. Наконецъ Сещомирскій воевода, видя, что Москва повинуется по-прежнему Дмитрію, перестала придавать важность слухамъ о страшномъ заговорѣ противъ него бояръ, духовенства и торговыхъ людей, и двинулся въ дорогу въ сопровожденіи многочисленныхъ родныхъ, пріятелей и слугъ. Однакожь еще колебался между стремленіемъ къ величію и страхомъ гибели, хотѣлъ-было даже воротиться назадъ, подъ предлогомъ огорченія за грубую настойчивость царскихъ пословъ, и растянулъ дорогу такъ, что, выѣхавъ въ началѣ января 1605 года, едва въ апрѣлѣ достигъ Русской границы.

Между тѣмъ Дмитрій готовился къ походу на Азовъ, съдѣлавъ множество большихъ пушекъ и мортиръ, и еще

зимою отправилъ ихъ въ Елецъ, а рати велѣлъ готовиться къ великому походу и по веснѣ выступить въ южную украину, однимъ по Дону на стругахъ, а другимъ стѣйными сакмами къ Ельцу. Мечтая о геройскихъ подвигахъ въ войнѣ съ Татарами и Турками, Димитрій дѣлалъ зимою примѣрные осады ледяныхъ крѣпостей. Онъ думалъ этимъ способомъ ознакомить своихъ поеводъ съ осаднымъ искусствомъ; но вражда ихъ къ Нѣмецкой царской дружинѣ наша тутъ новый источникъ обидъ и неудовольствій. Однажды онъ велѣлъ обвести ледянымъ валомъ Вяземскую обитель, въ 30 верстахъ отъ Москвы, и поручилъ защищать эту крѣпость князьямъ и боярамъ съ дружиною стрельцовъ, а самъ пошелъ на приступъ съ Нѣмцами. Тѣмъ и другимъ, вмѣсто оружія, служили снѣжные комья. Нѣмцы воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ отомстить боярамъ за ихъ вражду и, вмѣстѣ съ снѣгомъ, принялись метать каменя. Ничего не замѣчая, пылкій предводитель съ жаромъ продолжалъ приступъ и первыйъ ворвался въ крѣпость. Побѣдители и побѣжденные сѣли вмѣстѣ за столы и стали пировать. Радостный царь, вознося кубокъ, говорилъ: «Дай Богъ взять намъ такъ и Азовъ!» и велѣлъ готовиться къ новой погѣхѣ. Но тутъ кто-то изъ приближенныхъ шепнулъ ему, что онъ играетъ въ опас-

ную игру, что бояре злятся на Нѣмцевъ, которые осмѣлились бросать въ нихъ каменьями, что у Нѣмцевъ нѣтъ никакого оружія, а у всѣхъ бояръ припасено по острому ножу, такъ не вышло бы худой шутки. Царь одумался и немедленно возвратился въ столицу.

Москва продолжала волноваться разными опасеніями: то провозился въ народѣ слухъ, что царь, подъ видомъ ратной потѣхи, хочетъ съ своими Нѣмцами перебить всѣхъ бояръ; то говорили, что онъ велѣлъ составить описи монастырскимъ имуществамъ, съ тѣмъ, чтобъ ограбить древнія святыни на жалованье войску, для войны съ Турками. Бояре и монахи нашли средство возбудить даже въ стрѣльцахъ ненависть къ Дмитрію. Стрѣльцамъ было досадно, что не изъ нихъ набрана царская гвардія. «Царь насъ не любитъ и не вѣритъ намъ», говорили они. «Чего жъ намъ ждоть, когда прійдетъ изъ Польши вѣвѣста и привезетъ съ собою Полаковъ? Сколько тогда накопится иноземной злобичи!» Отъ оскорбленнаго самолюбія и зависти запылало съ большимъ жаромъ и оскорбленное религиозное чувство. Стрѣльцамъ, какъ и всѣмъ Москвитчамъ, было досадно, что за Дмитріемъ въ самую церковь слѣдовали его тѣлохранители, «безбожные Латины и Луторы». Презирая Русскій народъ, эти иноземцы естественно не почитали его святыни: гремѣли ору-

жіемъ во время Богослуженія, облакачивались на гробницы, опирались о раки съ мощами. Стрѣльцы, просто, заговаривали, что царь разорветъ вѣру православную, и нѣкоторые стали замышлять, какъ бы освободиться отъ него и отъ ненавистныхъ его хранителей. Къ счастью для Димитрія, одинъ изъ заговорщиковъ намѣнилъ товарищамъ и сказалъ объ ихъ замыслахъ Басманову, а Басмановъ царю. Димитрій и въ этомъ случаѣ поступилъ по-прежнему: отдалъ виновниковъ на судъ товарищей. Тогда стрѣльцы доказали ему, что, не смотря на множество тайныхъ враговъ, есть у него люди, преданные ему всею душою. Стрѣлецкій голова, Григорій Микулинъ, грубо, но сильно выразилъ свою вѣрность: «Позволь мнѣ, государь», сказалъ онъ, «я у тѣхъ твоихъ, государевыхъ, намѣнниковъ не только что головы покусая, но и черева изъ нихъ своими зубами повытаскаю!» и выразительно мигнулъ своей дружинѣ. Стрѣльцы бросились на преступниковъ и въ минуту изсекли ихъ въ мелкія части.

Скоро Димитрій снова почувствовалъ грозное состояніе умовъ нѣкоторой части Московскаго народонаселенія. Дьякъ Тимофей Осиповъ, убѣжденный несомнѣнно въ его самозванствѣ, рѣшился обличить его всенародно, не щадя жизни; говорилъ нѣсколько дней дома, пріюбился сватыхъ Тавнъ и, являсь во дворцѣ

предъ царя, окруженнаго боярами, сказали ему: «Ты истинну Гришка Отрепьевъ, рострига, а не необходимый цесарь, ни царева сынъ, Дмитрій, но рабъ грѣха и еретикъ!» На этотъ разъ пылкость характера не позволила Дмитрію оказать равнодушнаго презрѣнія къ безумному, какъ онъ могъ думать, обличителю: онъ приказалъ тотчасъ казнить его. Поступокъ Осипова одушевилъ многихъ другихъ дерзновенною ревностью къ истинѣ и неварушимости вѣры. На улицахъ, въ домахъ и въ особенности въ монастыряхъ проносилось безпрестанно слово *растрига*, служа однимъ къ выраженію безсильной злобы, а другимъ—средствомъ къ донавательству своего усердія передъ царскими приверженцами. Взаимная вражда партій сдѣлала и изъ Дмитріева правленія то же, что было при Борисѣ. Какъ въ то время господа не смѣли поднимать глазъ на своихъ холопей, безначальныхъ доносчиковъ (?), такъ и теперь многие почетные и зажиточные люди смирились передъ властью низкой черни и козаковъ, тужили отъ нихъ тайно и старались удовлетворять

(?) Авр. Палицынъ; 9: «Рабомъ же на (господя) только понусти (Борисъ) клеветати, яко и зрѣти не смѣюще на холопей своихъ.»

нихъ требованіямъ, чтобъ не подвергнуться доносамъ. Чѣмъ опаснѣе становилось положеніе государя, тѣмъ ревностнѣе дѣйствовали его недостойные угодники: предвидя съ его гибелью собственныя бѣдствія, они опереживали его приказы и, во имя царя, совершали много тайныхъ истязаній и казней. Пишутъ, что въ это время многіе безвѣстно погибали, и не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ, по монастырямъ и городскимъ домамъ, разнаго званія люди были схватываемы и заточаемы въ невѣдомыя пустыни и подземелья, а многимъ рыбная утроба сдѣлалась вѣчнымъ гробомъ. (*)

Между тѣмъ на границахъ еще разъ отозвалась болѣзнь, которою сильно былъ зараженъ тогда составъ государства: толпа козаковъ, это накопленіе вредныхъ соковъ въ разстроенномъ организмѣ Московскаго царства, не вся подвинулась на возвращеніе престола ми-

---

(*) Тамъ же, 27: «Отъ злыхъ же враговъ, козаковъ и холопей, вси уиин токмо плачуще, слова же рещи не смѣюще. Аще бо на кого нанесутъ, яко роустрою нарицаеть, и той человекъ безвѣстно погибаетъ, и во всѣхъ градахъ Россійскихъ, и въ честныхъ монастыряхъ и мірстѣн, и иноши мнзи погибоша, оиинъ заточеніемъ, оиѣмъ же рыбная утроба вѣчный гробъ бысть.»

ному Дмитрію. Отдаленная масса ея, сторожившая, под именемъ Терскихъ козаковъ, южныя при-Кавказскія границы, осталась вѣ движенія, произведеннаго его появленіемъ. Узнавъ вѣздо о счастливыхъ походахъ Донской ватаги и о чести, какую гонимый прежде Донъ снискалъ у новаго царя, они завидовали такой благодати и готовы были подражать своимъ сосѣдямъ. Тогда болре, подмѣчавшіе всѣ обстоятельства, могущія вредить Дмитрію, увидѣли въ Терскихъ козакахъ новое орудіе для своихъ козней. Они рѣшились употребить противъ Дмитрія то же средство, какое употребили противъ Годунова, и передали козакамъ выдумку, что дочь царя Феодора, умершая въ младенчествѣ, была подкидышъ, что Годуновъ, опасаясь наследника престола, подмѣнилъ будто бы этою дѣвочкою ребенка мужескаго пола, тотчасъ по рожденіи его на слѣтъ, и хотѣлъ истребить его, но что ребенокъ былъ спасенъ боярами, окрещенъ подъ именемъ Петра и скитається теперь въ толпѣ козаковъ, страшась также Дмитрія, какъ прежде страшился Годунова. Вѣсть эта была на руку козакамъ: они отыскали отчаяннаго молодца, именемъ Илью Муромца, назвали его царевичемъ Петромъ и, въ числѣ 4 тысячъ, отправились мимо Астрахани, вверхъ по Волгѣ, для возвращенія царевичу престола: дерзость, объ-

яснимая только тайными ободреніи бояръ, которые накопили уже сильную партію недовольныхъ, готовыхъ возстать на Дмитрія при первой возможности. Дмитрій началъ по опыту, какъ легко Русскіе простолюдины хватаются за имя «истиннаго, прирожденнаго царя», и, вмѣсто отпора, послалъ къ мнимому сыну Феодора приглашеніе мирно пожаловать въ Москву и раздѣлить съ нимъ царскую власть. Не извѣстно, какъ бы онъ съ нимъ управился въ Москвѣ, если бы дожилъ до его прибытія, но козаки смѣло пошли впередъ съ своимъ царевичемъ.

Такъ, забывая со всѣхъ сторонъ, бояре отвлечали вниманіе царя отъ своего заговора и ждали только прибытія его невесты, чтобъ, подъ шумъ свадьбы, взорвать искусно и терпѣливо приготовленный подкопъ. Гибель Дмитрія до того у нихъ была разсчитана, что они не боялись даже его опалы и дерзко осуждали его домашнія привычки и обычаи. Однажды, въ концѣ великаго поста, подали за царскимъ столомъ жареную телятину. Князь Василій Шуйскій сказалъ царю, что Русскіе не ѣдятъ въ постъ мяса. Дмитрій началъ доказывать ему, что въ этомъ грѣха еще немного. Тогда думный дворянинъ Татищевъ грубо вмѣшался въ споръ и наговорилъ царю такихъ колкостей, что тотъ вынулъ его изъ-за стола и только, по

просьбѣ Басманова, пощадить отъ заточенія ^(*). Басмановъ старался миротворствомъ утѣшить вражду между пражерженцами Димитрія и тайными его врагами: не зная, что спасетъ отъ опалы будущаго убійцу своего!...

При такихъ-то обстоятельствахъ Юрій Мишкенъ, все еще томимый слутнымъ ожиданіемъ бѣды, поднимался медленно съ своею дочерью въ Москвѣ, и въѣзды ихъ въ Русскую столицу, великолѣпный въ возможной степени, и ихъ пиры и торжества, гдѣ расточень былъ радостнымъ паремъ всевозможный блескъ пышныхъ церемоній, своей трагической противоположностью съ невидимыми опасностями тяжело волнуютъ душу того, кто знаетъ, какъ все это кончилось.

Чтобъ дать понятіе, до какой степени Димитрій разсыпалъ царскія сокровища, не зная, въ обаяніи любви, какъ украсить, почтить и возвеличить свою невесту, нечислимъ одни подарки, представленныя Маринѣ въ Краковѣ, послѣ обрученія, Аванасіемъ Властьевымъ. Отъ имени царской матери поднесенъ ей тог-

(*) Маржеретъ, 90: «Въ день пасхи Татишевъ получилъ прощеніе,.... хотя всѣ догадывались.... что Татишевъ задумалъ какое-то коварное дѣло, ибо никогда прежде онъ такъ не поступалъ, какъ дней за 13 до своей опалы.»

да образъ Св. Троицы въ золотой ризѣ, осыпанный драгоценными каменьями, а отъ имени самого царя золотой корабль, осыпанный также каменьями, гранитовая чарка, большіе часы въ футлярѣ съ трубаками и барабанщиками, перстень съ большимъ алмазомъ, драгоценная запона, большая птица съ алмазами и рубинами, бокалъ червонаго золота съ дорогими каменьями, серебряный вызолоченный сосудъ превосходной работы, крылатый звѣрь, оправленный золотомъ и дорогими каменьями, драгоценное изображеніе богини Діаны, сидящей на золотомъ оленѣ, серебряный пеликанъ, достающій для дѣтей собственное сердце, павлинь съ золотыми искрами, нѣсколько жемчужинъ величиною въ мускатный орѣхъ, множество нитокъ жемчугу обыкновеннаго, вѣсомъ вообще, если вѣрить, болѣе трехъ пудъ, и цѣлыя кнѣпы парчи и бархату. Кромѣ того, вручены были соотвѣтственно богатые дары самому Юрію Мишкину, женѣ, матери и сыну его. Но, не смотря на всѣ прежде присланныя суммы денегъ и эти безпримѣрные подарки, такова была расточительность, или безстыдство Сендомирскаго воеводы, что, понуждаемый царемъ къ скорѣйшему выѣзду въ Москву, онъ еще отговаривался невозможностью уплатить долги, слѣзанные въ Краковѣ,

во время обручальнаго торжества, и вымогалъ отъ Димитрія новыя и новыя суммы денегъ и подарки. (*)

Зато набранный имъ поѣздъ изъ родственниковъ, дворянъ и слугъ соотвѣтствовалъ знаменитости свадьбы. Тутъ, кромѣ сына и братьевъ Юрія Мишка, съ ихъ женами и родственниками, были паны Стадницкіе, Вишневецкіе, Любомирскіе, Тарло и множество другихъ. Всѣ они ѣхали въ сопровожденіи своихъ дру-

---

(*) Такъ, 3 января (н. с.), царь прислалъ снова въ Краковъ возводъ 300,000, а сыну его 30,000 злотыхъ. (Изъ подлиннаго письма Лжедмитрія, напечатаннаго въ *Собр. Гос. Гр. и Д.* II, 227, видно, что онъ послалъ черезъ Вучинскаго только 200,000 злотыхъ; но, или онъ, опасаясь бояръ, уменьшалъ перелъ ими огромность даровъ, или Поляки изъ тщеславія записывали въ дневникъ болѣе). При этихъ деньгахъ отданы возводъ: 1) узорочье съ изображеніемъ на одной сторонѣ *Исуса*, а на другой *Миріи*, въ брилліантахъ, которыхъ было на обѣихъ сторонахъ 96; 2) нѣтъ червоннаго золота, усыпанная 136 брилліантами; 3) четки изъ жемчужинъ величиною въ большой горохъ; 4) браслеты изъ алмазовъ, переплетенныхъ жемчугомъ; 5) золотой ларчикъ съ жемчугомъ; 6) три слитка золота цѣною въ 15 тысячъ злотыхъ; 7) два большія золотыя блюда и 12 малыхъ; 8) гіацинтовая солонка, оправленная золотомъ; 9) гіацинтовый бокалъ съ крышкою, оправленный золотомъ; 10) золотой рукомылакъ и тазъ съ изящными барельежами, и 11) перстень съ тремя алмазами. (*Дневн. Мар. Миш. II.*)

жмкѣ, дворякѣ и слугѣ, такъ что всего поѣзду набралось болѣе двухъ тысячъ человекъ. Ихъ безчисленные экипажи, гардеробы, походныя кухни, ряды повозокъ съ винными бочками, верховыя лошади и проч. давали свадебному поѣзду видъ войска, идущаго въ непріятельскую землю. И въ самомъ дѣлѣ, не одна пышность павская заставила Юрія Мининка и его вельможныхъ гостей ѣхать въ Москву съ такою многочисленною свитою. Старые враги Русскихъ, они не довѣряли ихъ правдамъ гостепрѣимства, которое должно было бы, во всякомъ случаѣ, обезпечивать жизнь, свободу и имущество иноземцевъ. Всѣ гости были вооружены съ ногъ до головы, и не было повозки, въ которой не было бы у нихъ припасено менѣе пяти ружей.

Они вѣхали въ Россію со стороны Смоленска. Еще за этимъ городомъ ожидали ихъ, уже нѣсколько мѣсяцевъ, болѣе тысячи царскихъ людей, для встрѣчи и провожанія царицы. Во главѣ этого конвоя были мининъ для Дмитрія, Михайло Нагой, и князь Василій Мосальскій. Они представили Маринѣ, въ подарокъ отъ царя, 54 бѣлыя лошади съ бархатными шорами и три зимнія кареты, обитыя внутри соболями. Карета, назначенная собственно для Марины, была необыкновенной величины и запрягалась двѣнадцатью лошадьми, внутри и по бокамъ обита алою парчею, широки-

ма литыми изъ серебра бляхами вмѣсто бахрамы, а верхъ и окна были подшиты превосходными соборами; сзади кареты прикрѣпленъ былъ большой орелъ, весь изъ серебра съ позолотою. Возницы и вершники при этихъ саняхъ были все въ парчевыхъ платьяхъ и черныхъ льсовыхъ шапкахъ. Въ такомъ великолѣпнѣмъ вѣхала будущая супруга царя въ Смоленскъ, гдѣ жители и духовенство встрѣтили ее со всевозможными знаками почитанія. Афанасій Власевъ, неразлучный доселѣ спутникъ свадебныхъ гостей, ускочилъ изъ Смоленска впередъ, съ донесеніемъ царю о вѣздѣ въ его предѣлы невѣсты, и встрѣтилъ ее снова на дорогѣ, съ драгоценными подарками (7). По просьбѣ Дмитрія, Юрій Мишкевъ съ сыномъ и княземъ Вишневецкимъ поспѣшили въ Москву для предварительныхъ условій касательно свадебныхъ обрядовъ и церемоній, а Марина продолжала подвигаться медленно къ мѣсту своего торжества и бѣдствій, о которыхъ еще на границѣ сказало ей вѣщее сердце.

(7) То были: алмазная корона, брилліантовая повязка на шляпу, алмазная запонка, 4 слурка крупнаго восточнаго жемчугу, нѣсколько десятковъ антокъ мелкаго жемчугу и двое золотыхъ часоковъ: одни въ барашѣ, а другіе въ верблюдѣ (*Дневн. Марины, Мишкевъ, 19*).

Апрѣля 24, Юрій Мишкекъ и его спутники приблизились къ столицѣ и получили въ подарокъ отъ царя по дорожному коню. Уда, стремяна и прочія принадлежности сбруи на конѣ, назначенномъ для воеводы, были изъ чистаго золота и вѣсили 10 тысячъ червонцевъ. Не буду описывать сдѣланныхъ царскому тестю встрѣчь отъ Басманова и другихъ бояръ, вѣстѣ съ войскою и народомъ. Перейдемъ къ пріемной церемоніи, которая происходила на другой день и въ которой Поляки были поражены невиданнымъ великолѣпіемъ царскаго престола. Къ этому-то времени готовилъ Дмитрій произведенія своихъ художниковъ, стоившія ему огромныхъ суммъ и составлявшія предметъ его прогулокъ, въ послѣобѣденную пору дня. Онъ желалъ предстать взорамъ невесты и ея соотечественниковъ въ величій, невозможномъ для короля Польскаго.

Юрія Мишка и его спутниковъ провожалъ большой отрядъ стрѣльцовъ отъ квартиры до большихъ сѣней Золотой Палаты, наполненныхъ боярами, пышно одѣтыми. Изъ сѣней ввели ихъ въ пріемную залу. Царь сидѣлъ на тронѣ въ одеждѣ, унизанной жемчугомъ, въ алмазномъ и рубиновомъ ожерельѣ, на которомъ висѣлъ смарагдовый крестъ; на головѣ императорская корона, а въ рукѣ драгоценный скипетръ.

Весь тронъ былъ изъ чистаго золота, вышиною изъ три локтя, подъ балахиномъ изъ четырехъ щитовъ, расположенныхъ крестообразно; надъ щитами круглый шаръ, а на шарѣ съ распущенными крыльями двуглавый орелъ. Подъ балахиномъ также золотое распятіе съ огромнымъ Восточнымъ топазомъ, а надъ самымъ трономъ образъ Богоматери, осыпанный драгоценными каменьями. Отъ щитовъ надъ колоннами висѣли двѣ кисти изъ жемчугу и драгоценныхъ каменьевъ, въ числѣ которыхъ находилася топазъ величиною болѣе гречскаго орѣха. Колонны утверждались на двухъ лежащихъ серебряныхъ львахъ, величиною съ волка; два другіе льва лежали у заднихъ угловъ престола. По сторонамъ стояли на высокихъ серебряныхъ ножкахъ два грифа, изъ которыхъ одинъ держалъ государственное яблоко, а другой обнаженный мечъ. Къ трону вели три ступени, покрытыя золотою парчою. У самихъ ступеней, по обѣимъ сторонамъ, стояло передъ паремъ по два рында въ бѣлыхъ парчевыхъ кафтанахъ, подбитыхъ и обложенныхъ горностаями, съ золотыми шпями, вислицами крестообразно на груди, и въ бѣлыхъ сапогахъ. Каждый изъ нихъ держалъ на плечѣ небольшую широкую сѣкиру, съ украшенною золотомъ и драгоценными каменьями рукояткою. По лѣвую руку царя стоялъ Дмитрій Шуй-

скіи, въ темной, каштановаго цвѣта бархатной и парчевой одеждѣ, подбитой соболями. Обѣими руками держалъ онъ обнаженный мечъ съ золотымъ крестомъ. За нимъ стоялъ страпцій съ царскимъ платкомъ въ рукахъ. А по правую сторону трона сидѣлъ въ черныхъ бархатныхъ креслахъ патріархъ. Раса на немъ была изъ чернаго бархату, по краямъ обшита, на ладонь-ширною, жемчугомъ и дорогими камешками. Передъ нимъ держали на золотомъ блюдѣ крестъ и въ серебряномъ сосудѣ святую воду. Ниже патріарха сидѣли митрополиты и архіереи, а за ними — сенаторы и дворяне, изъ которыхъ одни стояли, а другіе сидѣли. На лѣвой сторонѣ также сенаторы и дворяне. Поляки, пришедшіе съ Димитріемъ изъ Польши, стояли отдѣльною группою. Помость всей залы и скамьи были покрыты Персидскими коврами.

Вступя въ этотъ чертогъ, Юрій Мишкекъ, по видимому, былъ пораженъ величіемъ, въ которомъ увидѣлъ будущаго зятя своего. Остановясь посреди залы, онъ нѣсколько времени смотрѣлъ на все молча, потомъ поклонился и произнесъ рѣчь, въ которой всего замѣчательнѣе начало: «Видя», говорилъ онъ, «своими глазами ваше императорское величество на этомъ тронѣ, я не знаю, не богѣ ли я долженъ удивляться, нежели радоваться. Могу ли, безъ удивленія, смотрѣть

из того, кто уже нѣсколько лѣтъ считался мертвымъ, а теперь окруженъ такимъ величіемъ, — кто хотя наслаждался жизнью, но для многихъ умеръ и отжилъ для сѣбя?... Такъ, прежняя жизнь ваша, въ сравненіи съ настоящею, была не жизнь, а смерть: судьба назначила вамъ обширнѣйшее царство, а вы считались странникомъ въ земляхъ чуждыхъ! О счастье! какъ ты не постоянно! какъ ты играешь смертными!« Далѣе, онъ поздравилъ царя съ возвращеніемъ престола, выставилъ его доблести, благодарилъ за честь, оказанную своему дому, но, какъ истинный Полякъ, не считалъ этой чести чрезвычайною. «Я не столь самонадѣтеленъ и смѣлъ, говорилъ онъ, «чтобъ быть равнодушнымъ къ такому счастью, — я вижу себя отъ восторга; однакожъ, если размыслию, какъ воспитана дочь моя, съ какими стараніемъ отъ самой колыбели внушали ей всѣ добродѣтели, свойственныя ея состоянію, — эта мысль ободряетъ меня, и я смѣю могу именовать васъ своимъ зятемъ. Не буду уже говорить о томъ, что дочь моя родилась въ государствѣ свободномъ, что отецъ ея занимаетъ не послѣднее мѣсто въ королевскомъ совѣтѣ, и что въ вашей странѣ каждый дворянинъ можетъ достигнуть высшей степени достоинства и почестей.»

Слушая эту рѣчь, Дмитрій, видно, самъ исполнил

ся трогательной мысли о чудномъ промыслѣ Божіемъ, проводшемъ его такими необыкновенными путями къ царскому величію: онъ нѣсколько разъ утиралъ платкомъ глаза. На привѣтствіе воеводы отвѣчалъ за царя Авакасій Власевъ, и потомъ Юрій Миншекъ, сынъ его, князь Вишневецкій и Польскіе дворяне цѣловали руку Дмитрія. Царь пригласилъ всѣхъ ихъ къ столу, но сперва весь дворъ отправился къ обѣднѣ, и оттуда возвратились въ новый дворецъ Дмитрія.

Авторъ Дневника Марины Миншекъ такъ описываетъ происходившее въ немъ шествіе: »Дворецъ Дмитрія деревянный, но красивый и даже великолѣпный. Дверные замки въ немъ вызолочены червоннымъ золотомъ; печки зеленныя, а нѣкоторыя обведены серебряными рѣшетками. Предъ столовою, въ сѣняхъ, стояло множество золотой и серебряной посуды, между прочимъ, семь бочекъ серебряныхъ съ вызолоченными обручами, величиною въ сельские бочки. Вся столовая посуда золотая; множество было серебра, рукоошниковъ, тазовъ и прочаго. Столовая обита Персидскою голубою тканью; занавѣсы у оконъ и дверей парчевыя; тронъ покрывала черная ткань, вышитая золотыми узорами. Царь сѣлъ на отдѣльный столъ, серебряный съ позолотою, навры-

тѣмъ скатертью, вышитую золотомъ. По лѣвую руку его, за другимъ столомъ, сидѣлъ воевода съ своими пріятелями, а подлѣ него, за третьимъ столомъ, противъ царскаго, помѣстили насъ, слугъ, попарно съ Русскими, которые насъ потчивали. Тарелокъ намъ не подали: дали ихъ только четыремъ панамъ, да и то, сказала Дмитрій, онъ сдѣлалъ это противъ обычая. По правую руку царя сидѣли сенаторы, конхъ по-Русски называютъ думными боярами. Воды не подавали. Изъ огромнаго, вышиною въ человѣка, серебрянаго съ позолотою сосуда вода лилась кранами въ три таза: но никто не мылъ рукъ. Вся комната, до самого потолка, была наполнена столовою посудой, по большей части золотою и серебряною. Она представляла львовъ, драконовъ, единороговъ, оленей, грифовъ, ящерницъ, лошадей и тому подобное. Когда устали за столы, принесли кушанье разнаго сорта, рыбное: это случилось въ пятницу. Сначала уставили блюдами одного сорта весь столъ вдоль, такъ что одно блюдо было отъ другого не далѣе трехъ четвертей аршина. Снявъ первое блюдо, ставили такимъ же образомъ другое, потомъ третье и т. д. Хлѣба на столѣ не было; но когда сѣли за него, царь разослалъ каждому по большому ломтю бѣлаго хлѣба, изъ коего мы сдѣлали себѣ тарелки. Обѣдъ продолжался нѣсколько ча-

совъ. Подавали весьма много вкуснаго пирожнаго, разнымъ способомъ приготовленнаго. Наковецъ дошло до кашитковъ. Сначала выпилъ царь, сперва за здоровье воеводы, потомъ за здоровье родственниковъ его; намъ же, изъ царской милости, пожаловано по чаркѣ вина. Послѣ того поставили на столъ, въ золотыхъ сосудахъ, множество меда, подслащеннаго пива и другихъ напитковъ, чего кто хотѣлъ. Прислуживаютъ за царскими столами просто, безъ поклоновъ; даже стольники не снимаютъ шапокъ и только слегка наклоняютъ голову. Послѣ обѣда закусокъ не было; только привесли небольшое блюдо съ сливами, которыя царь своеручно раздавалъ стольникамъ, въ знакъ своего благоволенія въ ихъ службѣ. Таково обычай царей Московскихъ!

Въ слѣдующіе пять дней шли также шеры и забавы. Между тѣмъ панва Марина окончила свое торжественное шествіе къ Русской столицѣ и остановилась за 14 верстъ отъ нея, на лугахъ Москвы-рѣки, гдѣ, на подобіе города, разбиты были для нея драгоцѣнные шатры. Тамъ, наканунѣ, Дмитрій забавлялся охотою съ нареченнымъ тестемъ своимъ, убилъ собственною рукою огромнаго медвѣдя, обѣдалъ подъ этими шатрами и оставилъ невѣстѣ, въ устахъ усердныхъ слугъ, ужасающую и чарующую женское сердце исто-

рию опаснаго своего подвига (*). Провела два дня въ отдыхѣ и принявъ дары отъ Московскихъ купцовъ и мѣщанъ, Марина двинулась далѣе. Впереди ѣхали тысячи боярскихъ дѣтей, провожавшихъ ее отъ самой границы, съ луками и стрѣлами; за ними 200 Польскихъ гусаръ Сендомирскаго воеводы, съ бѣлыми и красными значками на шкахъ; далѣе знатнѣйшіе дворяне, также сынъ, зять и братъ воеводы, всѣ въ богатыхъ одеждахъ, на красивыхъ коняхъ Турецкихъ, которыхъ сбруя была украшена золотомъ, серебромъ и драгоценными каменьями. Воевода ѣхалъ подлѣ кареты своей дочери на превосходномъ аргамакѣ, въ багряно-парчовомъ кафтанѣ, подбитомъ собольимъ мѣхомъ; шпоры и стремяна были изъ литого золота, съ бирюзовыми вкладками. Невѣста сидѣла въ каретѣ, обитой зеленою парчюю; кучеръ былъ въ зеленомъ шелковомъ кафтанѣ; ее везли 8 бѣлыхъ Турец-

(*) *Дневн. Марини Мамшеки*, 28: «Царь ѣздилъ съ паномъ воеводою на охоту. Въ числѣ разныхъ звѣрей, выпустили медвѣдя: когда никто изъ пановъ не отваживался вступить съ нимъ въ бой, вышелъ самъ царь и, однимъ ударомъ рогатины убивъ медвѣдя, саблею отсѣкъ ему голову, при радостныхъ восклицаніяхъ Москвитянъ. Ударъ рогатиною былъ такъ силенъ, что рукоятка оной разлетѣлась въ дребенги.»

нихъ коней, выкрашенныхъ, отъ копытъ до половины тѣла, красною краскою; сбруя на нихъ красная, бархатная, съ серебряными вызолоченными застежками. За нею въ четырехъ каретахъ ѣхали ея женщины въ богатыхъ нарядахъ, а по сторонамъ шли 300 гайдуковъ, очень красиво одѣтыхъ въ голубыя суконныя пластья, съ длинными бѣлыми перьями на шапкахъ - Венгеркахъ.

На ружейный выстрѣлъ отъ Москвы, приготовлено было для нея два великолѣпныхъ шатра, съ разостланными передъ входомъ коврами. Марина остановилась и вступила въ одинъ изъ шатровъ, а въ другой вошелъ отецъ ея; обоихъ окружали приближенные особы. Опустивъ на богатыя кресла, стояшія посреди, Марина выслушала привѣтственную рѣчь отъ князя Мстиславскаго и бояръ, которые, низко кланяясь, изъявляли ей свое вѣрноподданство. Воеводѣ въ другомъ шатрѣ сдѣлано также торжественное привѣтствіе. Отецъ и дочь получили отъ царя новые подарки. Воеводѣ подаренъ былъ конь въ богатѣйшемъ уборѣ, оцѣненный Поляками во сто тысячъ злотыхъ, а паничъ Маринъ — двѣнадцать верховыхъ коней въ богатыхъ чепракахъ и сѣдлахъ, подъ дорогами покрывалами изъ рысмыхъ и барсовыхъ мѣховъ, съ золотыми удилами, съ серебряными стремянами; каждаяго

коня велъ особый конюхъ въ великолѣпной одеждѣ. Кромѣ того, прислава ей отъ царя вызолоченная карета, обитая внутри краснымъ бархатомъ, съ парчовыми, унизанными жемчугомъ подушками, и запряженная десятью Погайскими лошадьми въ раззолоченной сбруѣ изъ красного бархату. Лошади были всѣ бѣлыя съ черными пятнами, какъ львы и леопарды, и такъ похожи одна на другую, что трудно было различить. Едва Маринка поднялась съ кресель, нѣсколько знатнѣйшихъ особъ взяли ее на руки и посадили въ новую карету. Шествіе двинулось далѣе, между двухъ рядовъ стрѣльцовъ вѣнскихъ, одѣтыхъ въ красные кафтаны съ красною перевязью на груди, вооруженныхъ красными ружьями, и конныхъ, одѣтыхъ также, но съ луками и стрѣлами на одной и съ привязанными къ сѣдламъ ружьями на другой сторонѣ. Вмѣстѣ съ стрѣльцами стояло 200 Польскихъ гусаръ съ литаврами и трубами, которыхъ у Москвитчей не было вовсе. Всѣ Московскіе колокола загудѣли разомъ и не умолкали до конца шествія. Впереди кареты царской невѣсты шло 300 гайдучковъ, играя на флейтахъ и гремя въ барабаны; потомъ ѣхали, по 10 въ рядъ, царскіе гвардейцы; за ними вели двѣадцать верховыхъ лошадей, поларенныхъ Маринѣ. Потомъ ѣхали на коняхъ Русскіе дворяне и боярскіе дѣти, а

за ними Польскіе паны и самъ воевода, сопровождае-
мый одѣтымъ по-Турецки Арапомъ. Велѣдъ за ни-
ми медленно подвигалась впередъ карета царской не-
вѣсты; лошадей вели конюхи подъ уздцы. Карету окру-
жали Польскіе гайдуки, и знатнѣйшіе Русскіе сановни-
ки. При ней шли шесть лакеевъ, одѣтыхъ въ зеленые
бархатные кафтаны съ золотыми полуэпонтами и въ
алые плащи; по обѣимъ сторонамъ ея — вторая и третья
сотни Нѣмецкихъ аллебардчиковъ. За каретою и вель-
можами — сотня козаковъ; за ними четыре конюха
вели двухъ богато убранныхъ верховныхъ лошадей, при-
надлежащихъ царской невѣстѣ; потомъ везли собствен-
ную ея карету, запряженную восьмью конями сѣрыми
въ яблокахъ, съ красными хвостами и гривами. Далѣ,
въ каретѣ шестеркою ѣхала ея го-же-истерина, пани
Казановская; за нею слѣдовали еще 13 каретъ, въ ко-
торыхъ сидѣли Польки изъ невѣстиной свиты; а по-
зади ихъ всадники, прибывшіе съ Мариною изъ Поль-
ши, въ панцыряхъ и въ полномъ вооруженіи, съ тру-
бами и флейтами. Русская конница съ своими наба-
тами заключала шествіе; а потомъ уже тянулся Поль-
скій обозъ съ поклажею и припасами. Всѣ Московскіе
колокола гудѣли безъ-умолку; всѣ барабаны грохо-
тали; всѣ трубы ревели; о тактѣ и гармоніи никто
не думалъ: Московская музыка тогдашняя, по словамъ

иностраница, похожа была больше на собачий лай, нежели на музыку; производя несносный шумъ, она заглушала Польскіе Флейты, но и сама терзалась въ говорѣ безчисленнаго множества народа, въ стукѣ экипажей, въ топотѣ и ржаніи лошадей. Картина въѣзда Марины имѣла характеръ Восточныхъ церемоній: пышность, блескъ, яркость красокъ и оглушительная дисгармонія музыкальныхъ инструментовъ.

Общая дивовижа была, однакожь, возмущена внезапною бурей, которая поднялась во время шествія между Никитскою и Кремлевскими воротами. Москвичи вспомнили въѣздъ Димитрія и назвали это новымъ предзнаменованіемъ ужасныхъ бѣдствій. Умы были настроены къ ожиданію смуть уже однимъ необычайнымъ множествомъ злодѣбныхъ гостей. Всѣ Полки были вооружены съ головы до ногъ, смотрѣли на Москвичей гордо, обходились съ ними не какъ гости съ хозяевами, но какъ повелители со слугами. Димитрій отвелъ панамъ въ городѣ лучшіе дома боярскіе, купеческіе, монастырскіе, и они заняли свои квартиры съ такою наглостью, какъ-будто взяли Москву приступомъ (*). Хозяева съ стѣсненнымъ сердцемъ по-

(*) Смз. о Гр. Отрпьевъ, 21: «И бысть мятежь великой и крикъ, и вопль многъ, и изъ дворовъ добрыхъ

корствовази царскимъ гостямъ и съ ужасомъ разгла-
шали вездѣ, что гости вынимають изъ повозокъ по
пяти и по шести ружей. Тогда-то стали жалѣть о
Борисѣ, какъ о царѣ благочестивомъ и мудромъ, и
вездѣ пошегъ говоръ, что Поляки съ Нѣмцами намѣ-
рены перебить всѣхъ горожанъ.

людей натаху и выбиваху насильно, изъ дворѣхъ же има-
ху всякіе запасы, и граблаху до конца, и насиліе бысть
великое всѣмъ добрымъ людемъ.»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Заговоръ Шуйскаго. — Польскіе послы. — Сопротивленіе браку со стороны духовенства. — Новые причины къ неудовольствію народа. — Свадьба и коронація Маринны. — Столкновение національностей. — Наглость Пожековъ. — Двѣстия заговорщиковъ. — Дерзкія рѣчи на площади. — Доносы. — Явные признаки мятежа. — Безпечность Дмитрія. — Ночь съ 16 на 17 мая. — Мятежъ. — Смерть Басманова. — Безсильный гнѣвъ, отчаяніе, вѣство Дмитрія. — Маринна пощажена. — Стрѣльцы сражаются за царя. — Речь Шуйскаго. — Убийство Дмитрія. — Поруганіе тѣла Дмитріева. — Излеченіе Пожековъ. — Бои утѣшаютъ мятежъ. — Судьба Маринны. — Избраніе Шуйскаго въ царя. — Разсказы о Дмитріевомъ тѣлѣ. — Сожженіе его останковъ. — Слухи о его спасеніи.

Шуйскій, между тѣмъ, не дремалъ съ своимъ замысломъ: въ общей суматохѣ ему было безопаснѣе вести переговоры съ избранными ненавистниками Дмитрія и иноземцевъ. Онъ созвалъ въ свой домъ многихъ бояръ, кунцовъ, сотниковъ, пятидесятниковъ и объявилъ имъ, что Москва, наполненная иноземцами, находится въ крайней опасности, что самъ Дмитрій

Полякъ и предалъ столицу въ руки своихъ земляковъ, что болре признали его царевичемъ только для сверженія Бориса, но горько ошибльсь въ надеждѣ на переѣну къ лучшему, что, для спасенія вѣры и отечества, остается теперь одна рѣшительная мѣра — истребить его внезапно вмѣстѣ съ его любимицами. «Я снова», говорилъ онъ, «готовъ на все за вѣру православную; помогите только вы мнѣ съ усердіемъ и неизмѣнною вѣрностью. Пускай каждый сотникъ объявитъ подчиненнымъ, что царь самозванецъ и замышляетъ злое съ своими Поляками; пускай условятся съ горожанами, какъ отклонить бѣду. Стоитъ только назначить ночь, чтобъ избить ихъ сонныхъ, вмѣстѣ съ обманщикомъ.» Заговорщики поклялись хранить тайну и начали работать въ толпахъ народа, подбирая себѣ соучастниковъ. Но большинство было на сторонѣ царя; ненавидѣли только иноплеменцевъ и желали имъ гибели. Поэтому рѣшено было, въ кругу отъявленныхъ заговорщиковъ, по первому набату броситься во дворецъ и кричать: «Поляки губятъ царя!» тутъ окружить Димитрія, подъ предлогомъ защиты, и предать смерти; потомъ ворваться въ Польскія жилища, означенныя заблаговременно Русскими буквами, и истребить всѣхъ, кромѣ Нѣмцевъ, которые всегда служили Россіи вѣрно.

Такой обширный кругъ заговорщиковъ не могъ утаться; кое-что было узнано. Но Димитрій, подлѣ влияніемъ оживлявшей его радости, былъ еще самонадѣливе прежняго: онъ полагался и на большинство своихъ приверженцевъ въ простонародьи, и на помощь стрѣльцовъ и псковичевъ. Поздѣ узналъ онъ, что безоружное простонародье безсильно противъ ратныхъ людей и что Поляки, размѣщенные по городу отдѣльными толпами, не въ состояніи помочь ему.

За часъ до вѣзда Маршны, прибыли въ Москву послы короля Сигизмунда, Олесницкій и Гонсѣвскій, изъ которыхъ послѣдній былъ въ Москвѣ въ то время, когда происходило въ Краковѣ обрученіе, и спорилъ уже разъ съ Димитріемъ за царскій титулъ. Король, воспользовавшись оказаннымъ ему недавно покровительствомъ, хотѣлъ поставить его ниже себя и въ поздравительной грамотѣ называлъ его просто великимъ княземъ. А Димитрій, съ своей стороны, желая возвысить честь Русскаго престола въ глазахъ народа, перетолковалъ слово царь Римскимъ титуломъ цезарь и прибавилъ къ нему *необходимый*. Польскіе паны рады и король вознегодовали на такое высокомеріе, однакожь, сознавая важность союза съ Димитріемъ, рѣшились не разрывать съ нимъ связей за пустые титулы и отправили Олесницкаго и Гон-

сѣвскаго присутствовать у него на свадьбѣ вѣсто короля. 3 мая было торжественное ихъ представленіе, и какъ грамота королевская была опять не только безъ императорскаго, но и безъ царскаго титула, то Дмитрій не принялъ ее и, на жалобы пословъ, отвѣчалъ: »Необыкновенное и неслыханное дѣло, чтобъ монархи, восстадая на тронѣ, спорили съ посланн; но король Польскій, опуская наши титулы, приуждаетъ насъ къ сему. Отъ пословъ нашихъ и отъ старосты Велижскаго, бывшаго здѣсь недавно и подобно вамъ спорившаго о нашихъ титулахъ, королю Польскому уже извѣстно, что мы не только князь, не только господарь, не только царь, но также императоръ въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ. Самъ Богъ даровалъ намъ сей титулъ, и мы носимъ его не одними словами, подобно другимъ, но самымъ дѣломъ, по всей справедливости, когда ни Ассирійскіе, ни Мидійскіе монархи, ни самые цесари Римскіе не имѣли на оный болѣе насъ права и преимущества. Мы не можемъ довольствоваться титуломъ княжескимъ, господарскимъ; ибо не только князья и господари, но, Божію милостию, и короли состоятъ подъ скипетромъ нашимъ и намъ служатъ. Намъ нѣтъ равнаго въ краяхъ полночныхъ: никто нами не управляетъ, кромѣ Бога и насъ самихъ. Къ тому же всѣ государи признаютъ насъ

императоромъ; одинъ король Польскій на сіе не соглашается.»

Въ отвѣтъ на эту рѣчь, посолъ Олесницкій, сказавъ, что онъ Полякъ, человекъ народа вольнаго, и потому привыкъ говорить свободно; рѣзко упрекалъ Дмитрія въ несправедливомъ присвоеніи императорскаго титула и въ неблагодарности за покровительство, оказанное ему Польскимъ королемъ. Дмитрій не оскорблялся, отложилъ доказательства правъ своихъ до особеннаго засѣданія думныхъ бояръ и звалъ Олесницкаго къ рукѣ не какъ посла, но какъ стараго пріятеля. Но гордый панъ отказался отъ чести поцѣловать царскую руку и настоялъ, чтобъ его приняли, какъ посла. Потомъ, когда Дмитрій спросилъ о здоровьи Сигизмунда сюда, онъ напомнилъ ему неприличіе такого поведенія, и царь долженъ былъ встать съ престола и снять корону.

Свадьба не могла совершиться немедленно, потому что встрѣтилось затрудненіе со стороны духовенства: Казанскій митрополитъ Гермогенъ и Коломенскій епископъ Іоасафъ объявили, что Марину должно сперва крестить, и тогда только она можетъ быть обѣдана съ «Христіанскимъ государемъ». При содѣйствіи патріарха Игнатія, Гермогена заточили въ дальній монастырь, а Іоасафа оставили еще, до нѣкотораго

времени, въ Москвѣ. Рѣшено было вѣнчать Марину безъ перемѣны вѣры.

Пока происходили эти событія и дѣлались приготовления къ свадьбѣ, невеста царская жила въ монастырѣ у мнимой матери Дмитрія. Монастырская пища не нравилась избѣженной Польшѣ, и женихъ прислалъ къ ней поваровъ ея отца, велѣвъ отдать имъ ключи отъ погребовъ и кладовыхъ (1). Москвичи съ ужасомъ узнали, что монастырскія кухни оскверняются

---

(1) *Дисск. Маримы Мкинскы, 43. Далѣе:* «Камерфрейлинамъ также приказано было прислуживать царицѣ. Они весьма грустили, опасаясь вѣчной цезоли, — царь обѣщавъ каждой свободу возвратиться въ отечество.... 12/2 мая Дмитрій подарилъ царицѣ шкатулку съ дорогими вещами, цѣною, какъ сказывали, въ 500,000 рублей, дозволивъ ей дарить изъ оной, что кому пожелаетъ. Воеводѣ же далъ 100,000 золотыхъ, велѣвъ отослать ихъ въ Польшу на уплату долговъ. Но прежде, чѣмъ успѣли увезти сію сумму, мы нѣсколько облегчили ее. Сверхъ того, воевода получилъ отъ царя въ подарокъ сани обитые пестрыми бархатомъ; покрывало на нихъ красное, по угламъ вышитое жемчугомъ; козерь и одѣяло подбиты соболемъ; крылья и оглобли узиты бархатомъ, а по мѣстамъ серебромъ; у конута развѣшено сорокъ соболей; лошади запряжены бѣлая; козлы серебромъ окованы; кепоръ унизанъ жемчугомъ. — Царица много вещей изъ своей шкатулки раздала родственникамъ.»

масною пищею, что будущая парница по средамъ и пятницамъ ѣсть скоромное и во всемъ ведетъ себя, какъ «некрещенная Латинка». Соблазнъ еще увеличился, когда Димитрій, навѣщая невѣсту вмѣстѣ съ ея родственниками и друзьями, сталъ привозить съ собою музыку и леткомысленно предаваться въ обители молитвъ свѣтскимъ удовольствіямъ. Слова Шуйскаго, что Димитрій Полякъ, богѣе и болѣе переходилъ въ народное убѣжденіе. Все тогда стало истолковываться еретичествомъ и желаніемъ уничтожить въ Россіи православіе. Такъ перебѣдъ Марины передъ свадьбою въ царскіи дворецъ, во второмъ часу ночи, при свѣтѣ двухъ сотъ факеловъ показался народу дѣломъ, угоднымъ мрачному духу тьмы. Желаніе Марины вѣнчаться въ Польскомъ костюмѣ также возбудило негодованіе Москвичей, и бояре, дѣйствовавшіе уже смѣло, настояли, чтобъ на царнигѣ былъ уборъ Русскій. Димитрій съ досадою уступилъ имъ, сказавъ, что одинъ день ничего не значить, и позволилъ одѣть невѣсту въ вѣжскій нарядъ до того богатый, что за золотомъ, за жемчугомъ и драгоценными камнями почти совсѣмъ не видно было ни матеріи на платьи изъ краснаго бархату съ широкими рукавами, ни сафьяну на сапогахъ съ высокими коваными каблуками. Но всего болѣе возбудило негодованія въ народѣ пре-

небреженіе Димитрія къ церковнымъ уставамъ, выказанное избраніемъ дня для свадьбы: свадьба была совершена 9 мая, съ четверга на пятницу, на Николинъ день. Теперь-то Димитрій расточилъ весь блескъ великолѣнія, который уменьшилъ во время своей коронаціи. Вездѣ разостланы были красные бархаты, золотая парча, вездѣ наряды не только бояръ, дворянъ, но и простыхъ горожанъ сіяли шолкомъ, серебромъ и золотомъ. Царь хотѣлъ изумить гостей роскошью; но и гости, съ своей стороны, не думали уступить Москвичамъ: бархатъ и шолкъ расточались не только на пышные ихъ кунтуши, не только на чепраки и попоны гордыхъ коней панскихъ, но и на одежду простыхъ слугъ.

Обрядъ вѣнчанья соединенъ былъ съ другимъ, небывалымъ дотогѣ въ Россіи, обрядомъ: Марина была коронована. При этомъ католикамъ показалось неучтивствомъ, что для нихъ не приготовили сѣдалища, и королевскіе послы громко потребовали себѣ кресель. Царь сказалъ имъ черезъ Власьева, что въ Русскихъ церквахъ не сидятъ и самъ онъ сидитъ только по случаю коронаціи. Но вельможные паны не успокоились отъ этого отвѣта и, отойдя въ сторону, сѣли на чемъ могли, къ великому соблазну православныхъ.

Въ запискахъ иноземцевъ характеристически рас-

казано, какъ царь обходился въ церкви съ своими вельможами: »Не излишнимъ будетъ упомянуть, какимъ образомъ царь, въ продолженіе этого обряда, хотѣлъ показать посламъ свое величіе: подозвавъ знатнѣйшаго сенатора, Василя Ивановича Шуйскаго, онъ велѣлъ подставить себѣ скамейку и положить на нее свои ноги; то же приказалъ сдѣлать и брату его, Дмитрію Шуйскому; потомъ выслалъ ихъ обоихъ съ какимъ-то повелѣніемъ; вмѣсто ихъ, подозвалъ другихъ знатныхъ бояръ и велѣлъ имъ держать себя подъ руки; выславъ и этихъ, призвалъ снова другихъ князей. Такъ онъ подзывалъ и высылалъ своихъ вельможъ нѣсколько разъ. Всѣ они должны были исполнять такіа порученія, какихъ наши государи не даютъ и послѣднему дворнику.«

При выходѣ изъ церкви, осыпали царя золотыми монетами, на которыя толпа бросилась, тѣся и толкая другъ друга. Пинуть, что многіе дрались даже палками и что въ суматохѣ досталось довольно палочныхъ ударовъ и Полякамъ изъ посольской слиты. Принявъ такіе подарки съ огорченіемъ, они разѣхались по квартирамъ и не провожали царя во дворецъ.

Подходя къ палатамъ, Дмитрій замѣтилъ толпу знатныхъ пановъ и приказалъ бросить въ нее нѣсколько Португальскихъ червошцевъ; но никто изъ нихъ

не поднялъ ихъ; даже, когда два червонна упали одному пану на шляпу, онъ стяхнулъ ихъ долой.

Это было столкновение двухъ націй, изъ которыхъ каждая, въ лицѣ своихъ представителей, старалась возвысить свое достоинство. Такъ Польскіе послы отказались присутствовать на свадебномъ пиру Дмитрія оттого, что имъ не дано мѣста за однимъ столомъ съ паремъ и паричею. Объ этомъ шли у нихъ долгіе переговоры съ Власевымъ, которому они напоминали, какъ онъ, будучи царскимъ посломъ въ Краковѣ, сидѣлъ за обѣдомъ вмѣстѣ съ королемъ. Власевъ отвѣчалъ на это очень оригинально: «Правда, я, бывъ посланникомъ, имѣлъ мѣсто за однимъ столомъ съ королемъ вашимъ, но это случилось потому, что за тѣмъ же столомъ сидѣли послы панскіи и цесарскіи; следовательно меня посадить за другимъ столомъ было невозможно. Нашъ цесарь не только не женѣ паны и Римскаго цесаря, но еще болѣе: у нашего преславнаго цесаря каждыйи пошъ — папа.» Дмитріи хотѣлъ показать Русскимъ, что ни союзъ, ни родство съ Поляками не могутъ заставить его низойти, хоть одною ступенью ниже, съ высоты Московскаго престола. Онъ обѣщаль Польской республикѣ уступки другого рода, но не дозволилъ посламъ сидѣть съ собою и даже теста своего, гордаго воеводу Сендомирскаго, застав-

даль стоять почтительно у царскаго стола во все время обѣда, вмѣстѣ съ знатною Полькою, Тарло.

Но этому величію предназначено было сіять еще лишь нѣсколько дней. Заговорщики дѣйствовали не въ одной Москвѣ, но склонили и Новгородцевъ, старыхъ приверженцевъ рода Шуйскихъ, дѣйствовать противъ Самозванца. Гибель Дмитрія и многихъ Поляковъ была близка. Поляки прислѣдвали ее собственнымъ безразсудствомъ. Ихъ набралось тогда въ Москвѣ около 4 тысячъ, и все это была, по большей части, молодежь, своевольная и жаждущая разгульныхъ удовольствій. Не разъ, возвращаясь съ веселаго пира, вооруженные толпы Поляковъ пробѣгали ночью по Московскимъ улицамъ съ музыкой, плясками и бѣшенными восклицаніями, не спускали никому встрѣчному, рубили саблями горожанъ, вытаскивали изъ колымагъ знатныхъ Московоковъ и безчестили среди улицъ, вламывались даже въ дома и на всякомъ шагѣ, пьяные и трезвые, выказывали презрѣніе ко всему Русскому. Царь, среди свадебныхъ праздниковъ, не могъ всего этого звать, — иначе онъ не спустилъ бы Полякамъ, какъ и прежде, когда, послѣ одной ссоры ихъ съ Русскими, онъ вытребовалъ отъ нихъ зачинщиковъ и посадилъ въ тюрьму. Теперь бояре съ умысломъ не доводили до его свѣдѣнія неистовствъ

Поляковъ; а между тѣмъ царь все болѣе и болѣе убѣждался, что царь не истинный Димитрій и что страшная бѣда грозитъ отечеству.

Объ этомъ говорили уже вслухъ на всѣхъ рынкахъ. Нѣмецкіе аллебарщики, схвативъ одного изъ дерзкихъ говорунцовъ, привели во дворецъ и донесли царю, что Москвичи затѣли мятежъ. Димитрій сдѣлался осторожнѣе, велѣлъ своей гвардіи быть безотлучно во дворцѣ и приказалъ допросить возмутителя. Но бояре увѣрили царя, что виновникъ болталъ дерзкія рѣчи отъ глупости, въ пьяномъ видѣ, что и трезвый онъ умнѣе не бываетъ. «Не слушай, царя», говорили они, «лихихъ наушниковъ, Нѣмцевъ. У тебя ли нѣтъ силы для усмиренія мятежа, если бѣ его и затѣли?» Знали бояре слабую сторону характера его — самоуверенность и хвастовство неустранимостью; знали и то, какую важность придаетъ онъ приверженности къ себѣ простонародья, на котораго судъ онъ любилъ отдавать своихъ обличителей и заговорщиковъ: ихъ увѣренія успокоили Димитрія, который безъ этого, можетъ быть, сдѣлалъ бы попытку къ разузнаванію тайныхъ сѣтей, раскинутыхъ на его пагубу, и отвертилъ бы свою гибель.

Сдѣлавъ отводъ для большинства его приверженцевъ условными словами: «Поляки губятъ царя», бо-

пре продолжали уменьшать это большинство возмутительными слухами, которые проносили въ толпахъ ихъ темные клеветы. Начальники Нѣмецкой гвардіи, три дня сряду, доносили царю на бумагахъ о тащущейся въ Москвѣ измѣнѣ; но царь, въ ослѣпленіи своимъ могуществомъ, твердилъ: «Все это пустаки!» и оставлялъ безъ изслѣдованія доклады ихъ. Не образумили его и толпы народа, собиравшіяся ночью на улицахъ съ намѣреніемъ разбивать дворы, наполненные Поляками: это казалось ему національною враждою къ иностранцамъ и завистью нищей сводчи къ богатству свадебныхъ гостей. Поляки, уведомленные также Нѣмцами о заговорѣ, донесли о томъ царю; но когда доносъ дошелъ до Дмитрія, онъ смѣлся трусости пановъ и отправилъ къ посламъ Бучинскаго съ успокоеніемъ: «Я», говорилъ онъ, «такъ хорошо взялъ въ руки свое государство, что безъ моеи воли ничего быть не можетъ.» Паны, однакожъ, не успокоились, и нѣкоторые изъ нихъ учредили на своихъ дворахъ крѣпкую дневную и ночную сторожу.

За два дня до условленнаго къ мятежу времени, возненіе затихло, но это было оттого, что всѣ заговорщики готовились на рѣшительный ударъ. Еще разъ, на канунѣ, обнаружился признакъ, который, по-видимому, долженъ бы былъ встревожить всякаго; но Ди-

митрій, обреченный уже на смерть судьбою, равнодушно смотрѣлъ на стущающіеся вокругъ него тучи. Въ Москвѣ перестали продавать Полякамъ порохъ и оружіе. Жолнеры Польскіе сказали объ этомъ Юрію Мишкѣ, а Мишекъ царю; но тотъ принялъ его доносъ, какъ безпокойство трусливаго человека. Онъ уже освоился съ небольшими вспышками народнаго неудовольствія. Безпрестанныя доносы только раздражали его. Онъ досадовалъ, что ему не даютъ веселиться въ первые дни супружества, и велѣлъ даже наказывать иныхъ доносчиковъ. Вниманіе его, въ эти предсмертные дни, было обращено больше всего на приготовленіе великолѣпнаго конскаго ристалища, турнира и огнестрѣльной потѣхи.

Эти приготовленія дали врагамъ Димитрія новое средство внушить народу, что царь, подъ видомъ ристанія, готовится истребить знатнѣйшихъ бояръ, дворянъ, головъ, сотниковъ, стрѣльцовъ и, вмѣстѣ съ ними, простолюдиновъ, которые за нихъ вступятся.

Приспѣло, наконецъ, время, когда партія Шуйскаго начала дѣйствовать рѣшительно. Вечеромъ, съ 16 на 17 мая, въ восьмые сутки послѣ свадьбы Димитріевой, въ пятницу, бояре отдали, имевемъ парскимъ, Нѣмецкой гвардіи приказъ разойтись по домамъ, такъ что во дворцѣ осталось только 30 алебардчиковъ, и въ

ту же ночь впустили въ Москву 18 тысячъ стрѣльцовъ, которые были отправлены царемъ къ Ельцу и ожидали умышленного вмѣстѣ съ боярами бунта въ милѣ отъ города; заняли всѣ 12 городскихъ воротъ и не пускали никого ни въ Москву, ни изъ Москвы.

Поляки, между тѣмъ, мирно спали, утомленные вечерними пирами и успокоенные тѣмъ, что истекшія сутки прошли въ совершенной тишинѣ, со стороны Москвичей. Дмитрій также, наканунѣ, долго веселился и поздно легъ въ постель. Въ царскихъ покояхъ было только нѣсколько слугъ изъ Поляковъ и немного музыкантовъ. Тамъ же спалъ и вѣрный Басмановъ, на этотъ разъ такъ хитро обойденный боярами, что вовсе не воображалъ, до какой степени доведено ихъ дѣло.

Василій Шуйскій и его соучастники, бояре, дѣти боярскіе, стрѣльцы и отважнѣйшіе изъ торговыхъ людей, всего человекъ 200, провели ночь въ совѣщаніяхъ и въ развѣздахъ по городу. Они таинственно окликали дома своихъ товарищей, также безъ сна ожидавшихъ налета; клали роковыя надписи на воротахъ домовъ, занимаемыхъ Поляками; осматривали стражу, разставленную у вѣздовъ въ Москву; наконецъ съѣхались на Красной площади, и, едва восходящее солнце сверкнуло по ихъ тяжелымъ латамъ, кольчугамъ,

пищикамъ, рогатинамъ и боевымъ скирамъ, ударили въ колоколъ у Ильи Пророка. На этотъ сигналъ отвѣчали по всѣмъ церквамъ въ Ильинской улицѣ, потомъ въ Успенскомъ соборѣ, и черезъ минуту загудѣло по всей Москвѣ нѣсколько тысячъ колоколовъ. Прежде всего прибѣжали на Красную площадь люди, составлявшіе ближайшій кругъ приверженцевъ Шуйскаго. Ихъ подкрѣпляли преступники, выпущенные изъ темницъ и наскоро вооруженные копьями, протазанами, кольями и чѣмъ ни пошло. Не дожидаясь большого многолюдства, опаснаго для предпринятаго дѣла, Шуйскій повелъ отважную толпу въ Кремль черезъ Спасскія ворота, держа въ одной рукѣ крестъ, а въ другой мечъ. А между тѣмъ особо подготовленная толпа обступила кварталы Поляковъ и не позволяла никому выдти за ворота. На вопросы прибывающихъ съ каждой минутой жителей, клеветы Шуйскихъ отвѣчали: «Въ Кремль! въ Кремль! Поляки губятъ царя!» Народъ, не зная ничего о замыслѣ противъ Димитрія, неистово толпился въ Кремль, гдѣ уже густая толпа вооруженныхъ обступила бурнымъ приливомъ царскія палаты.

Димитрій, лишь только услышалъ набатъ, выслалъ Басмазова узнать, что за тревога. Встрѣчные бояре отвѣчали ему, съ простодушнымъ видомъ, что и они

не знают, отъ чего взволновалась Москва: видно случилось гдѣ-нибудь пожаръ. Но едва успѣлъ Басмановъ передать царю этотъ отвѣтъ, какъ до слуха его долетѣли буйные вопли тысячи голосовъ. Онъ взглянулъ въ окно — весь дворъ кипѣлъ сверкающими копьями, скирами, саблями. Не теряя духа, царь выслалъ Басманова въ другой разъ, а самъ спѣшилъ одѣться. Но лишь показался Басмановъ на крыльцѣ, какъ его оглушили ругательства и восклицанія: »Выдай Самозванца!« Басмановъ бросился назадъ, приказавъ стражѣ защищать входъ и въ отчаяннѣе прибѣжалъ къ царю съ страшнымъ извѣстіемъ. Пѣмцы увидѣли тогда, что дались съ вечера въ обманъ боярамъ, и такъ смутились, что позволили прорваться въ царскій покой одному изъ самыхъ горячихъ патриотовъ. »Ну, безвременный царь!« закричалъ онъ, »проспался ли ты? Зачѣмъ не выходишь къ народу и не дашь ему отчета?« Тутъ Басмановъ схватилъ со стѣны царскій палашъ и снесъ ему голову. Димитрій, вмѣсто ужаса, вскипѣлъ гнѣвомъ, побѣжалъ въ сѣни, гдѣ стояли алебарщики, выхватилъ мечъ у Курляндскаго дворянина, Вильгельма Шварцгофа, и велѣлъ отворить дверь, какъ-будто его силы было достаточно для сраженія тысячей. »И важъ не Борисъ!« кричалъ онъ къ мятежникамъ, грозя мечомъ и требуя покорности. Вы-

стрѣлы, посыпавшіеся прямо въ дверь, заставили, однакожь, его опомниться. Онъ удалился во внутренніе комнаты усноковать жену, предоставляя Басманову дѣлать, что можно. Басмановъ вышелъ на крыльцо и старался склонить бояръ въ пользу царя. Но изъ толпы ихъ выдвинулся Татищевъ, — тотъ самый, которому недавно вымолилъ онъ прощенье, — и, прогремявъ нѣскольکو ругательствъ, ударилъ Басманова длиннымъ ножомъ въ грудь. Басмановъ повалился мертвымъ. Тогда бояре, ободренные смертью этого храброго и неустранимаго челоуѣка, столкнули его тѣло съ крыльца, бросились въ сѣни и требовали у гвардейцевъ выдачи Самозванца. Дмитрій еще разъ явился передъ толпою съ валавомъ, вадясь разогнать ее съ помощью тѣлохранителей; но скоро убѣдился въ совершенномъ своемъ безсиліи. Москвичи вырубали топорами нѣскольکو бревенъ въ стѣнѣ, вломались въ покои и обезоружили стрѣлковъ Маржеретовыхъ; царь съ пятнадцатью алебардчиками едва успѣлъ уйти во внутреннія комнаты. Нѣмцы заперли ихъ и стали за дверьми. Тутъ-то почувствовалъ онъ всю муку поздняго сожалѣнія о своей оплошности. Страстно любимая жена, прелесть верховной власти, великія правительственныя предирітія, слава завоеваній и больше всего жизнь, горячая, исполненная сильныхъ душев-

ныхъ волнений, жизнь, съ которою должно теперь разстаться, — все это вмѣстѣ отозвалось въ душѣ его и повергло его въ самое горькое отчаянье. Онъ бросилъ палашъ и молча рвалъ на себѣ волосы; потомъ удалился въ другую комнату.

Между тѣмъ выстрѣлы сънались въ дверь и заставили Нѣмцевъ отойти въ сторону. Топоры раздробили дверь; комната наполнилась грозными фигурами патриотовъ. Нѣмцы должны были отступить въ слѣдующій покой. Опять заперли двери, но знали, что это не надолго удержитъ напоръ преслѣдователей. Паукрашенные алебарды были для нихъ плохой защитой. Видя, что и въ этомъ покоѣ дверь уступаетъ выстрѣламъ и ударамъ обуховъ, они отступили въ слѣдующей; но тамъ не было уже царя. Пробѣжавъ царичины комнаты, онъ сказалъ ей, что всему конецъ, посоветовалъ, какъ спасти жизнь, и пустился далѣе изъ комнаты въ комнату. Рядъ покоевъ привелъ его, наконецъ, къ каменному дворцу; онъ выскочилъ въ окно на подмостки, устроенныя для свадебнаго празднества, хотѣлъ прыгнуть на другія, оступился, упалъ съ пятнадцати-саженной высоты и вывихнулъ ногу. Тогда исчезла и послѣдняя надежда на спасеніе.

Между тѣмъ преслѣдователи Самоаванца, обезоруживъ, наконецъ, Нѣмцевъ, искали его по всѣмъ комна-

тамъ и достигли покоевъ Марины. Женщины съ ужасомъ прислушивались къ ихъ грознымъ голосамъ, подступавшимъ ближе и ближе. Царица, узнавъ отъ мужа объ опасности, сперва сбѣжала внизъ и спряталась, было въ подвалѣ; но скоро убѣдилась, что тамъ гибель еще вѣрнѣе, и возвратилась въ палаты. Она была неодома; ея не узнали и столкнули съ лестницы. Однакожь она добралась до своихъ комнатъ и ожидала тамъ судьбы своей. За нею велѣдъ нахлынулъ туда раздраженный народъ Московскій. Нѣсколько минутъ удерживалъ въ дверяхъ толпу вѣрный слугитель Марины, Янъ Осмульскій, защищая входъ саблею; наконецъ палъ подъ выстрѣлами, которые ранили смертельно и одну изъ дамъ царицы. Вломившись черезъ трупъ Осмульскаго въ дверь, толпа прекратила убійства и бросилась грабить спальни. Царица еще до этого спряталась подъ юбку своей гофмейстерины. Нѣкоторые, въ разгарѣ долго сдерживаемаго негодованія, забыли даже о грабежѣ и приступили къ дамамъ съ ругательствами. «Гдѣ царь и царица?» спрашивали они, и, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, излили свою досаду на женщинъ. Но тутъ подошли бояре и положили конецъ недостойной сценѣ. Они отвели царицу съ ея дамами въ другую комнату и старались увѣрить ее въ безопас-

ности. Всѣ вещи ихъ спрятали въ кладовыя за печатью и приставили къ покоямъ стражу, чтобъ никто не оскорблялъ женщинъ.

Въ теченіе этого времени Димитрій, разбитый надежьемъ, лежалъ и стоялъ на дворѣ запаснаго при дворѣ магазина. Стрѣльцы, стоявшіе на стражѣ у Чертольскихъ воротъ слышали его стоны и скоро узнали въ немъ царя. Димитрій убѣждалъ ихъ быть вѣрными въ эту роковую минуту, обѣщая имъ великія награды, и стрѣльцы рѣшились сражаться за него до послѣдняго издыханія. Тутъ подошли къ нимъ приверженцы Шуйскаго, требуя Самованца; но стрѣльцы встрѣтили ихъ ружейною пальбою. Легко вообразить, съ какимъ чувствомъ слышалъ Димитрій ихъ выстрѣлы! Надежда еще разъ оживила душу его. Два, или три человѣка пало съ противной стороны. Толпа отхлынула назадъ.

Это была минута, грозная для Шуйскаго. Онъ убѣждалъ бояръ, купцовъ и простолюдиновъ докончить начатое дѣло. Воображая самого себя на мѣстѣ Димитрія, онъ толковалъ такъ его чувства: «Мы имѣемъ дѣло не съ такимъ человѣкомъ, который могъ бы забыть малѣйшую обиду. Только дайте ему волю — онъ запоетъ другую пѣсню: передъ своими глазами погубить насъ въ жесточайшихъ мукахъ! мы имѣемъ дѣло

не просто съ коварнымъ плутомъ, но съ свирѣлымъ чудовищемъ! Задушимъ, пока оно въ ямѣ! Горе намъ, горе женамъ и дѣтямъ нашимъ, если бестія выползетъ изъ пропасти!» Рѣчь эта возбудила новый жаръ въ тѣхъ до кого ближе касались жизнь и смерть Димитрія. Но, боясь дѣйствовать открытою силою, потому что въ такомъ случаѣ стрѣльцы, сопротивляясь упорно, нашли бы, можетъ быть, себѣ помощниковъ въ толпѣ народа, бояре придумали хитрость: «Пойдемъ», закричали они, «въ стрѣлецкую слободу, истребимъ семейства стрѣльцовъ, кои не хотятъ намъ выдать измѣнника, плута, обманщика!» Хитрость удалась. Усердіе стрѣльцовъ не выдержало испытанія, и они выдали Димитрія.

Торжествующіе приверженцы Шуйскаго потачили тогда Димитрія въ новыи, уже разграбленный и обезображенный дворецъ. Въ сѣняхъ онъ увидѣлъ подъ стражею нѣсколько тѣлохранителей своихъ, обезоруженныхъ и печальныхъ. Слезы потекли изъ глазъ его; онъ протянулъ одному руку, но не могъ выговорить ни слова. Его повели далѣе, въ залу, гдѣ такъ часто шировавъ онъ съ своими приближенными. Вмѣстѣ съ толпою пробрался туда и одинъ изъ плѣнныхъ тѣлохранителей, Ливонскій дворянинъ Вильгельмъ Фирстенбергъ, чтобъ узнать, что будетъ съ царемъ. Но тамъ

скоро замѣтили не — Русскаго свидѣтеля, и одинъ изъ бояръ закололъ его подлѣ самого Димитрія. «Смотри», говорили Москвичи, «какъ усердны Нѣмецкіе псы: и теперь не покидаютъ его! побьемъ ихъ всѣхъ до послѣдняго!» Но большинство отвергло эту жестокость. Между тѣмъ беззащитнаго Димитрія кололи, щипали и терзали каждый въ свою охоту, потомъ нарядили въ платье пирожника и осыпали насмѣшками. «Поглядите на царя Всероссійскаго», говорилъ одинъ: «у меня такой царь на конюшнѣ!» — «А я бы этому царю далъ себя внять!» подхватывалъ другой. Третій, ударивъ его по щекѣ, закричалъ: «Говори, негодяй, кто ты? кто твой отецъ и откуда ты родомъ?» — «Вы всѣ знаете», отвѣчалъ Димитрій, «что я царь вашъ, сынъ Іоанна Васильевича. Спросите мать мою — она въ монастырѣ, или выведите меня на Лобное мѣсто и дозвоьте объясниться.» — «Нечего объясняться», отвѣчалъ князь Голицынъ: «я былъ у царицы; она отрекается отъ тебя и говоритъ, что ты обманщикъ.» Въ это время народъ тѣснился во дворецъ и спрашивалъ, что говоритъ Польскій шутъ? Ему отвѣчали, что онъ винится въ самозванствѣ и что Пагіе подтверждаютъ отреченіе царицы Марѣи. Тогда загремѣла тысяча голосовъ: «Бей его! руби его!» въ палаты ворвался боярскій сынъ, Григорій Валусъ, и, сказавъ: «Что тол-

новать съ еретикомъ? вотъ я благословлю этого Польскаго свистуна!» прострѣлилъ его насквозь изъ пистолета. Другіе спѣшили насладиться удовольствіемъ, котораго такъ долго жаждали: одинъ разсѣкъ ему лобъ, другой затылокъ, многіе вонзили ему въ животъ ножи; потомъ вытащили изуродованное тѣло въ сѣни и бросили съ крыльца на трущъ Басманова. «Ты любилъ его живого», говорили убійцы, «не разставайся жъ и съ мертвымъ!»

Неразумная чернь, обыкновенно пристающая къ торжествующей сторонѣ^(*), овладѣла бездушными останками того, кто еще такъ недавно былъ ея идоломъ, и, зацѣпя ихъ веревками за ноги, повлекла изъ Кремля на Красную площадь, мимо монастыря царницы Марьи. То же сдѣлаво было и съ вѣрнымъ его слугою, Басмановымъ. На площади тѣло Дмитрія положили на короткій столъ, такъ что голова его висѣла съ одного конца, а ноги съ другого. Подъ ноги бросили ему трущъ Басманова и оставили ихъ въ такомъ положеніи для

(*) Авр. Палицынъ, 31. «Уже бо окаянный еретикъ (Дмитрій) въ руку всѣхъ свою объять и совершенно любимъ отъ всѣхъ. Въ той же день повелѣніемъ Божиимъ вси на него восташа.»

всенароднаго арѣшца. Тутъ уже не было конца грубому остроумію мѣщанъ и мѣщанокъ. Кто-то принесъ изъ дворца безобразную маску, положилъ на животъ Димитрію и объявилъ шумному сборищу, что она найдена въ комнатахъ царскихъ наложницъ, на мѣстѣ образовъ, которые отысканы подъ кроватью. «Вотъ твоя Богъ!» кричали голоса. Другіе старались преобразить его въ уличнаго музыканта: всунули въ ротъ дудку, подъ мышку положили вольнку, а въ руку мѣдную деньги и приговаривали: «Ты часто заставлялъ дудить; теперь дуди самъ въ нашу забаву!» Нѣкоторые сѣкли бездушный трюкъ плетями и восклицали: «Сгубилъ ты наше царство, разорилъ казну, дорогой пріятель Нѣмецъ!» А Московскіе бабы осмыпали, между тѣмъ, царицу всевозможными ругательствами.

Но эти сцены, какъ ни было ужасно ихъ значеніе, можно еще назвать мирными въ сравненіи съ тѣмъ, что совершила въ это время другая часть Московскихъ горожанъ, которой принадлежитъ честь изверженія Самозванца и безчестіе цареубійства. Въ оправданіе старой Москвы, заключающей въ себѣ много людей добродѣтельныхъ, должно сказать, что большинство народонаселенія, состоящее изъ гражданъ умѣренныхъ и спокойныхъ, ничего не знало о замыслѣ Шуйска-

го. Какихъ людей Шуйскій набралъ орудіями кроваваго своего дѣла, видно уже изъ того, что, когда, во время грабежа дворцовыхъ конюшенъ, они увели 95 лошадей и нельзя было увести послѣдней, на ту пору захромавшей, то ее убили, содрали кожу, разсѣкли на четверо и унесли съ собою. Не въ одной столицѣ, но и въ окрестныхъ черныхъ слободахъ подготовлены были жители къ Московскому возстанію, хоть и не была объявлена прямая цѣль его. По первому набату вооруженныя сѣкирами, косами и кольями толпы поселянъ прискакали верхами и на повозкахъ, а иные прибѣжали пѣшкомъ на мѣсто убійствъ и грабежа. Условный крикъ Москвичей: «Поляки рѣжутъ бояръ и царя!» обратилъ ярость ихъ и жажду добычи на квартиры Польскихъ жолнеровъ. Иностранцы вовсе не ожидали такой бури, иначе они соединились бы въ крѣпкихъ квартирахъ знатнѣйшихъ Польскихъ пановъ. «Видно, Богъ хотѣлъ отнять у насъ умъ», говорятъ они въ своихъ запискахъ, «чтобы всѣхъ насъ покарать за гордость, надменность и наглые поступки жолнеровъ изъ царицыной свиты: на пути къ Москвѣ они грабили королевскихъ подданныхъ и отсюду слышали проклятій...» Такого-то сорту были, по большей части, люди, нахлынувшіе въ Москву съ Минсками. Въ дорогѣ они до того нагло обходились съ Русскими

поселянами, что старшіе принуждены были, для обузданія ихъ, учредить особенныхъ судей, «которыхъ оланно», замѣчаетъ очевидецъ, «никто не слушалъ». Теперь они получили достойную кару по дѣламъ своимъ. Но было много жертвъ невинныхъ и достойныхъ сожалѣнія. Такъ во дворцѣ и по квартирамъ, въ самомъ Кремлѣ, погибло человѣкъ до ста музыкантовъ и пѣсенниковъ, которые, по свидѣтельству Нѣмецкаго пастора, были люди благонравные и въ своемъ дѣлѣ весьма искусные. Женъ ихъ и дочерей горожане отводили въ свои дома, но не изъ состраданія.... Воевода Миншекъ не могъ подать помощи своему зятю: ворота его квартиры завалены были снаружи колодами и всякою всячиною. Жолверы его выстроились, однакожь, въ боевой порядокъ и хотѣли пробиться на коняхъ въ крѣпость, но скоро убѣдились въ невозможности этой попытки: улицы были заставлены рогатками и кипѣли буйными толпами народа. Также поступилъ и князь Вишнинецкій: сѣвъ на коней съ своими людьми, онъ хотѣлъ пробиться въ крѣпость или ускользнуть въ поле: но, узнавъ о смерти царя и гибели многихъ Поляковъ, рѣшился остаться въ домѣ и спасти себя упорною защитою. Завязалась рѣзня на обоихъ дворахъ. Русскіе хотѣли вломиться въ ворота и, неумѣя владѣть оружіемъ какъ Поляки, падали въ

свалки кучами; наконецъ привезли пушки и открыли пальбу, но и тутъ, въ-торопяхъ, или отъ неумѣнья, пушкарь навелъ большую пушку такъ, что вмѣсто Поляковъ прорѣзалъ въ толпѣ своихъ цѣлую улицу. Бояре, управясь съ Димитріемъ, спѣшили унимать буйство черни — орудія болѣе не нужнаго — и, отогнавъ ее не безъ труда, приставили къ воротамъ квартиръ Мишика, Вишневецкаго, къ посольскому и къ другимъ домамъ охранительную стражу. Но, пока они подошли, совершенно было много кровавыхъ дѣлъ. Нѣкоторые цаны, повѣривъ клятвамъ осаждающихъ, что будутъ оставлены въ покоѣ, выдали оружіе и были зарублены въ куски; другіе защищались до послѣднихъ силъ и пали въ сѣчѣ. Чернь не отваживалась нападать на многолюдныя квартиры, но гдѣ находила десятокъ, или немного болѣе Поляковъ вмѣстѣ, побивала всѣхъ безъ пощады. Чтобъ дать понятіе объ отвратительномъ характерѣ этихъ убійствъ — хотя великое убійство отвратительно, — приведемъ рассказъ очевидца, пастора Бера.

«Одинъ благородный Полякъ, пробужденный тревогою, вскочилъ съ постели въ одной рубашкѣ и, взявъ кошелекъ съ собою червонцевъ, кинулся въ погребъ и зарылся тамъ въ песокъ. Русскіе, думая, что въ погребу закопаны сокровища, нашли его. Бросивъ имъ

своей конюшкѣ, онъ молилъ объ одной жизни, отдавался въ плѣнь, увѣрялъ, что не знаетъ за собой никакой вины ни противъ царя, ни противъ народа, предлагалъ все свое имѣніе въ Москвѣ и въ Польшѣ, просилъ только отвести его во дворецъ, гдѣ онъ дастъ отчетъ въ своихъ поступкахъ. Его вывели изъ погреба. На дворѣ онъ увидѣлъ своихъ людей, раздѣтыхъ до нага и избрубленныхъ. Принужденный идти по трупамъ ихъ, этотъ добрый человекъ погрузился въ печаль невыразимую. Съ какою горестью смотрѣлъ онъ! Какъ тяжки были вздохи его! Между тѣмъ встрѣтился одинъ Москвичъ и закричалъ: «Бей этого...!» Несчастный Полякъ кланялся ему почти до земли и умолялъ ради Бога пощадить жизнь его такими словами, которыми бы смягчили самый камень; видя же непреклонность злодѣя, сталъ просить именовъ Святаго Николая и Пречистой Дѣвы Маріи. Жестокосердый Москвичъ ударилъ его саблею. Тутъ вырвался несчастный изъ рукъ проводниковъ, отскочилъ назадъ, снова поклонился и воскликнулъ: «О Москвичи! вы называетесь Христіанами: гдѣ же Христіанское ваше милосердіе? Пощадите меня ради святой вѣры вашей, ради жены и дѣтей моихъ, покинутыхъ мною въ отечествѣ!» Все было напрасно. Убийца разсѣкъ ему плечо; кровь полилась ручьями. Отчаянный Полякъ

бросился бѣжать. Злодѣи догнали и изрубили его, онъ умеръ въ жестокихъ мукахъ; потомъ бросились на трупъ и поссорились другъ съ другомъ за рубашку убитаго. Я самъ былъ тому свидѣтелемъ.»

Это былъ одинъ изъ ужаснѣйшихъ дней, какіе только помнить исторія. Шесть часовъ сразу гремѣлъ набатъ, раздавались ружейные выстрѣлы, стукъ оружія, топотъ коней, грохотъ колесъ и крики ожесточеннаго народа: «Сѣки, руби подлыхъ Ляховъ!» Наконецъ, къ 11 часамъ, болре успѣли прекратить рѣзню. Народъ удовлетворилъ жаждѣ мщенія, унизилъ кровью ненавистныхъ гостей своихъ и винами ихъ погребовъ. Послѣ кровавой бури настало время буйной радости. Каждый хвалился своими подвигами^(*), забывалъ, что они куплены не дешевою цѣною въ настоящемъ, и не предчувствовалъ, что слѣдуетъ за ними въ будущемъ. По однимъ извѣстіямъ, Поляковъ было убито тогда 1,200

(*) Авр. Палицынъ, 31, 32: «Весь же народъ Московскій отъ радости ладился пивнству, и вмѣсто благодаренія еже къ Богу, всякъ кождо своимъ промышломъ и храбрствомъ величавуся.» — Беръ, 91: «Дозволено было пиши и смеихвалашъ: «Кому устоять противъ насъ, Москвитянъ? знаемъ числа штъ! цѣлмй свѣтъ не сладить! все должно «покориться намъ!»

человѣкъ, а Русскихъ 400; по другимъ, однихъ Поляковъ 2,135 человекъ; а иные полагаютъ 1,500 Поляковъ и 2,000 Москвичей.

На другой день бояре возвратили Марину отцу ея, но содержали ихъ вмѣстѣ съ другими Поляками подъ стражею и потомъ отпразднили, до рѣшенія дѣла, въ Ярославль, откуда престарѣлый честолюбецъ возвратился, черезъ два года, на родину, а дочь его, не желая разстаться съ царскимъ титуломъ, закружилась въ новомъ вихрѣ народныхъ сужденій; наконецъ очутилась въ Московской тюрьмѣ и умерла тамъ самою горестною смертию.

Совершивъ свой многосложный подвигъ — уничтоживъ трехъ царей сразу, къ безчестию своему и къ бѣдствію отечества, — Шуйскій вкусилъ, наконецъ, плодъ тяжелыхъ заботъ своихъ, плодъ горестный, какъ оказалось въ послѣдствіи: 19 мая собрались на Красной площади всѣхъ сословій Московскіе жители, и, едва зашла рѣчь о собраніи земской думы для избранія царя, партія Шуйскаго, не давъ пойти въ ходъ этой мысли, успѣшила провозгласить его царемъ (1).

(1) Авр. Палицынъ, 34: «Малыми иѣнками отъ царскихъ платъ излюбленъ бысть царемъ Шуйскій.»

Народъ остался въ недоумѣнн, что съ нимъ дѣлають. Царская власть, въ которую Годуновъ облекся послѣ столькихъ всенародныхъ моленн и которая утвердилась за Димитріемъ, въ силу добровольнаго признанн его сыномъ Іоанна Грознаго, теперь была дерзостно схвачена рукою стараго крамольника и, соединясь съ его именованъ, безъ участн народа, потеряла священное свое значенн. Большинство, вѣрное Димитрію до самаго возстанн, скоро отрезвилось отъ одуряющаго чаду внутренняго переворота, и, какъ, не смотря на усилн боярской партн, вѣра въ истину происхожденн царя далеко не у всѣхъ была поколебана, то многіе чувствовали, что сдѣлано дѣло, какъ говорится, не чистое. Этимиъ объясняются странныя слухи о Димитріевомъ тѣлѣ, ходившіе по городу. Рассказывали, что по ночамъ сіялъ надъ нимъ какой-то свѣтъ, который исчезалъ, когда къ нему приближались, и вновь сіялъ, когда отходили въ сторону. А когда его отвезли за городъ и бросили въ *Божій домъ* вмѣстѣ съ другими мертвецами, ожидавшими погребенн, оно на другой день очутилось при входѣ. Надъ нимъ сидѣли два голубя, которые тотчасъ улетали, когда кто приближался, и снова садились, когда никого не было. Бояре приказали зарыть его въ землю; но на утро нашли его на другомъ кладбищѣ, далеко отъ Божьяго до-

ма. Ужасъ нашелъ на Москвичей. Одни считали покойника чернокижникомъ, другіе «человѣкомъ необыкновеннымъ», котораго кровь вѣиеть къ Богу объ отищеніи. Чтобъ прекратить вредныя толки, бояре Шуйскаго распорядились сжечь останки Самозванца и пепель развѣять по вѣтру. Но лучше было бы для нихъ и для Россіи, если бъ они набальзамировали убитаго хищника престола и сохранили во свидѣтельство дѣйствительности его смерти; гораздо безопаснѣе было бы для нихъ даже и тогда, когда бъ они, обнаруживъ родъ и племя мнимаго Димитрія, не умертвили его и держали въ крѣпкомъ заточеніи: ибо умы простолюдиновъ, потерявъ всякой слѣдъ Димитрія, своротили на болѣе опасную дорогу. Еще въ первый день мятежа пронеслась вѣсть, что убить былъ не Димитрій, а простой Нѣмецъ, на него похожій. Можетъ быть, Поляки, чтобы встревожить Шуйскаго, распустили въ народѣ эту молву; но она расширилась съ чудовищною быстротою, такъ что скоро стали рассказывать съ разными вѣроятными подробностями, когда, какъ и куда бѣжалъ Димитрій. Чего желаютъ, тому вѣрять. Къ Шуйскому не лежала душа народа; большинство было предано храброму, дѣятельному, и щедрому Димитрію. О его низкомъ обманѣ никто

уже не помнилъ; этотъ обманъ не оскорблялъ уже болѣе народной гордости. И вотъ пошла и пошла расти въ Москвѣ и въ областяхъ старая сказка на новый ладъ, сказка, которую Шуйскій набралъ для низверженія Годунова, а судьба — для низверженія самого Шуйскаго.

К О Н Е Ц Ъ .

а фразиса россійскіа
послѣдствіа константи

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе.	V

ГЛАВА I.

Характеръ Феодора, преемника Іоанна Грознаго. — Раздѣленіе бояръ на партіи. — Дмитрій удаляется въ Угличъ. — Замысль Бѣльскаго и возстаніе противъ него народа. — Шуйскіе. — Возмущеніе Годунова. — Шуйскіе дѣйствуютъ противъ него посредствомъ Мстиславскихъ. — Мстиславскій падаетъ; Шуйскіе дѣйствуютъ рѣшительнѣе. — Митрополитъ Діонисій миритъ ихъ съ Годуновымъ. — Торговые люди. — Шуйскіе сломаны; Діонисій лишень сана и заточень. — Митрополитъ Іоанъ 1

ГЛАВА II.

Страж.

Дѣятельность Годунова. — Учрежденіе въ Россіи патриаршества. — Шуйскіе и другіе бояре дѣйствуютъ съ Годуновымъ за-одно. — Опасенія ихъ касательно возмездія Дмитрія Угличскаго. — Убіеніе Дмитрія. — Стремленіе Годунова къ престолу. — Пожаръ въ Москвѣ. — Пашествіе хана и битва подъ Москвою. — Происхожденіе престяльцъ и укрѣпленіе ихъ за помѣщиками. — Смерть Θεодора и постриженіе Прины. — Интриги Годунова во время избранія его въ цари. 15

ГЛАВА III.

Борисъ еще притворствуеть. — Крестоцѣловальная записка. — Вѣздъ въ столицу. — Θεодоръ и Ксєнія, дѣти Борисовы. — Серпуховское ополченіе. — Устройство пограничной стражи. — Бизуакъ подъ Серпуховымъ. — Ханскіе послы. — Царское вѣнчаніе. — Милости. — Отрєпельъ подъ тайнымъ покровительствомъ бояръ. — Подозрѣнія Борисовы. — Ссылка Бѣльскаго. — Доносы. — Ссылка Романозыхъ, Черныскихъ и другихъ. — Отрєпельъ уходитъ изъ Москвы. — Заботливость Борисова о ссыльныхъ. — Душевныя страданія его. — Шуйскія. — Шведскій принцъ Густавъ. — Датскій королевичъ Іованъ. — Отрєпельъ странствуетъ по монастырямъ и лѣсамъ. — Молитва о царѣ, обнародованная Борисомъ. — Иностранная гвардія. — Ро-

ночь народа. — Отрепьевъ діакономъ въ Чудовскомъ монастырѣ	49
--	----

ГЛАВА IV.

Государственная дѣятельность Годунова. — Окончательное покореніе Кучумовой орды. — Новые города въ Сибири. — Подчиненіе Ногаевъ. — Дѣла въ Грузіи. — Отношеніе Годунова къ Персіи, Крыму, Турціи и государствамъ Европейскимъ. — Мысль о просвѣщеніи Россіи. — Голодъ. — Морь. — Слѣствія голода и закрѣпощенія крестьянъ и вольныхъ слугъ. — Заселеніе Литовской украины. — Разбой. — Самозванецъ измѣняетъ своей тайнѣ. — Бѣгство его въ Литву. — Онъ въ Кіевѣ. — Онъ на Волынѣ. — Учится въ Галицкой школѣ. — Отправляется на Запорожье	94
--	----

ГЛАВА V.

Происхожденіе Запорожскихъ козаковъ и исторія ихъ до Самозванца. — Описаніе ихъ страны и селѣтбы. — Самозванецъ на Дону. — Происхожденіе Донскихъ козаковъ и отношенія ихъ къ Московскому Государству. — Самозванецъ вступаетъ въ службу къ князю Вишневецкому. — Бытъ Польскихъ и Литовскихъ пановъ. — Самозванецъ открываетъ мнимое свое имя. — Паны принимаютъ въ немъ участіе. — Юрій Мишкевъ сводится съ Рангови. — Самозванецъ въ Краковѣ. — Пережѣла вѣры. — Аудіенція у короля. — Паниа Марина. — Сватовство. — Мѣры, принятыя Годуновымъ. —

Знаменія. — Ополченіе Самозванца. — Походъ въ Рос- сію	127
---	-----

ГЛАВА VI.

Раздѣленіе украинскихъ городовъ. — Взглядъ на Сѣверскую область и ея населеніе. — Меравскъ и Чер- няговъ поддаются Отрпьеву. — Осада Новгорода Сѣ- верскаго. — Мужество Басманова. — Поддача Путивля и другихъ городовъ. — Монахъ Леонидъ. — Собра- ніе рати. — Проклятіе Отрпьева. — Мстиславскій идетъ къ Новгороду Сѣверскому. — Битва. — Запорожцы. — Отступленіе царской рати.	173
--	-----

ГЛАВА VII.

Посылка Бориса въ войску. — Неудовольствія По- ляковъ. — Удаленіе большей части ихъ въ отечество. — Почести Басманову. — Василій Шуйскій главный на- чальникъ въ войскѣ. — Дѣло при Добрыничахъ. — Большая часть Запорожцевъ оставляетъ Отрпьева. — Бѣгство его въ Путивль. — Новая помощь съ Дону. — Казнь Сѣверянъ. — Кручина отъ царя войску. — Оса- да Кромъ. — Подсылка въ Путивль отравителей. — Смерть Бориса Годунова. — Присяга Феодору Бори- совичу. — Перемена воеводъ. — Измѣна Басманова и всего войска. — Отрпьевъ идетъ къ столицѣ. — Из- мѣна Москвитей. — Сверженіе Феодора съ престола. — Присяга Дмитрію. — Заточеніе Патріарха и Году- новыхъ. — Цареубійство и его истинные виновники.	201
--	-----

ГЛАВА VIII.

Стран.

Первыя распоряженія новаго царя. — Басмазовъ и родовитые бояре. — Вступленіе Димитрія въ Москву. — Образованіе совѣта. — Милости опальнымъ Борисова времени. — Пошла Годуновыхъ. — Новый патріархъ. — Царица Марѳа. — Вѣчаніе. — Правительственная дѣятельность Димитрія. — Отпускъ иноземной дружины. — Отступленія отъ Русскихъ обычаевъ. — Образъ жизни Димитрія. — Внутренніа боярѣ народу. — Неудовольствія. — Василій Шуйскій. — Новыя обличенія. — Иноземные гѣлохранители. 232

ГЛАВА IX.

Сношенія съ Польшею, Римомъ и другими иноземными государствами. — Обрученіе съ Мариною Мишицкѣ. — Тайныя сношенія боярѣ съ королемъ. — Медлительность Мишицка. — Ксенія. — Приготовленія къ войнѣ съ Турками. — Мавверы. — Казнь стрельцовъ и дьяка Осипова. — Гибель многихъ людей за толки о самозванствѣ царя. — Самозванецъ Петръ. — Татишевъ. — Путешествіе Мишицка. — Представленія Мишицка въ Золотой Палатѣ. — Пиръ. — Вѣводъ Маринъ въ Москву 264

ГЛАВА X.

Заговоръ Шуйскаго. — Польскіе пѣлы. — Сопротивленіе браку со стороны духовенства. — Новыя при-

чины къ неудовольствіямъ народа. — Свадьба и коронація Марини. — Столкновение національностей. — Наглость Поляковъ. — Дѣйствія заговорщиковъ. — Дерзкія рѣчи на площади. — Доносы. — Явные признаки мятежа. — Безпечность Дмитрія. — Ночь съ 16 на 17 мая. — Мятежъ. — Смерть Басманова. — Безсильный гнѣвъ, отчаяніе, бѣгство Дмитрія. — Марини пощажена. — Стрѣльцы сражаются за царя. — Рѣчь Шуйскаго. — Убіеніе Дмитрія. — Поруганіе тѣла Дмитріева. — Избіеніе Поляковъ. — Боле утишаютъ мятежъ. — Судьба Марини. — Избраніе Шуйскаго въ царя. — Разказы о Дмитріевомъ тѣлѣ. — Сожженіе его останковъ. — Слухи о его спасеніи. . 297

ОШК № 3539